

Академия наук Республики Татарстан
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

На правах рукописи

Фазлутдинов Ильназ Ильдусович

**Исторические предания татар Башкортостана: жанровая специфика
и тематический состав**

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

5.9.4. – Фольклористика

Научный руководитель:
доктор филологических наук
И.Г. Закирова

Казань – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТАТАРСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ И ЭТАПЫ ИХ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.....	14
1.1. История собирания и исследования татарских исторических преданий..	14
1.2. Критерии выделения жанровых границ преданий.....	31
1.3. Жанровая природа исторических преданий татар Башкортостана: структура, типология и функции.....	40
Выводы по Главе 1.....	59
ГЛАВА 2. ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТАТАРСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ.....	61
2.1. Подходы к систематизации и каталогизации устных нарративов.....	61
2.2. Принципы классификации татарских преданий.....	73
2.3. Сюжетно-мотивная организация текстов и разработка Перечня мотивов исторических преданий татар Башкортостана.....	85
Выводы по Главе 2.....	101
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ЦИКЛЫ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ ТАТАР БАШКОРТОСТАНА.....	103
3.1. Предания об истории возникновения татарских сел и деревень Башкортостана.....	104
3.2. Предания о мечетях, мусульманских школах (мактабах), богословских училищах (медресе) и религиозных деятелях.....	123
3.3. Предания о ворах, разбойниках и конокрадах	136
3.4. Предания о народных волнениях и бунтах.....	151
Выводы по Главе 3.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	165
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	169

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В условиях стремительной глобализации и частичной утраты национальных и духовных ценностей обращение к исторической памяти народа и ее сохранение приобретают важное научное и культурное значение. Историческая память представляет собой совокупность исторических сведений, отраженных в фольклоре или других памятниках культуры, передаваемых от поколения к поколению и переосмысленных как обществом в целом, так и отдельными его представителями. Устное народное поэтическое творчество, зародившееся еще в глубокой древности, долгое время было единственной «неписаной историей» народа, в которой отражены важнейшие этапы его жизненного пути. При этом историческая информация сохранялась прежде всего в эпическом повествовании, которое представляет собой «не совершенную фиксацию исторических событий, <...> а конструирование из исторических воспоминаний своего — эпического — мира»¹.

Исторические предания являются одним из наиболее информативных фольклорных жанров при изучении народной истории. Они выступают своеобразной художественной летописью реальных событий, повлиявших на жизнь людей, и в то же время представляют собой фольклорную интерпретацию исторических фактов. Анализ исторических преданий позволяет выявить особенности восприятия народом определенных событий или личностей, даже если это восприятие имело противоречивый характер. Выявление таких преданий и изучение их локальной специфики рассматриваются современной отечественной фольклористикой как первостепенная задача. В данном диссертационном исследовании впервые предпринята попытка систематизации и комплексного анализа исторических преданий татарского населения, проживающего в Республике Башкортостан,

¹ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. Сборник к 60-летию А.К. Байбурина / ред.: Н.Б. Вахтин и Г.А. Левинтон при участии В.Б. Колосовой и А.М. Пиир (Studia Ethnologica. Труды факультета этнологии. Вып. 4). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77-86.

— материала, который ранее не был предметом специального научного исследования.

Башкортостан отличается этноконфессиональной неоднородностью. По официальным данным, крупнейшими этническими группами населения являются русские, башкиры (второе место по численности) и татары (третье место); кроме того, в республике проживают чуваша, удмурты и представители других народов¹.

Территория современного Башкортостана исторически является одним из традиционных мест расселения татар. Северо-западная часть республики входила в сферу влияния Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства; в 1550-1580-е годы эта территория числилась в составе Казанского уезда. В период 1708-1728 и 1731-1734 годов она (так называемая Уфимская провинция) находилась в административном подчинении Казанской губернии².

Регионы Поволжья и Приуралья с давних времен были зоной активной внутренней миграции татар в разных направлениях. Определенная часть татар проживала на территории современной Республики Башкортостан автохтонно с эпохи вхождения этих земель в состав Булгарского государства, однако подавляющее их большинство переселилось сюда после падения Казанского ханства. Часть населения прибыла на эту территорию из различных регионов России. Например, племя томэнов («*тәмән*»), мигрировавшее с Симбирской стороны, заняло в истории татар Башкортостана особую этнокультурную нишу.

На протяжении многих веков татары и башкиры жили бок о бок, что обусловило их тесные культурные, языковые и религиозные связи, а также общие экономические и политические условия существования.

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.12.2022).

² Миргалеев И.М., Аксанов А.В. Введение // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 6-14.

Не удивительно, что столь давнее соседство нашло отражение и в их фольклоре: в обрядовой традиции и мифологии, в эпических произведениях и песенном творчестве обоих народов часто встречаются похожие сюжеты и мотивы. Именно общность традиций легла в основу формирования целого пласта исторических преданий, в которых переплетаются реальные события прошлых эпох и их фольклорные интерпретации, указывающие на глубину и многообразие взаимных культурных влияний.

Определить, к татарскому или башкирскому фольклору относится то или иное историческое предание, зачастую непросто, для этого необходимы специальные исследования. Нередко один и тот же сюжет или даже идентичный текст оказывается общим достоянием татарского и башкирского народов или всего тюркского мира, что объясняется типологическими схождениями, обусловленными социально-историческими условиями развития, а не только прямыми заимствованиями.

Фольклор татар Башкортостана во многом совпадает с общетатарским наследием по жанровому разнообразию и сюжетному составу. Однако именно на территории Башкортостана сформировались и сохраняются уникальные предания, связанные с конкретными историческими реалиями региона, такими как переселения, вооруженные столкновения, основание новых поселений, контакты с представителями других этносов и вероисповеданий. Данные материалы отражают тесную связь фольклора с событиями прошлого и подчеркивают особое место исторических преданий в культурном пространстве Башкортостана.

Несмотря на то, что татарские исторические предания неоднократно становились объектом внимания фольклористов, в научном обороте до сих пор отсутствуют единые методологические критерии их жанровой дифференциации, а также системное исследование их сюжетно-мотивного состава. В контексте локальной фольклорной традиции татар Башкортостана это особенно заметно, поскольку здесь сформировались и сохраняются

уникальные предания, которые еще не получили должного освещения в татарской фольклористике.

Таким образом, актуальность данного исследования определена необходимостью восполнить существующий пробел в научном изучении исторических преданий татар Башкортостана. Комплексный анализ их жанровых особенностей, основных тематических циклов и региональной специфики позволит расширить представления о многообразии татарского фольклора и разработать более четкие критерии для дальнейшей классификации подобных произведений.

Степень разработанности темы. Исторические предания привлекали внимание как зарубежных, так и отечественных фольклористов. Большой вклад в изучение специфики этого жанра внесли российские ученые В.Я. Пропп¹, К.В. Чистов², В.К. Соколова³, Н.А. Криничная⁴ и др., заложившие теоретическую основу исследования исторических преданий. Важную роль в этом процессе сыграли и татарские фольклористы, которые обратились к анализу исторических преданий как одного из наиболее значимых жанров устной народной прозы.

¹ Пропп В.Я. Легенда // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 378; Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 152; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / вступ. статья В.И. Ереминой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

² Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М: Наука, 1964; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967; Чистов К.В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов: доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 318-335.

³ Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразие) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968. С. 269-270; Соколова В.К. Русские исторические предания / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970.

⁴ Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / Академия наук СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории. Изд. подг. Н.А. Криничная. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987; Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 97; Криничная Н.А. Когда гранит и летопись безмолвны... // Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подг. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 5-22; Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий / Карел. науч. центр АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Карел. науч. центр АН СССР, 1990; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т русской лит-ры. Петрозаводск, 1991. С. 11; Криничная Н.А. Предания Русского Севера: реальность и традиции / изд. подг. Н.А. Криничная; отв. ред. Ю.И. Юдин. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение. 1991.

У истоков первых публикаций текстов татарских преданий стояли П.И. Рычков¹, С.М. Шпилевский², М.С. Аитов³, К. Насыри⁴ и др. С созданием Академического центра Наркомпроса ТАССР (1921-1930 гг.) началась систематическая работа по собиранию произведений устного народного творчества, в том числе преданий, которые увидели свет на страницах «Вестника научного общества татароведения» и в отдельных изданиях⁵. В это же время М.А. Васильев и Г. Рахим подготовили и опубликовали одно из первых методических руководств – «Пособие для сбора фольклора и народной литературы»⁶, которое не утратило своей актуальности и сегодня.

С 1939 года, после открытия Научно-Исследовательского Института татарского языка и литературы, активизировалась целенаправленная научная деятельность по сбору и изданию фольклорных текстов. Несмотря на периодическую публикацию отдельных текстов преданий в различных сборниках и на страницах периодической печати, специальное научное издание, посвященное этому жанру, увидело свет только в конце 1980-х годов. На основе богатейшего фольклорного материала, собранного и систематизированного фольклористами Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова, впервые в истории татарской фольклористики был подготовлен 13-томный свод «Татарское народное творчество», в котором татарским преданиям и легендам был отведен

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб.: при Императорской Академии наук. Часть I. 1762. Часть II. 1762; Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1767.

² Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии / соч. С.М. Шпилевского. Казань: Университетская типография, 1877. URL: <http://elibrary.ru/nodes/68321#mode/inspect/page/44/zoom/8> (дата обращения: 12.02.2024).

³ Алишев С.Х. Каюм Насыри и Мухаметзян Аитов // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976. С. 193-198.

⁴ Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзгеллек бәйрәм материаллары / төз. Г. Рәхим. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926.

⁵ Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного общества татароведения. 1926. № 4. С. 82-91; Тарзиманов Ф.В., Рахим А. Хузялар тавы // Вестник научного общества татароведения. 1928. № 8. С. 174-177; Васильев М.А. Памятники татарской народной словесности – сказки и легенды. Казань: Изд-во комбината издат. и печати ТССР, 1924.

⁶ Васильев М.А., Рәхим Г. Фольклор һәм халык әдәбияты жыю өчен кулланма // Әлифба тәртибе, имла кагыйдәсе, атамалар мәсьәләсе, халык әдәбиятын жыю турында инструкциялар жыентыгы. Казан: Татарстан Мәгариф Халык Комиссариаты басмасы, 1926.

отдельный том¹. Впоследствии увидели свет многочисленные фольклорные сборники, в том числе сборники татарских преданий, собранных на территории Республики Башкортостан².

Начиная с 1970-х годов был опубликован ряд научно-теоретических работ, посвященных преданиям и легендам как самостоятельным жанрам национального фольклора (Н.Ф. Ибрагимов³, С.М. Гилязутдинов⁴, Р.М. Мухаметзянов⁵, Г.М. Давлетшин⁶, Ф.И. Урманчеев⁷, М.Х. Бакиров⁸, С.З. Мухаматнуров⁹, И.К. Фазлутдинов¹⁰ и др.), в которых были

¹ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.

² Жөн-пәриләр бар диләр... Татар халык легендалары һәм мифлары / төзүчесе һәм текстларны әзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе, 1992. № 3-4; Исә Болгар жилләре... Риваятьләр, легендалар, бәетләр һәм тарихи ядкарьләр / төзүчесе һәм текстларны әзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе, 1992. № 11-12; Татар халык риваятьләре һәм легендалары / төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләр язучы С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Раннур, 2000; Мөхәммәтжанов Р.М. Башкортстан Ык буге татарларының йола ижаты (Туй поэзиясе). Уфа, 1977.

Урманче Ф.И. Татар халык ижаты / фәнни мөхәррире Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Мәгариф, 2005. Б. 173-174.

³ Ибрагимов Н.Ф. Об исторических преданиях татарского народа // Тезисы докладов научной конференции за 1970 год. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. Казань, 1971. С. 57-59; Ибрагимов Н.Ф. Топонимик риваятьләр һәм легендалар // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. Казан, 1971. Б. 45-46; Ибрагимов Н.Ф. Отражение и изменение древних верований в генеалогических легендах // Тезисы докладов научной сессии за 1972 год. Казань, 1973. С. 91-93; Ибрагимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның жанр үзенчәлекләре // Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых Института языка, литературы и истории КФ АН СССР. Казан, 1974. Б. 28-30; Ибрагимов Н.Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1976. С. 98-100; Ибрагимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның кайбер үзенчәлекләре // Татар теле һәм әдәбияты. Казан, 1976. 5 китап. Б. 214-220.

⁴ Гыйләжетдинов С.М. Риваятьләр, легендалар һәм мифологик хикәятләр турында // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 5-18; Гилязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2000. С. 6-15.

⁵ Мухаметзянов Р.М. Специфика татарских фольклорных жанров: учеб. пособие по спецкурсу. Уфа: Изд-во БашГУ, 1989. С. 70.

⁶ Дәүләтшин Г.М. Идел буге болгарларының риваятьләре (Монгол яуларына хәтле чор) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. Казан, 1984. Б. 3-17; Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990; Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999.

⁷ Урманчеев Ф.И. Эпические сказания татарского народа: сравнительно-исторические очерки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980; Урманчеев Ф.И. По следам Белого волка: ранние этнокультурные связи тюрко-татарских племен. Казань: ИЯЛИ, 1994; Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: өч томда. Т. II. Казан: Мәгариф, 2009. Б. 287-288.

⁸ Бакиров М.Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 136-145.

⁹ Мухаматнуров С.З. Изображение исторических личностей в преданиях // Поэтика татарского фольклора. Сборник статей / сост. и отв. ред. Х.Ш. Махмүтов. Казань, 1991. С. 93.

¹⁰ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018; Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021; Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021.

проанализированы некоторые жанровые разновидности преданий, их классификационные признаки, отдельные сюжеты, мотивы и образы, а также художественные особенности.

Однако, несмотря на наличие большого количества работ, затрагивающих те или иные вопросы жанровой дифференциации преданий, а также их локальную специфику, исторические предания татар Башкортостана до сих пор не становились предметом специального комплексного исследования.

Цель исследования – провести комплексное изучение исторических преданий татарского народа, проживающего в Республике Башкортостан, включающее определение их жанровой специфики и систематизацию тематического состава.

Исходя из данной цели, был сформулирован ряд основных **задач**:

1) систематизировать этапы собирания и изучения татарских исторических преданий, выявить проблемные зоны в разработке темы в отечественной и татарской фольклористике;

2) обобщить теоретический материал и конкретизировать исследовательский инструментарий по проблеме изучения исторических преданий как жанра устной несказочной прозы;

3) определить жанровую специфику и типологические особенности исторических преданий татар Башкортостана, выявить их структурные, художественные и содержательные особенности;

4) изучить существующие методы систематизации, классификации и каталогизации татарских исторических преданий; разработать перечень ключевых мотивов татарских исторических преданий;

5) проанализировать основные тематические циклы исторических преданий татар Башкортостана, охарактеризовать их региональную специфику, связь с исторической реальностью и отражение в них коллективной памяти народа.

Объект исследования – исторические предания татарского населения, проживающего на территории Республики Башкортостан.

Предмет исследования – тематический состав и жанровая специфика исторических преданий татар Республики Башкортостан.

Материал исследования составили тексты преданий, опубликованные в ряде фольклорных сборников («Татарское народное творчество. Предания и легенды»¹, «Фольклор татар Башкортостана: предания, легенды, былички, устные рассказы»², серии «Фольклор татар Башкортостана: западные и юго-западные; северные и северо-восточные; центральные и северо-западные районы»³ и др.), а также материалы из дореволюционной печати и краеведческой литературы. В качестве сопоставительного материала были привлечены ранние письменные источники, а также образцы татарского фольклора, опубликованные в работах историков, диалектологов, фольклористов и др.⁴

В ходе исследования использовались также архивные материалы Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, фольклорного фонда кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета (ныне Высшая школа отечественной филологии Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ)), а также материалы из личных собраний исследователей.

Методология и методы исследования. В диссертационном исследовании использовалась совокупность методологических подходов:

¹ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.

² Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018.

³ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021; Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021.

⁴ Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Т. I. Казан: Матбугат йорты, 2001; Т. II. Казан: Матбугат йорты, 2003; Закирова И.Г. Иркутск өлкәсе татар фольклоры // Милли мәдәни мирасыбыз: Иркутск өлкәсе татарлары. Казан, 2021. Б. 221-222; Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропонимнары: Татарстан авыллары исемнәре. Казан, 1973.

историко-культурный анализ, структурно-типологический, сравнительно-исторический и описательный методы.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили фундаментальные труды ведущих фольклористов (А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, К.В. Чистова, Б.Н. Путилова, В.П. Аникина, Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой, Н.А. Криничной, В.П. Кругляшовой, Х.Х. Ярмухаметова, Ф.А. Надршиной) и специальные работы по изучению татарской устной исторической прозы (Н.Ф. Ибрагимова, Р.М. Мухаметзянова, С.М. Гилязутдинова, Х.Ш. Махмутова, Ф.И. Урманчеева, М.Х. Бакирова, И.К. Фазлутдинова, К.М. Миннуллина, И.Г. Закировой, Д.М. Исхакова, Р.Ф. Хакимова, Л.Х. Мухаметзяновой, Л.Х. Давлетшиной, Ф.Х. Завгаровой и др.).

Новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой первый опыт комплексного научного осмысления исторических преданий татар Башкортостана. В диссертации исторические предания систематизированы по структурно-типологическому принципу (на основе мотивов), впервые составлен Перечень основных сюжетов и мотивов татарских исторических преданий, который может послужить основой при создании указателя мотивов исторических преданий. Выявлены жанровые и художественные особенности текстов, изучены их историческая основа и локальные черты, характерные для татарского фольклора Республики Башкортостан. Кроме того, в исследовании охарактеризованы основные циклы, проанализирована соотнесенность преданий с реальными историческими событиями, показана историко-этнографическая база циклов, типов, сюжетов и мотивов, а также определена их детерминированность конкретными историческими условиями.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исторические предания татар Башкортостана представляют собой значимый пласт устной исторической прозы, сохраняющей коллективную память этноса. В них отражены сведения о первопоселенцах, становлении

поселений, народных движениях и локальных исторических событиях, воспринимаемые носителями традиции как достоверные рассказы о прошлом.

2. Жанровая специфика татарских исторических преданий Башкортостана обусловлена их обращением к реальным или потенциально возможным событиям, преподнесенным в художественной интерпретации. Содержание исторического предания представляет собой синтез исторических фактов и элементов коллективной памяти этноса. В большинстве текстов главными персонажами являются реально существовавшие исторические личности.

3. Исторические предания татар Башкортостана представляют собой фольклорные произведения, формировавшиеся на основе образного осмысления прошлого. Восприятие этих текстов носителями традиции сохраняет установку на достоверность, что обуславливает стремление к документальному обоснованию фактов. Композиция преданий основана на синтезе исторической реальности событий, эпических и художественных элементов, а также мифологических мотивов.

4. Представленный в работе подход к систематизации и классификации преданий позволяет выделить устойчивые мотивы и сюжеты, характерные для татарского исторического фольклора Башкортостана. Разработанный перечень мотивов может послужить основой для создания специализированного сюжетно-мотивного указателя.

5. Исторические предания татар Башкортостана сформировали несколько тематических циклов — о переселении, основании поселений, религиозной жизни, разбойничестве, народных движениях и др., отражающих региональную специфику фольклора, связанную с историко-культурной средой проживания носителей традиции.

6. Ценность исторических преданий татар Башкортостана заключается не только в их документально обусловленном содержании, но и в значимом психологическом подтексте, отражающем народное восприятие

описываемых в них событий и исторических фигур. Основная функция этих текстов — сохранение коллективной памяти народа о социально значимых событиях прошлого, а также поддержание и актуализация традиционных ценностей через их назидательное переосмысление.

Апробация результатов. По теме диссертации опубликовано 4 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ; 2 статьи опубликованы в изданиях, индексируемых в базах Scopus и Web of Science. Кроме того, автором опубликовано более 10 статей в научных сборниках и периодической печати. Результаты по теме исследования докладывались на 7 международных и 1 всероссийской конференции. Кроме того, И.И. Фазлутдинов стал победителем Конкурса молодежных научных грантов Республики Татарстан (2023 г.), в рамках которого подготовил учебно-методическое пособие «Татарские исторические предания: основные сюжеты и мотивы».

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения и списка использованных источников и научной литературы.

ГЛАВА 1. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТАТАРСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ И ЭТАПЫ ИХ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Актуальность анализа исторических преданий определяется необходимостью их точной дифференциации в рамках устной несказочной прозы и осмысления этих текстов как особой формы фольклорного исторического нарратива. Татарские исторические предания, зафиксированные на территории Республики Башкортостан, представляют собой сложный культурный феномен, сочетающий элементы коллективной памяти, этнографической локализации, поэтической образности и исторической достоверности. Настоящая глава посвящена раскрытию исследовательской истории жанра, определению теоретико-методологических оснований его изучения, а также комплексному осмыслению жанровой модели татарских исторических преданий в их региональной версии.

1.1. История собирания и исследования татарских исторических преданий

Первые письменные образцы татаро-тюркских преданий относятся к древнетюркскому периоду. Например, в самых ранних источниках – Орхоно-Енисейских эпитафических памятниках, зафиксированы тексты о выдающихся правителях и великих полководцах той эпохи¹. Надписи на каменных стелах Кюль-тегина, Билге-кагана, Тоньюкука и других политических и военных деятелей тюркского каганата по содержанию близки к историческим преданиям о правителях и воинах.

В сохранившихся источниках на древнетюркском, арабском, китайском, персидском, западноевропейских, русском и татарском языках зафиксированы предания, исторические рассказы или их фрагменты, отрывки

¹ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

преданий, легенд и мифологических рассказов. Следует заметить, что обращение летописцев, историков и путешественников к фольклору, особенно к преданиям, не случайно, так как именно в преданиях основной сюжета являются исторические события.

Прежде всего это труды по истории, археологии, географии (сочинения арабских, персидских, западноевропейских, российских путешественников, летописцев), этнографии, языку (диалектологии и исторической ономастике), литературе, искусству и архитектуре.

Значительный интерес в плане изучения древних форм мифологического и художественного мышления предков современных тюркских народов – древних тюрков – представляют предания, зафиксированные в китайских хрониках VI-VII веков¹. Такие предания служат ответом на вопрос о предпосылках возникновения народа; о том, откуда произошли тюрки.

Согласно преданиям, зафиксированным в китайских летописях, древние тюрки почитали волка. В одном из текстов рассказывается о происхождении уйгурского народа². В другом предании, родоначальником тюркских народов называется волк³. Согласно этому преданию, алтайские тюрки произошли от западных гуннов, однако они не считают себя их прямыми потомками. С одной стороны, их родоначальником считаются гунны, с другой – волк. Как гласит история, после смерти Атиллы в 453 году западные гунны как отдельный народ существовали недолго и исчезли они в 468 или 469 году. А тюрки как самостоятельный народ вышли на историческую арену в 545 году⁴. Существуют разные мнения относительно того, к какому жанру относятся эти тексты, размещенные в трудах Н.Я. Бичурина (Иакинфа): к преданиям или легендам. Данные тексты,

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. 1950; Т. II. 1950; Т. III. 1953.

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 214.

³ Там же. С. 220-221.

⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М: Товарищество «Клышников – Комаров и Ко». 1993. С. 23.

являющиеся общим для всех тюрков наследием, выстроены на мифологических мотивах, однако в них описывается история народа, поэтому определение их жанровой принадлежности остается спорным вопросом. Необходимо отметить, что упомянутые тексты по сюжету соответствуют циклу преданий «О происхождении определенной общности».

Словарь «Диван лугат ат-тюрк» (рус. «Словарь тюркских наречий»), составленный знаменитым ученым XI века Махмудом ал-Кашгари, является важным источником, в котором представлен основательный материал для изучения преданий и легенд тюркских народов¹. В частности, в словаре имеются тексты, в которых описывается история происхождения отдельных народов; тексты, посвященные историческим личностям (Александр Македонский, Афрасияб и др.), повествующие о происхождении названий городов, деревень, гор, рек, расположенных на землях, где проживали тюрки. Например, в словаре содержится текст, в жанровом плане расположенный между легендой и преданием: «Тюрков в сущности, наверное, 20 племен. Все они сводятся к сыну пророка Нуха Яфасу, сыну Яфаса Тюрку».

Уникальные образцы преданий и легенд предков современных татар – волжских булгар зафиксированы в арабских и персидских источниках X-XV веков. Особого внимания заслуживают труды Ибн Фадлана, Абу Хамида ал-Гарнати², которые писали о Волжской Булгарии, опираясь на личный опыт посещения данного государства. В этих трудах зафиксированы предания о происхождении болгарского народа и об этимологии данного этнонима³. В легендах и преданиях, запечатленных в путевых заметках Ибн Фадлана и

¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина; предисл. и введ. И.В. Кормушина; примеч. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова; Институт востоковедения РАН: Институт языкознания РАН. М.: Восточная литература, 2010. Т. 1. (Памятники письменности Востока. СХХVIII, 1 / редкол.: Г.М. Бонгард-Левин и др.).

² Ковалевский О.М. Поездка из Иркутска в Ургу // Казанский вестник, 1829. Ч. 26. Кн. 5. С. 7-8. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского. 1830-1831 гг. / подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий и указатели Р.М. Валеев, И.В. Кульганек; отв. ред. А.Д. Цендина. Казань: Таглитмат, 2006.

³ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / пер. с арабского, вступ. статья и примеч. О.Г. Большакова, ист. коммент. А.Л. Монгайта. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. С. 31.

Абу Хамида ал-Гарнати, речь идет о великанах-алыпах, природном ландшафте Булгарского государства, взаимоотношениях болгар с соседними народами, о принятии булгарами ислама в качестве государственной религии и т.д.

Как подчеркивалось выше, в трудах арабских историков, путешественников, летописцев зафиксированы предания об исторических личностях и исторических событиях. Например, предание о хане Бачмане, стоявшем во главе освободительного движения против монгольских захватчиков, упоминается в трудах Н.Я. Бичурина (Иакинфа), персидских историков аль-Джувейни (Ала ад-дин Ата-Малик) и Рашида-ад-дина. Так, в «Истории завоевателя мира» («Тарих-и джахангушай») Джувейни хану Бачману посвящена отдельная глава¹. В письменных источниках встречаются и предания или их фрагменты о монгольских набегах, Хромом Тимуре, булгарском народе и его городах, Идегее, ханах Золотой Орды.

Булгарский народ был знаменит своими учеными. Например, об исторических преданиях, включенных в «Историю Булгарии», составленную булгарским кадием и историком XII века Якубом ибн Нугманом (по данным Р.Ф. Фахретдинова, он умер в 1165 г.), упоминает ал-Гарнати; он, в частности, отметил, что в «Истории Булгарии» содержатся предания волжских болгар о принятии ими ислама².

Большое количество исторических преданий, указывающих на преемственность Булгарского и Казанского ханств, имеется в татарских письменных источниках, относящихся к XVII-XVIII векам. Во второй половине XIX – начале XX века татарские историки Ш. Марджани, Х. Амирханов, Р. Фахретдинов, Г. Ахмеров, Х. Атласи и др. при освещении событий эпохи Волжской Булгарии и Казанского ханства, наряду с другими материалами, использовали и народные предания. Предания, записанные в

¹ Из «Истории завоевателя мира» Джувейни // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем. М.-Л. 1941. С. 24.

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / пер. с арабского, вступ. статья и примеч. О.Г. Большакова, ист. коммент. А.Л. Монгайта. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. С. 31, 61, 83.

XVI-XVIII веках как исторические свидетельства, воспринимаются как документальные источники.

Большой вклад в дело собирания произведений народной исторической прозы внесли историк-любитель Мухаметзян Аитов и выдающийся татарский ученый-просветитель Каюм Насыри. Так, Мухаметзян Сулейманович Аитов (1823-1890), купец 2-й гильдии, краевед, собирал материал по истории Казанского ханства: о Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева, о миссионере Луке Конашевиче (Аксак Каратун), Ишбулат-мулле и Касим-шейхе. Его работы были изданы К. Насыри.

Некоторые фольклорные произведения, в том числе предания, собранные Каюмом Насыри, печатались в издававшихся им календарях, остальные – в выпущенных уже после его смерти сборниках. Каюм Насыри уделял большое внимание преданиям, посвященным истории татарского народа, становлению и развитию Казанского ханства¹. Собранный ученым материал, относящийся к этнографии и истории, по всем характеристикам относится к жанру преданий. В предисловии к преданию «Аксак Каратун», объясняя свою деятельность по сбору произведений народной исторической прозы и выделяя сложные аспекты этой работы, Каюм Насыри отметил: «В народе живет множество преданий. Но записывание их из уст народа затруднительно. Одни знают только концовку каких-либо событий, другие – только начало. Иные носители преданий рассказывают об одном событии, смешивая его с другим. В этой связи что-то остается нераскрытым»².

Говоря о деятельности Г. Тукая по сбору и изучению народного творчества, следует отметить, что поэт собирал и изучал народные песни и баиты, использовал в своем творчестве сказки и мифологические сказания.

¹ Насыри К. Кабан күле хакында риваять // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 38; Насыри К. Казан бәетендә мэкүр Үлмәс вә Әбүл-халык хакында риваять // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 39; Насыри К. Казанның кадимге ихатасы хакында риваятьләр // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 39; Насыри К. Казан шәһәре хакында риваятьләр // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 39.

² Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзгеллек бәйрәм материаллары. Казан, 1926. Б. 16.

Тексты же, повествующие об истории возникновения татарских народных мелодий, опубликованные им вместе с текстами песен и по своим характерным признакам являющиеся преданиями, до сих пор остаются вне поля зрения исследователей.

Отметим, что отдельные образцы преданий и легенд публиковались в татарской и русскоязычной дореволюционной периодической печати¹.

Татарские предания в русских источниках стали упоминаться в конце XVI века, а первые их специальные публикации относятся к XVIII веку. Например, такой литературный памятник XVI века, как «Казанская история» сохранил для нас предания об истории Казанского ханства, исторических личностях, прежде всего о Сююмбике, о кровопролитных боях при завоевании Казани². Как отмечала Г.Н. Моисеева, «для воссоздания истории Казани древнейшей поры автор обратился к легендам и преданиям казанских татар»³.

В собирании, публикации и изучении татарских преданий и легенд значительной была заслуга ученых Казанского университета, основанного в 1804 году Александром I. В журнале «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете», издававшемся при университете, татарскому фольклору, в частности преданиям, было отведено отдельное место.

Следует отметить книгу С.М. Шпилевского, в которой представлено более 30 преданий, опубликованных до 1878 года, и дан их исторический анализ⁴. Ученый указал, что позаимствовал предания из древних рукописей и

¹ Тэнреколов Г. – Хөтбә хакында риваять (гарәпчә) // Мәгълүмат. 1908. № 14. Б. 298.

Һиләл сөбүтү хакында хәдис вә риваятьләр // Мәгълүмат. 1908. № 16. Б. 339.

Кормаши Сабиржан. Изгеләр чишмәсе // Шура. 1915. № 9. Б. 286-287.

Кормаши Сабиржан. Сәхиб әби әүлия булган // Шура. 1915. № 12. Б. 2-3.

Кормаши Сабиржан. Жылау көе // Шура. 1915. № 12. Б. 283.

² История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам [Текст]. СПб.: Имп. Академия наук, 1791.

³ Казанская история / подготовка текста, вступ. статья и примечания Г.Н. Моисеевой; под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 12.

⁴ Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии / соч. С.М. Шпилевского. Казань: Университетская типография, 1877. 585 с. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/68321#mode/inspect/page/44/zoom/8> (дата обращения: 12.02.2024).

книг и сопоставил имеющуюся в них информацию с историческими фактами. Книга посвящена истории и археологии древних городов и других болгарско-татарских памятников, находящихся на территории Казанской губернии, и состоит из трех частей:

В первой части дано обозрение мусульманских источников о болгарских городах, это прежде всего произведения арабских писателей X-XV веков, персидских писателей XV-XVIII веков, татарская рукопись об основании города Казани, города Табулга-Атау, аулов, о племенах и могилах святых по Шефер-эддину и др.

Во второй части представлена информация о булгарах и болгарских городах по русским летописям, в которых описаны походы Святослава и Владимира, поход 1120 года, взятие булгарами Устюга в 1218 году, взятие ушкуйниками Жукотина в 1359 году, походы русских против булгар в 1370 и 1376 гг., бой в Лыскове в 1411 году и др.

В третьей части указаны древние укрепления и могилы, места находок вещей и монет с обозрением найденных предметов (о Булгарском городище, курганах и надгробных надписях, вещах и монетах, найденных в Булгарском городище, о городищах, курганах и кладбищах, находящихся в губернии).

Предания, освещающие историю булгар и татар, представлены и в книге П.И. Рычкова «Опыт казанской истории древних и средних времен»¹.

Произведения татарской сказочной прозы публиковались в местной периодической печати, а также в путеводителях, справочниках по Казани и других научно-популярных изданиях. Так, в «Спутнике по Казани», составленном профессором Казанского университета Н.П. Загоскиным, «начальной истории Казани» посвящена объемная статья, в которой подробно изложена история города на основе преданий². В путеводителе по Казани от 1910 года были опубликованы многочисленные легенды и

¹ Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб.: при Императорской академии наук. 1767. 196 с.

² Спутник по Казани: Ил. указ. достопримечательностей и справ. книжка города / под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань: Типо-лит. имп. ун-та, 1895.

предания об основании Казани, освобождении жителей от крылатого змея Зиланта¹.

Некоторые образцы преданий и легенд были опубликованы в краеведческих изданиях других областей и губерний России, где компактно проживало татарское население.

Из зарубежных источников следует отметить труд венгерского ученого Г. Балинта, посетившего в 1870-е годы Казанскую губернию с целью изучения татарского языка. В изданном им сборнике, наряду с другими фольклорными произведениями, имеются рассказы о встрече людей с духами природы (тат. *ияләр*).

Введению в научный оборот исторических преданий сибирских татар мы обязаны Г.Ф. Миллеру². В своих трудах, наряду с привлечением преданий и легенд из сибирских летописей, он широко пользовался материалами, собственноручно записанными им со слов сибирских татар. Предания об истории сибирских татар занимают важное место и выступают в качестве существенных источников в известном сборнике академика В.В. Радлова³.

По поводу дореволюционных источников, необходимо отметить, что, несмотря на довольно большое количество зафиксированных в них произведений (более 100 единиц), подавляющая их часть не является «чистыми» записями, а представлена лишь в пересказах авторов книг и статей. В исторических или географических источниках, в летописях исторические предания зафиксированы, как правило, фрагментарно.

Образцы целостного рассказа, записанные в соответствии с научными правилами фольклористики, появились лишь в 1920-е годы, в связи с учреждением Академического центра Наркомпроса ТАССР, организовавшего мониторинг достижений в области истории, культуры,

¹ Полный путеводитель по Казани и окрестностям: справочная книжка для приезжающих в Казань / сост. Н.О. Прокофьев. Казань: тип. Ун-та, 1910.

² Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1787; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Издательство АН СССР. Т.1. 1937; Т. 2. 1941.

³ Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.

просвещения татарского народа (1921-1930 гг.)¹, и «Общества татароведения» (1928-1939 гг.). Собранные членами этого общества материалы публиковались на страницах журнала «Вестник научного общества татароведения».

Сохранившиеся отчеты и доклады о деятельности этих центров свидетельствуют о том, что по многим направлениям поставленные задачи были выполнены. За период с 1924 по 1929 год было организовано 7 научных экспедиций и поездок. Под руководством Н.И. Воробьева, в те годы директора Центрального краеведческого музея Татарской АССР, организовывались экспедиции в Арский, Мамадышский, Закамские кантоны и в Заволжскую часть ТАССР с целью изучения, сбора исторических, археологических и этнографических материалов². В отчете об историко-этнографической поездке в Мамадышский кантон указано, что было сфотографировано и изучено 20 надгробных камней; собраны народные приметы, связанные с сельским хозяйством; записан ряд образцов фольклора, сделаны лингвистические и диалектологические записи.

Целенаправленная научная работа по сбору, изданию и изучению произведений устного народного творчества татар, в том числе преданий, началась после открытия в 1939 году в Казани Научно-Исследовательского Института татарского языка и литературы. Стали организовываться экспедиции в регионы, где проживали татары. Например, в 1940 году экспедиция под руководством Хамита Ярми направилась в западносибирские регионы, три экспедиции были направлены в районы Татарстана³. В ходе экспедиции в западносибирские регионы были записаны исторические предания о Сибирском ханстве, хане Кучуме, Ермаке, а также фрагменты эпоса «Идегей» – четыре текста, подвергшиеся жанровой трансформации,

¹ Сабиржанов Г.С. Гыйльми үзэк // Татар энциклопедия сүзлеге. Казан: Татар энциклопедиясе институты, 2002. Б. 206.

² Обзор деятельности научного общества татароведения (1923-1929) // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9-10. С. 201-208.

³ Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20-60-х гг. XX века. Собираение, публикация и научное изучение фольклора. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 39.

тем самым по содержанию и объему преобразованные в исторические предания¹. Жанровая трансформация этого эпоса встречалась и ранее. Отдельные фрагменты дастана «Идегей» в вариантах, обнаруженных Наки Исанбетом на территории республик Татарстан и Башкортостан, по своему объему и описанию в них лишь одного эпизода также близки к историческим преданиям².

Участники экспедиций, выезжавших в Бондюжский (ныне Менделеевский), Красноборский (упразднен) и Агрызский районы Татарстана, записали воспоминания и устные рассказы информантов, близкие к историческим преданиям.

Фольклорные экспедиции, приостановившиеся в годы Великой Отечественной войны, возобновились с 1945 года. В соответствии с планом работы с 1945 по 1980-е годы организовывались экспедиции в большинство регионов компактного проживания татар в Российской Федерации, например: в 1956 году в Кировскую область и Удмуртскую АССР, в 1957 году в Мордовию, в 1958 году в Пензенскую область, в 1959 году в Рязанскую область, в 1960 году в Оренбургскую область, в 1961 году в Астраханскую область, в 1962 году в Горьковскую (ныне Нижегородскую) область, в 1963 году в Саратовскую область, в 1964 году в Ульяновскую область, в 1965 году в Куйбышевскую (ныне Самарскую), Ульяновскую, Курганскую области и Мордовскую АССР, в 1965 году в Курганскую область, в 1966 году в Марийскую и Чувашскую АССР, с 1966 года по 1972 год в Новосибирскую, Омскую, Тюменскую и Иркутскую области.

Участниками научных экспедиций: Х.Х. Ярмухаметовым, Х.Х. Гатиной (с 1940 г.); И.Н. Надировым, Ф.И. Урманчеевым, Х.Ш. Махмутовым, Н.Ш. Хисамовым, Ф.В. Ахметовой, Н.Ф. Ибрагимовым (с 1967 г.); Л.Ш. Замалетдиновым, Р.Ф. Ягафаровым, А.И. Садыковой, К.Б. Ямалетдиновой (с 1970 г.) и др. был собран богатейший фольклорный

¹ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед. хр. 185, 198.

² Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792-816.

фонд, послуживший основой для создания многотомного свода «Татарское народное творчество».

Участниками многочисленных диалектологических экспедиций ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова (Н.Б. Бургановой, Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, З.Р. Садыковой, Т.Х. Хайрутдиновой и др.) было записано большое количество произведений устного народного творчества. Всего в различных диалектологических сборниках и исследованиях по татарской диалектологии опубликовано около 200 единиц фольклорных текстов (в основном это истории сел и деревень). Многие топонимические предания были использованы в трудах по исторической ономастике академиком Г.Ф. Саттаровым¹ и профессором Ф.Г. Гариповой².

Изучение татарского фольклора в Татарстане и соседних регионах, сбор материалов из различных фондов и архивов позволили создать при Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова богатейший фонд, состоящий из обширного фольклорного материала и разнообразных рукописей. В итоге к концу 1960-х годов в фольклорном фонде было сосредоточено около 600 единиц преданий и легенд. Следует отметить, что в фонде Института имеются материалы из коллекций видных писателей, деятелей культуры и искусства, а также материалы экспедиций, проводившихся Башкирским государственным университетом.

С 1970-х годов появляется ряд теоретических работ, посвященных исследованию преданий и легенд как самостоятельных жанров национального фольклора. Издаются статьи, в которых рассматриваются отдельные темы или тематические циклы. В трудах Ф.И. Урманчеева³, Р.М. Мухаметзянова⁴, Г.М. Давлетшина⁵, Н.Ф. Ибрагимова¹,

¹ Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропонимнары: Татарстан авыллары исемнәре. Казан, 1973.

² Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Т. I. Казан: Матбугат йорты, 2001.

³ Урманчеев Ф.И. Эпические сказания татарского народа: сравнительно-исторические очерки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980; Урманчеев Ф.И. По следам Белого волка: ранние этнокультурные связи тюрко-татарских племен. Казань: ИЯЛИ, 1994; Урманчеев Ф.И. Идегэй. Нурсолтан. Сөембикә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997.

⁴ Мөхәммәтҗанов Р.М. Башкортстан Ык буе татарларының йола ижаты (Туй поэзиясе). Уфа, 1977.

⁵ Дәүләтшин Г. Борынгы болгар тарихи риваятьләре // Казан утлары. 1978. № 9. Б. 128-135.

С.М. Гилязутдинова² были проанализированы отдельные мотивы, сюжеты и образы преданий и легенд.

С 1972 года в организации фольклорных экспедиций произошли некоторые изменения, фольклористы стали выезжать в экспедиции для сбора материала по жанрам и темам, которые они непосредственно разрабатывали. Например, в эти годы Ф.В. Ахметова-Урманче собирала материал, относящийся к жанру дастанов татарского народа, Л.Ш. Замалетдинов исследовал народные сказки. Татарские фольклористы начинают изучать народное творчество с разделением по жанрам. К исследованию татарских преданий приступил талантливый фольклорист Нагим Ибрагимов. Материалы, собранные Н.Ф. Ибрагимовым в районах Татарстана и Тюменской области, хранятся в фольклорном фонде Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Статьи Н.Ф. Ибрагимова, посвященные историческим преданиям татарского народа, публиковались в научных сборниках ИЯЛИ и в материалах конференций. Выступление ученого, посвященное преданиям и легендам татарского народа топонимического содержания, в рамках конференции молодых ученых, проведенной в 1971 году, стало одним из первых шагов в изучении данной темы в татарской фольклористике³. Н.Ф. Ибрагимов в своем докладе, проанализировав жанровые особенности татарских преданий, сравнив предания с другими жанрами фольклора, такими как легенда и сказка, выделил основные признаки татарских преданий⁴. Изучая отражение в генеалогических преданиях и легендах древних верований, он определил соотношение мифических и исторических основ таких

¹ Ибрагимов Н.Ф. Об исторических преданиях татарского народа // Тезисы докладов научной конференции за 1970 год / Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. Казань, 1971. С. 57-59.

² Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар. төз. С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.

³ Ибрагимов Н.Ф. Топонимик риваятьләр һәм легендалар // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. Казань, 1971. С. 45-46.

⁴ Ибрагимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның жанр үзенчәлекләре // Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых Института языка, литературы и истории КФ АН СССР. Казань, 1974. С. 28-30.

Ибрагимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның кайбер үзенчәлекләре // Татар теле һәм әдәбияты. Казан, 1976. 5 китап. Б. 215-220.

произведений¹. Тезисы статьи Н.Ф. Ибрагимова, относящейся к данному жанру – «Образ благородного разбойника в татарских преданиях», были опубликованы в 1976 году².

Большую работу по сбору преданий и легенд провел известный археограф М.И. Ахметзянов. Во время археографических экспедиций им было записано более 130 произведений сказочной прозы. Около трети из них (44 текста) вошли в том «Предания и легенды» многотомного свода «Татарское народное творчество».

В связи с безвременной кончиной Н.Ф. Ибрагимова изучение этого жанра в татарской фольклористике приостановилось, позднее эта тема была передана С.М. Гилязутдинову. Продолжив работу своего предшественника, он составил сборник «Предания и легенды» академического свода «Татарское народное творчество». Этот сборник был опубликован в 1987 году³. Во вступительной статье С.М. Гилязутдинова «О преданиях, легендах и мифологических рассказах» подробно изложена история собирания, публикации и изучения татарских преданий и легенд⁴; представлен обзор истории изучения народных сказаний; он классифицировал их по следующим критериям: отношение к действительности, функции, художественные особенности; разделил на четыре жанра – предание, легенда, мифологический рассказ и сказание; тематически сгруппировал сами легенды и предания⁵. В сборнике, кроме легенд и мифологических рассказов, приведены тексты 293 преданий, а также комментарии к ним. В 2000 году книга была переиздана в издательстве «Раннур» без принципиальных изменений и дополнительных материалов⁶.

¹ Ибрагимов Н.Ф. Отражение и изменение древних верований в генеалогических легендах // Тезисы докладов научной сессии за 1972 год. Казань, 1973. С. 91-93.

² Ибрагимов Н.Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976. С. 98-100.

³ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.

⁴ Гыйләжетдинов С.М. Риваятьләр, легендалар һәм мифологик хикәятләр турында // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 5-18.

⁵ Там же.

⁶ Татар халык риваятьләре һәм легендалары / төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Раннур, 2000.

Публикация татарских преданий и легенд на русском языке ограничилась тремя сборниками, подготовленными С.М. Гилязутдиновым в 1992 году и изданными в серии библиотеки журнала «Казань»¹. В них были включены переводы 97 народных рассказов на русский язык. С.М. Гилязутдинов подготовил к изданию том «Предания и легенды» академического свода «Татарское народное творчество» в 15 томах на русском языке, состоящий из 389 текстов; том был опубликован в 2015 году². Изданные в серии библиотеки журнала «Казань» в 1992 году три сборника на татарском языке, включающие в себя 123 текста (легенды, предания, мифологические рассказы), также составлены С.М. Гилязутдиновым³.

Исторические предания татарского народа в контексте истории Булгарского государства и Золотой Орды изучал Г.М. Давлетшин⁴. Отдельные сюжеты проанализированы в трудах ученого-историка А.Х. Халикова⁵.

В монографии И.Г. Закировой «Народное творчество Булгарского периода» анализируются предания и легенды татарского народа генеалогического содержания. Преданиям о городах и поселениях Булгарского государства, о принятии ислама поволжскими булгарами, борьбе булгарского народа против захватчиков в ее работе посвящены

¹ Сказания о Казани. Легенды и предания / составление, подготовка текста и частичный перевод С.М. Гилязутдинова. Казань: Панорама. Библиотека журнала «Казань». 1992. № 2; Пусть нам лешие попляшут, попоют... Татарские народные легенды и мифы / составление, подготовка текста и частичный перевод С.М. Гилязутдинова. Казань: Панорама. Библиотека журнала «Казань». 1992. № 3-4; Ветры Великих Булгар... Предания, легенды, байты и исторические памятники / составление, подготовка текста и частичный перевод С.М. Гилязутдинова. Казань: Панорама. Библиотека журнала «Казань». 1992. № 11-12.

² Татарское народное творчество: в 15 т. Предания и легенды. Т. 5. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015.

³ Телләрден төшмәс Казан... Риваятьләр, бәетләр һәм тарихи ядкарьләр / төзүчесе һәм текстларны эзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе. 1992. № 2; Жән-пәриләр бар диләр... Татар халык легендалары һәм мифлары / төзүчесе һәм текстларны эзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе. 1992. № 3-4; Исә Болгар жыллары... Риваятьләр, легендалар, бәетләр һәм тарихи ядкарьләр / төзүчесе һәм текстларны эзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе. 1992. № 11-12.

⁴ Дәүләтшин Г.М. Борынгы Болгар тарихи риваятьләре // Казан утлары, 1978. № 9. Б. 128-135; Дәүләтшин Г.М. Идел буе болгарларының риваятьләре (Монгол яуларына хәтле чор) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. Казан, 1984. Б. 3-17; Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990; Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999.

⁵ Халиков А.Х. Маклашевская всадница // Советская археология, 1971. № 1. С. 115-117; Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар (сб. ст.) / ред. А.Х. Халиков. Казань, 1981. С. 5-20; Халиков А.Х. Беренче дәүләт: Болгар иле. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991.

отдельные главы¹. В монографии «Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы» И.Г. Закирова проанализировала предания татарского народа о Чингисхане, Хромом Тимуре, Идегее, хане Бачмане в сопоставлении с фольклором периода Золотой Орды².

При изучении преданий татарского населения, проживающего в Республике Башкортостан, мы не могли оставить без внимания данный вопрос и степень изученности регионального фольклорного наследия непосредственно в Башкортостане. Для этого было несколько причин: во-первых, башкирские ученые наряду с историческими преданиями башкирского народа собирают и анализируют предания татарского населения, проживающего в Республике Башкортостан. Во-вторых, в связи с общностью истории татарского и башкирского народов среди преданий присутствует множество текстов, освещающих общие национальные темы. В-третьих, в комплексе исторических преданий есть произведения, являющиеся общим наследием обоих народов.

Первым ученым в башкирской фольклористике, проделавшим четкую классификацию по жанрам произведений сказочной прозы, стал А.М. Сулейманов, который определил жанровые границы легенд и преданий, раскрыл их основные особенности³.

Важным шагом в научном изучении преданий стало издание в 1986 году монографии Ф.А. Надршиной «Народная память» («Халык хәтере»)⁴.

Направив внимание на исторические предания, научное исследование устной сказочной прозы башкир продолжила ее ученица Г.М. Ахметшина⁵.

¹ Закирова И.Г. Болгар чоры халык ижаты. Казан: Фикер, 2003. Б. 15-41.

² Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань, 2011. С. 139-243.

³ Сулейманов А.М. Исторические основы и идейно-эстетические функции топонимических легенд и преданий башкирского народа: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баш. гос. ун-т. Уфа, 1972. С. 6-7.

⁴ Нәзершина Ф.А. Халык хәтере: монография / яуаплы ред. Нур Зарипов. Өфө: Баш. кит. нәшр., 1986. 189 б.

⁵ Ахметшина Г.М. Башкирские исторические предания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2004. 16 с.

Системную работу по собиранию и изучению фольклора татар Башкортостана в 1960-е годы начал преподаватель кафедры татарской филологии Башкирского государственного университета (ныне кафедра татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий) Риф Мирхабибуллович Мухаметзянов. За свою 30-летнюю научно-педагогическую карьеру он объездил с фольклорными экспедициями большинство районов Республики Башкортостан с татарским населением. Богатый материал, собранный в ходе экспедиций, в настоящее время хранится в фольклорном фонде кафедры татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий.

В процессе исследования обрядовой поэзии татарского фольклора Башкортостана Р.М. Мухаметзянов сделал несколько выводов, касающихся жанровой природы татарских преданий. В частности, он провел дифференциацию между жанрами устной несказочной прозы – преданиями, воспоминаниями и изустными рассказами (*сөйләк*). Проанализировав рассказы татар Башкортостана о герое Гражданской войны – Чапаеве, ученый указал на то, что эти произведения находятся «на грани художественного фольклора» и в то же время не лишены «элементов фантастики и гиперболы»¹. Таким образом, он выделил их в отдельный жанр – сөйләк, по своим жанровым признакам находящийся между бытовым рассказом и преданием.

В 2021 году научные труды Рифа Мухаметзянова, посвященные фольклору татар Башкортостана, стараниями сотрудников ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ И.И. Ямалтдинова и И.К. Фазлутдинова были изданы отдельной книгой².

И.К. Фазлутдинов, продолжая работу, начатую Рифом Мухаметзяновым, особое внимание уделяет изучению преданий и легенд

¹ Мухаметзянов Р.М. Специфика татарских фольклорных жанров: учеб. пособие по спецкурсу. Уфа: Изд-во БашГУ, 1989. С. 70.

² Мөхәммәтжанов Р.М. Башкортстан Ык бус татарларының йола ижаты / төз.: И.И. Ямалтдинов, И.К. Фазлутдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021.

татар Башкортостана. В 2005 году им была защищена кандидатская диссертация на тему «Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции»¹. И.К. Фазлутдинов опубликовал учебные пособия, посвященные исследованию топонимических преданий татар Башкортостана, с приложениями, включающими полевые материалы². В 2018 году был издан подготовленный И.К. Фазлутдиновым фольклорный сборник «Фольклор татар Башкортостана: предания, легенды, былички, устные рассказы»³. Основное место в сборнике занимают предания (всего 630 текстов), которые подразделены на пять групп. Впервые в истории татарской фольклористики автор выделил произведения, одновременно сочетающие в себе качества преданий и легенд, в отдельную группу «легендарные предания»⁴, проанализировал произведения данной группы. Во вступительной статье к сборнику автор изложил принципы отбора материалов, межжанровой дифференциации и внутренней тематической классификации преданий и легенд.

В дальнейшем часть материалов, вошедших в этот том, была опубликована в трех книгах серии «Фольклор татар Башкортостана» со вступительными статьями, пояснениями и комментариями ученого⁵.

Том «Предания и легенды», позднее выросший в две самостоятельные книги, 25-томного академического свода «Татарское народное творчество» также подготовлен И.К. Фазлутдиновым и на сегодняшний день ждет своего

¹ Фазлутдинов И.К. Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Уфа, 2005.

² Фазлутдинов И.К. В преданиях история народа: учеб. пособие (на тат. яз.); науч. ред. А.М. Сулейманов. Уфа: РИО БашГУ, 2003; Фазлутдинов И.К. Предания – эхо истории. Отражение крупных исторических событий XVI-XX веков в преданиях татар Башкортостана: учеб. пособие (на тат. яз.); отв. ред. А.М. Сулейманов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлутдинов; фәнни мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018.

⁴ Там же. С. 232-239.

⁵ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлутдинов. Казан: ТӘНСИ, 2021; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлутдинов. Казан: ТӘНСИ, 2021; Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлутдинов. Казан: ТӘНСИ, 2021.

часа в издательстве. В рамках научной работы составителем тома и автором комментариев были отобраны архивные материалы, проведена текстологическая работа, определены принципы классификации.

Таким образом, история изучения татарских преданий прошла несколько этапов: от редких фиксаций фольклорных текстов в дореволюционный период к систематическому сбору, научному осмыслению и жанровой дифференциации в XX-XXI веках. На первом этапе (XIX – начало XX в.) внимание исследователей привлекали преимущественно содержательные и историко-документальные аспекты преданий. Второй этап (1920-1930-е гг.) ознаменовался активной экспедиционной деятельностью и публикацией преданий как части общего корпуса татарского фольклора. С 1970-х годов начался третий этап, характеризующийся выделением преданий в самостоятельный жанр, выработкой классификационных признаков, обращением к региональной специфике. На современном этапе накопленная источниковая база и развитая исследовательская традиция формируют прочную основу для последующего жанрово-тематического анализа преданий.

1.2. Критерии выделения жанровых границ преданий

В советской фольклористике фундаментальные труды, посвященные исследованию жанров сказочной народной прозы, стали создаваться только в 1960-е годы. Первыми образцами в данной области являются монографии Л.Е. Элиасова¹ и К.В. Чистова². Фольклорный материал в трудах Л.Е. Элиасова не классифицируется по жанрам, произведения, относящиеся ко всем жанрам народной прозы, автор называет легендами, что снижает ценность его научного анализа. К.В. Чистов же совместил исследование русских легенд утопического характера с детальным освещением

¹ Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II: Народные предания. Улан-Уде, 1960.

² Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967.

обсуждавшихся вопросов классификации жанров народной прозы в теоретическом плане.

К.В. Чистов уже в своем выступлении «Проблема категорий народной прозы, не имеющих сказочного характера» на международной конференции 1966 года в чехословацком городе Либлице (ныне Чешская Республика) доказал, что эстетическая функция таких произведений не центральна, а вторична, поэтому при классификации народных рассказов по жанрам за основу следует брать различия в их социально-бытовой функции¹. В своей статье, опубликованной в 1967 году, он, развивая эту точку зрения, утверждал, что при жанровой классификации произведений несказочной народной прозы необходимо опираться на различия в их отношении к действительности².

В своем выступлении на VI Международном съезде славистов в Праге в 1968 году К.В. Чистов более точно определил критерии научной классификации и дифференциации произведений народной несказочной прозы по жанрам. Легендами он назвал «народные рассказы фантастического характера о героях, событиях, явлениях», указав, что эти события воспринимаются в сознании рассказчика в качестве «существовавших или все еще существующих»³. К жанру преданий ученый причислил «народные рассказы, рассказывающие о событиях прошлого, в основном опираясь на действительность, хотя в них присутствуют и отдельные фантастические элементы»⁴. То есть К.В. Чистов различает легенды и предания в зависимости от наличия фантастического элемента в основе их сюжета.

Аналогичной позиции придерживался и доктор филологических наук, профессор С.Н. Азбелев. По его мнению, легенда и предание – это

¹ Цит. по: Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала / науч. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Китап, 2001. С. 14.

² Чистов К.В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов: доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 318-335.

³ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967. С. 6.

⁴ Чистов К.В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968. С. 318.

«эпический народный рассказ, рожденный устно и ставящий перед собой цель восприниматься как реальность»¹. Разница в том, что основное содержание предания составляют реальные факты, или те, реальность которых возможна, а в основе легенды лежит необычное². Четко определяя границы жанров народной прозы и рассматривая их сложные взаимосвязи, С.Н. Азбелев пришел к выводу, что различия между преданием, легендой и сказкой условны и в процессе эволюции предание может превратиться в легенду³. В своем труде «Летописание и фольклор» он показал это на примере преданий, легенд и сказаний о Никите Кожемяке⁴. В.Е. Гусев также отметил, что «границы между мифом, преданием и легендой условны», и описал переход этих жанров друг в друга на примере превращения древнегреческого мифологического мотива о войне со Змеем в предание с переносом на реальную основу⁵. Главным качеством жанра, отделяющим легенды от преданий, он считал наличие в них «необычайно естественного, чудодейственного элемента»⁶. Этому же мнению придерживалась и В.К. Соколова. Однако она отмечала, что в легендах преобладает характеристика «описания и понимания события с религиозной точки зрения»⁷. В этом аспекте она повторила мнение В.Я. Проппа о том, что содержание легенд «прямо или косвенно связано с господствующей религией»⁸.

Итак, начиная с 60-х годов прошлого века большинство русских фольклористов (С.Н. Азбелев, В.Е. Гусев, Э.В. Померанцева, В.Я. Пропп,

¹ Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М.-Л.: Наука, 1965. С. 11, 13.

² Там же. С. 12-13.

³ Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М.-Л.: Наука, 1965. С. 18.

⁴ Азбелев С.Н. Летописание и фольклор // Русский фольклор: народная поэзия славян. Т. 8. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3-28.

⁵ Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. С. 123.

⁶ Там же.

⁷ Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968. С. 270.

⁸ Пропп В.Я. Легенда // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 378.

В.К. Соколова, К.В. Чистов и др.) называют легендой фантастический народный рассказ, преданием – реалистический народный рассказ.

Из зарубежных ученых, работавших в этой области, аналогичную позицию занимал Цв. Романска. Он разделил болгарские исторические предания на две группы, в первую включил хорошо сохранившиеся тексты с исторической основой, во вторую – образцы с преобладанием легендарных элементов¹. Ю.И. Кржижановский же, как и многие другие европейские ученые, повторяя вышеупомянутое мнение В.Я. Проппа, причислял к «легенде» только религиозные рассказы о святых².

Жанровый состав образцов устной несказочной народной прозы по-разному определялся в русских печатных источниках, изданных до Октябрьской революции 1917 года: «мечтательное сказание», «сказка»³; «сказание», «легенда»⁴; «легенда»⁵; «предание», «легенда»⁶; «рассказ», «предание»⁷; «поверье»⁸; «мифология»⁹.

Татарские просветители конца XIX – начала XX века в своих трудах по фольклористике использовали термины арабского происхождения: «рассказ» (тат. хикэя / хикэят), «легенда»¹⁰; «весть» (тат. хэбэр), «легенда»¹¹; «хорафат» (суеверие)¹².

¹ Romanska Z. Die bulgarischen Volkssagen und Legenden Zustand ihrer Erforschung: Típe und Motive // Tagung der Sagenkommission der Internationale Society for Folk – Narrative Research... Budapest, 1964. Цит. по: Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий. С. 269.

² Krzyzanowski J. Słownik folkloru polskiego. Warszawa, 1965. S. 199-200. Цит. по: Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала... С. 21.

³ Рычков П.И. Топография или описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. II. С. 132-135.

⁴ Заринский М.Г. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Казань, 1880. Ч. I. Вып. I. С. 18-20.

⁵ Зайковский Б.В. Каменные бабы в Саратовском Поволжье // Труды СУАК. 1908. Вып. 24. С. 73.

⁶ Спутник по Казани / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. С. 22, 24, 26-27, 69, 212, 397, 485.

⁷ Катанов Н.Ф. Татарские рассказы о старой Казани // ИОАИЭ. 1920. Т. III. Вып. 3; Катанов Н.Ф. Татарское предание о слободах Старотатарской и Новотатарской в городе Казани // Деятель. 1898. № 2. С. 64-67.

⁸ Насыров К. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. 6. С. 247-270.

⁹ Коблов Я.Д. Мифология казанских татар // ИОАИЭ. 1910. Т. 16. Вып. 5. С. 415-470.

¹⁰ Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре: Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. 135 б.

¹¹ Мәржани Шиһабетдин. Мөстәфадел әхбар фи әхвале Казан вә Болгар. Казан, 1897. I китеп. Б. 57; 1900. II китеп. Б. 220, 243.

¹² Татар хорафаты // Аң. 1913. № 13. Б. 230-232; № 14. Б. 245-248; № 15. Б. 259-261; № 16. Б. 282-283.

В 1920-е годы в татарской фольклористике Гали Рахимом и М.А. Васильевым предпринимались попытки определить жанровую природу преданий, легенд и их отличительные от сказок черты. Рассматривая легенды и предания как один жанр, они видели главное их отличие от сказок в разности выраженного в них отношения к действительности. По определению этих специалистов, «легендой или преданием» называют рассказ или сказание, живущие в народе и повествующие о каком-либо событии или явлении. В народе сказка считается литературным произведением, не имеющим исторической основы, в то время как в преданиях событие воспринимается и рассказывается как действительное, верное, сбывшееся»¹. В первом издании татарских сказок на русском языке М.А. Васильев вместе со сказками привел семь текстов преданий, легенд и мифологических рассказов².

В статьях С.Г. Вахиди, Г. Рахима, В.Ф. Тарзиманова все народные рассказы обозначены как «предания» и «легенды»³. Таким образом, в татарской фольклористике в 1920-е годы термины «легенда» и «предание» рассматривались как взаимозаменяемые и обозначающие один и тот же жанр синонимы. В жанровом отношении легенды и предания, по их мнению, не имели ярко выраженных черт и особенностей.

Вообще, в этот период широко употреблялось второе – обозначающее эпический жанр письменной литературы – значение слова «легенда». Так, татарский писатель и языковед, общественный деятель, один из основоположников татарской советской литературы Галимджан Ибрагимов легендой называл произведения письменной литературы, «описывающие

¹ Васильев М.А., Рәхим Г. Фольклор һәм халык әдәбияты жыю өчен кулланма // Әлифба тәртибе, имла кагыйдәсе, атамалар мәсьәләсе, халык әдәбиятын жыю турында инструкциялар жыентыгы. Казан: Татар. Мәгариф Халык Комиссариаты басмасы, 1926. Б. 50.

² Васильев М.А. Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. Казань, 1924. С. 169-176.

³ Вахиди С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного общества татароведения. 1926. № 4. С. 58-63; Тарзиманов В.Ф., Рахим А. Хузялар тавы // Вестник научного общества татароведения. 1928. № 8. С. 215-231.

события и хадисы внешнего мира», и разделил их на такие жанры, как «басня», «баллада», «поэма», «рассказ», «длинный рассказ», «роман»¹.

Н.Ф. Ибрагимов рассматривал качества, отличающие предания и легенды от других эпических жанров, в трех аспектах – в зависимости от места событий, времени событий и характера героя, и предлагал называть «легендами» произведения магического или божественного характера, связанные с древними верованиями и религиями, а произведения исторического характера, в основе которых лежит реальность – «преданиями»². Развивая его идеи, С.М. Гилязутдинов отметил три аспекта, отличающих легенды от сказок, басен и других жанров. Первый заключается в том, что легенды выполняют в основном познавательную функцию, а эстетическое начало отходит на второй план; второй – точная локализация описываемых в произведении событий, т.е. привязка к конкретному месту (горе, оврагу, реке, дереву и т.д.); третий – легенды не только повествуют о том или ином событии, но и пытаются объяснить его причины³. Он также отметил, что легенды, в отличие от преданий, построены на фантастическом вымысле. Ученый указал, что в легендах существует два вида вымысла: мотивы, в основе которых лежат верования народа с древнейших времен, и сюжеты религиозного содержания, основанные на событиях, описанных в Коране⁴.

Эта же точка зрения отстаивается в книге известного фольклориста Ф.И. Урманчеева «Татарское народное творчество»⁵, неоднократно переиздававшейся в 2000-х годах. По мнению ученого, прежде всего предание рассказывает о событиях, произошедших в истории и хорошо сохранившихся в памяти народа, об исторических личностях, оставивших

¹ Ибрагимов Г.Г. Әдәбият кануннары. Казан, 1918. Б. 60-63.

² Ибрагимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның жанр үзенчәлекләре // Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых. Казань: ИЯЛИ, 1974. С. 29.

Ибрагимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның кайбер үзенчәлекләре // Татар теле һәм әдәбияты. V китап. Казан, 1976. Б. 214-220.

³ Гилязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2000. С. 12-13.

⁴ Там же. С. 14-15.

⁵ Урманче Ф.И. Татар халык ижаты / фәнни мөхәррире Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Мәгариф, 2005. 383 б.

определенный след в жизни и истории народа, о древних или современных городах, деревнях, горах, озерах, реках, достопримечательностях, их происхождении. Во-вторых, предание «говорит» о событиях и героях прошлого не устами современников этих событий, а других – проживавших в более поздние времена – людей. «Рассказ», поведенный лицом, являвшимся очевидцем исторических событий или личности, не может быть преданием. Содержание предания должно быть достаточно далеким от времени событий, описываемых в его рассказе.

В-третьих, предание должно указывать на время начала, возникновения и совершения, а также на обстоятельства и причины каких-либо исторических событий. Повествователь предания должен быть уверен в реальности исторических событий, составляющих содержание конкретных произведений, и убедить в этом слушателя. По мнению Ф.И. Урманчеева, «предание – широко распространенный в народе эпический рассказ; он основан на его способности заставить каждого поверить в свою достоверность при описании конкретных событий, жизненных обстоятельств, фактов, исторических личностей, сведений, связанных с городом, деревней и другими местами. Сила убеждения – главная черта предания» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Как отметил Фатих Урманчеев, «главная особенность легенд заключается в том, что в них довольно широко используется вымысел. Что связано главным образом с религиозными воззрениями, во многом с исламской идеологией и мифологией, а также с социально-утопическими мечтами народа, которые никогда не осуществляются» (перевод наш. – *И.Ф.*)². Известный ученый Марсель Бакиров в своей работе «Татарский фольклор», опубликованной в 2008 году, в целом поддерживает это мнение³.

Что касается жанра «устный (или изустный) рассказ» (тат. сөйләк), то в татарской фольклористике он до сих пор изучен недостаточно. Первым еще в

¹ Урманче Ф.И. Татар халык ижаты / фәнни мөхәррире Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Мәгариф, 2005. Б. 173-174.

² Там же. С. 174.

³ Бакиров М.Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 136-145.

1960-е годы на этот жанр обратил внимание Хамит Ярми. Он отметил близость изустных рассказов к воспоминаниям и указал на их отличия. По мнению ученого, в воспоминаниях «рассказывается о произошедших фактах так, как есть, без преувеличения», а в изустных рассказах допускаются «некоторые преувеличения» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹. Однако нужно учитывать, что именно воспоминания во многом преобразовались в предания. Так, В.К. Соколова подчеркнула: «Повторяясь, воспоминания отливались в устойчивую форму и отрывались от своего рассказчика, становились преданием в полном смысле этого слова (в приведенных примерах рассказчики передают уже слышанное ими) и дополнялись традиционными мотивами»².

В 1998 году в журнале «Тулпар» была опубликована статья И.К. Фазлутдинова под названием «Сөйләдем сөйләк...»³. В ней представлен принципиально новый подход к данному жанру. По мнению автора, «почти в каждой татарской деревне есть свой старик, отличающийся богатым слогом, трепетно хранящий в памяти смешные события, произошедшие с односельчанами, и умело их преувеличивающий во время рассказывания. Вот эти истории забавного содержания, описывающие реальные события и распространяющиеся среди народа, мы и называем устными рассказами или “сөйләк”»⁴. Как отмечается в статье, «“сөйләк” (устный рассказ) имеет свои жанровые особенности и находится между преданием, легендой и анекдотом – мәзәк (дословно – шутка). Как и преданиям, устным рассказам присуща историчность, то есть они повествуют о событии, которое действительно произошло в жизни. Близость к жанру *мәзәк* проявляется в том, что оба жанра освещают смешные события. Однако мәзәк’ам не свойственна историчность, образ изображаемого в них человека обычно носит абстрактный характер, то есть нет никакой информации о том, где он жил,

¹ Ярми Хәмит. Татар халкының поэтик ижаты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. Б. 259.

² Соколова В.К. Русские исторические предания / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая // М.: Наука, 1970. С. 258.

³ Фазлутдинов И.К. Сөйләдем сөйләк... // Тулпар. 1998. № 2. Б. 30.

⁴ Там же.

его окружении, месте и времени события. Главная цель мэзэк'а – сатирически высмеять какой-либо недостаток человека»¹. Устный рассказ имеет конкретное место; он носит локальный характер – распространен только в том или ином регионе; люди, изображенные в нем, жили среди наших предков; точно известны их характеры, место и время события.

И.К. Фазлутдинов пишет, что «устный рассказ, теряя свою историчность, то есть конкретность изображенного в ней человеческого образа, приобретает абстрактную окраску, превращается в мэзэк»². В качестве примера можно привести зарисовки о Ходже Насреддине. «Ходжа – реальная личность, проживавшая в средние века в Средней Азии. Рассказы о его остроумии были широко распространены среди разных народов. По прошествии веков каждый тюркский народ перенес его в свою среду обитания, в то время, в котором проживал сам, отделив от исторической привязки. Таким образом, есть основания полагать, что образ Ходжи Насреддина утратил историчность, фольклоризировался, и рассказы о нем превратились в анекдоты»³. Однако необходимо понимать, что не все устные рассказы носят анекдотический характер, например, имеется много устных рассказов о Великой Отечественной войне⁴ строгого содержания. В композиционном отношении произведения, относящиеся к разговорному жанру, бывают очень короткими, включающими один эпизод.

Таким образом, анализ научных подходов, представленных в отечественной и татарской фольклористике, позволил обосновать жанровую специфику исторического предания и выделить его устойчивые признаки, отличающие данный жанр от легенд, мифов, сказок и устных рассказов. К числу базовых жанрообразующих критериев относятся: 1) отражение событий, сохранившихся в коллективной памяти и связанных с реально существовавшими личностями; 2) наличие исторической дистанции между

¹ Фазлетдинов И.К. Сөйләдем сөйләк... // Тулпар. 1998. № 2. Б. 30.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Закирова И.Г. Истәлекләрдә – сугыш кайтавазы // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 151-170.

описываемыми событиями и моментом их повествования; 3) указание на время, обстоятельства и причины произошедшего; 4) установка на достоверность, как с позиции рассказчика, так и воспринимающей аудитории. Выявленные критерии формируют методологическую основу для дифференциации жанров сказочной прозы и дальнейшего анализа исторических преданий.

1.3. Жанровая природа исторических преданий татар Башкортостана: структура, типология и функции

Выяснение жанровых особенностей исторических преданий, границ этого жанра и соотношения исторических преданий с другими жанрами сказочной прозы представляет собой весьма сложную задачу. Согласно устойчивому определению, историческое предание – это фольклоризированная устная история, которая сохраняет для потомков память о наиболее важных событиях, произошедших в жизни рода, племени. Предания живут, передаваясь из поколения в поколение внутри одной этнической группы, семьи, рода или определенной территории. Цель преданий – сохранение памяти об исторических событиях, об истории народа и рода или племени, о родственных отношениях, о взаимоотношениях с соседними народами.

Чтобы историческое предание сформировалось в соответствии с жанровыми требованиями, должно пройти определенное время. Считается, чтобы рассказы о событиях, минуя этапы становления в виде воспоминания и изустных рассказов, превратились в историческое предание, проходит около века. В исторических преданиях исторические события и факты отображаются без документальной точности. За этот промежуток времени историческое событие затухает, подвергается забвению, и сводится к описанию его через восприятие народа. Таким образом, исторические предания являются интерпретацией реально произошедших событий.

Исторические события и рассказы, воспоминания о событиях, которые легли в основу преданий, передаются через призму восприятия этих событий обществом. Так, Н.А. Криничная пишет об этом явлении следующее: «Обращение летописцев и хронистов к преданиям лишний раз свидетельствует, что объектом этих фольклорных произведений служат исторические факты. Однако в преданиях отражение фактов “преломляется” сквозь представления, присущие людям какой-то одной или, что гораздо чаще, ряда эпох»¹. Актуальность определения жанровых особенностей преданий и выделения их из общего числа жанров сказочной прозы напрямую связана с тем, что данный жанр не отделен от остальных жанров и не имеет четких границ.

При выявлении основных признаков исторических преданий необходимо помнить, что эти тексты неоднородны и по содержанию, и по манере изложения, и в композиционном плане.

Предания по своему содержанию близки к легендам, мифологическим и изустным рассказам, воспоминаниям и историческим рассказам и схожи с ними с точки зрения средств стиля. В то же время исторические предания, в силу общности сюжетов и описания в них одних и тех же событий, близки к другим жанрам фольклора: историческим песням и байтам; однако существование последних в стихосложной форме препятствует их путанице.

В данном параграфе мы рассмотрим жанровые особенности исторических преданий, на основании которых их можно отличить от других жанров сказочной прозы.

Отражение в преданиях исторической реальности

Сам факт проникновения в название жанра определения «исторический (ая/ое)» подразумевает, что в основе этого жанра должны лежать исторические события. Б.Н. Путилов относительно возникновения исторических жанров фольклора отмечает, что они «возникли и развились в

¹ Северные предания: Беломорско-Обонежский регион: [Тексты] / АН СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории; изд. подгот. Н.А. Криничной. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 13.

связи с объективной потребностью художественного осмысления, обобщения, отражения истории. Жанры эти – закономерная форма выражения исторического сознания коллектива, форма своеобразного закрепления его исторической памяти, осуществления исторических стремлений»¹.

Основой исторических преданий являются исторический факт, реальное событие, произошедшее в истории конкретного народа. Однако предание возникает не о каждом историческом событии, или в ряде случаев оно просто-напросто не популяризируется. Во-первых, историческое предание является ответом на отдельные, актуальные для какого-то конкретного народа вопросы. Во-вторых, в исторических преданиях описываются события, последствия которых сыграли важную роль, определившую дальнейшую историю народа. Как отмечает Е.Л. Тихонова: «Исторические предания, как порождения массового фольклорного сознания, отражают кризисные моменты в жизни социума, а также наиболее значимые для него в тот или иной отрезок времени процессы трансформации общественно-политической, исторической жизни»².

Еще одна особенность преданий – это то, что их герои являются известной для конкретного народа, отдельного региона, села или рода личностью. Как правило, речь в преданиях не идет о безымянных героях. Например, предания о Емельяне Пугачеве и Салавате Юлаеве распространены отдельными циклами, но в них также могут быть и известные только для одного поселения герои, например, братья (или ближайшие родственники), которые его основали. Упоминание конкретной исторической личности является подтверждением того, что этот случай имел место в действительности.

С течением времени историческое событие, лежащее в основе предания, начинает забываться, вследствие чего возникают множественные

¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. С. 164-165.

² Тихонова Е.Л. Отражение общественно-исторической реальности в народных преданиях русских старожилов Забайкалья // Россия и АТР. 2019. № 4. С. 8.

варианты исходного текста. Предания, описывающие одно и то же событие, составляют единый цикл. Разделение исторических преданий на циклы с точки зрения тематики является еще одной своеобразной особенностью данного жанра.

Необходимость исследования культуры индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти на современном этапе обусловлена, по мнению немецкого исследователя С. Моллера, тремя основными причинами¹:

— процессами исторической трансформации роли памяти в результате смены поколений;

— быстрой сменой медиатехнологий (влиянием на людей технических, электронных и цифровых революций в XX веке);

— научно-историческими факторами формирования памяти (в частности, использованием постмодернистских теорий), т.е. теми воспоминаниями, которые память актуализирует. Память избирательна, выделяя одни факты, она предаёт забвению другие². Тем самым, в исследованиях памяти важно выделять типы памяти, связанные с индивидуальным и коллективным характером формирования культурных воспоминаний³.

Говоря о последнем, следует отметить, что, по мнению С. Моллера⁴ и поддерживающих это мнение Л.П. Репиной⁵, Л.Н. Мазур⁶, для формирования исторической памяти важны три процесса: 1) «забвение прошлого» (потеря возможности воспроизведения, а иногда даже узнавания

¹ Moller S. Erinnerung und Gedächtnis, Version: 1.0, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 12.04.2010. URL: https://docupedia.de/zg/Erinnerung_und_Gedächtnis (дата обращения: 08.02.2024).

² Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. Вып. 1 (13). С. 78.

³ Тюкина Л.А. Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-i-kollektivnye-vospominaniya-kak-osnova-formirovaniya-kultury> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Moller S. Erinnerung und Gedächtnis, Version: 1.0, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 12.04.2010. URL: https://docupedia.de/zg/Erinnerung_und_Gedächtnis (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М: Дрофа, 2004. С. 11; Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии: препринт WP6/2008/06. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

⁶ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. С. 244. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589> (дата обращения: 21.01.2024).

ранее запомненного); 2) различные интерпретации фактов и событий; 3) актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими проблемами.

Определение более точного с исторической точки зрения варианта не всегда возможно, однако требуется изучение всех вариантов с учетом того, что все они дополняют друг друга.

Для более точного представления соотнесенности исторического предания и истории рассмотрим предания, привязанные к циклу, освещающему одно и то же событие, или предания, описывающие один и тот же объект. Цикл, который мы исследовали, посвящен Дороге царь-бабушки или Дороге каторжан, он широко распространен в северо-западных районах Республики Башкортостан с преобладающим татарским населением. По информации, собранной в деревнях, через которые проходил данный тракт, дорога по сей день сохраняет свое название; к тому же предания, объясняющие происхождение этого топонима, сохранились до наших дней. Официальное наименование этой дороги, вошедшей в речь татарского народа как Дорога каторжан, или Дорога царь-бабушки – это Сибирский тракт или Московский тракт. Есть и другие названия: Главный Сибирский почтовый тракт, Большой Сибирский тракт, Большой тракт, Великий тракт, Московско-Иркутский тракт или Московско-Сибирский тракт, Царская дорога, Осьмая государственная дорога, Екатерининский тракт¹. Эта дорога, проходящая через города Муром, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тара, Колывань, Томск, Иркутск и другие, берет свое начало в Москве, идет от Нерчинска к Кяхте – границе с Цинской империей. В конце XVIII – начале XIX века изменился отрезок тракта после Тюмени. Он идет через Ялуторовск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск к Иркутску и вновь

¹ Рыженко Л.И. Великий Сибирский тракт: справочник. 2-е изд. испр. и доп.; под ред. доктора ист. наук В.Г. Рыженко. Омск: Ассоциация «Сибирский тракт», 2022.

нападает на свой первоначальный след¹. Предания о Сибирском тракте, распространившись по территории протяженности маршрута, известны у многих народов. Во многих преданиях описываются одни и те же события. Среди них – строительство дороги по приказу Екатерины II, использование при строительстве дороги крестьян, тема тяжелого труда, отправка по этой дороге пленных на каторгу. Предания приобрели популярность у татарского народа, десятки вариантов преданий были записаны в поселениях Республики Башкортостан, где проживали татары.

Рассмотрим несколько вариантов предания.

Например, у татар Башкортостана были записаны два варианта предания под названием «Дорога царь-бабушки» (тат. *Әби патша юлы*). В первом варианте², записанном в Илишевском районе Башкортостана, рассказывается о том, как после окончания строительства этой дороги, соединяющей города Уфа и Оренбург с Казанью, царь-бабушка отправилась этим путем в Екатеринбург. Татарский народ называл царь-бабушкой (тат. *Әби патша*) Екатерину II. В татарских преданиях данный образ упоминается достаточно часто и описывается в большинстве случаев положительно. По информации, сохранившейся в предании, о прокладывании этой дороги через село Старокуктово просил сам народ и сам же народ ее строил. Если начать с последнего упомянутого довода, то он соответствует действительности: дорога была возведена местным населением, что подтверждается историческими документами.

Во втором варианте предания³, записанном в Кушнаренковском районе Республики Башкортостан, речь идет о том, как во времена правления царь-бабушки по этой дороге в Сибирь ссылали каторжан.

¹ Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: XVIII-XIX вв.: монография / под ред. доктора ист. наук, проф. Е.И. Соловьевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 3.

² Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 115.

³ Там же. С. 116.

Именно этим в предании объясняется происхождение названия данной дороги. Параллельное наименование дороги, закрепившееся в народном языке – Дорога каторжан. Уже само это название раскрывает суть пути, Сибирский тракт «...был важной артерией в реализации карательной политики государства, особенно с 20-х гг. XIX в.»¹. По этому пути заключенных, особенно политических арестантов, пешим ходом ссылали в Сибирь в кандалах.

В еще одном предании, относящемся к данной теме, говорится, что инициатором строительства упомянутой дороги выступала сама царь-бабушка: «На сегодняшний день через село Ишкарово проходит трасса Уфа – Казань. Когда-то данную дорогу посреди этой деревни проложила сама царь-бабушка Екатерина II. В те времена эту дорогу население деревни называло Дорогой каторжан»².

Опираясь на записи географа Л.Е. Иофа³, О.Н. Катионов указал на то, что у истоков идеи о Сибирском тракте стоял русский историк, дипломат и географ В.Н. Татищев: «Идеи об устройстве новых путей сообщения из Москвы в Сибирь и по Сибири до Даурии были высказаны в 1727 г. В.Н. Татищевым в записке, поданной на имя Екатерины I»⁴. Как видим, в этих строках говорится о Екатерине I. Название города Екатеринбурга также связано с именем данной исторической личности – Екатерины I. Однако, если строительство дороги началось по указу Петра I в период правления Елизаветы Петровны, в 1733-1735 годы, то реализовалось оно по большей части в эпоху Екатерины II. В 1780 году по указу Екатерины II строится отрезок пути, являющийся Казанским трактом. Поэтому, с точки зрения

¹ Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: XVIII-XIX вв.: монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. Е.И. Соловьевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 3.

² Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 116.

³ Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев: географы первой половины XVIII в. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. С. 60-61.

⁴ Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: XVIII-XIX вв.: монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. Е.И. Соловьевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 76.

указания на историческую действительность, вернее связывать дорогу с именем Екатерины II.

Часть Сибирского тракта, между Казанью и Екатеринбургом, проходит через Пермь и Кунгур. Существует также ответвление Сибирского тракта, известное под названием Бирский тракт, которое связывало города Пермь, Уфу и Оренбург и, отклонившись внутрь территории страны рядом с Кунгуром, проходило по землям современной Республики Башкортостан. Упомянутый Бирский тракт в народе также называется Дорогой царь-бабушки. В преданиях, записанных в Башкортостане, сохраняется информация именно об этом тракте (его отрезке).

Вернемся к первому преданию: «После окончания строительства дороги царица Екатерина II отправилась по ней в Екатеринбург, и этот путь в народе обрел имя “Дорога царь-бабушки”» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹. В свою очередь информация о том, что Екатерина II по пути в Екатеринбург проезжала по этому пути, не соответствует исторической действительности. Город Екатеринбург связан с именем Екатерины I, Екатерина II там никогда не была. Ее путешествие по Волге ограничилось Казанью и Симбирской губернией. Однако в ходе именно этого путешествия царица приняла в Казани представителей татарского населения, заслушала их просьбы. Итогами названных встреч стали достаточно широкие возможности, открывшиеся для татар, чем и объясняется уважение народа к императрице. Во-вторых, связывание отдельных дорог с именем Екатерины II и описание передвижения по ним царских особ – традиционный для исторических преданий прием. Действительно, Екатерина II много путешествовала, ее поездки по Российской империи ложились тяжелым бременем на простой народ, поэтому надолго закрепились в народной памяти.

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 115.

Переходя к историческим основам преданий, отметим, что они опираются на исторические факты или сохраняют взгляды народа на конкретные события.

Как видно из приведенных образцов, в этих преданиях приводится разная информация, они не повторяют друг друга; содержащаяся в них информация может как противопоставляться, так и дополнять информацию других преданий.

Раскрыть историческую основу каждого предания не всегда возможно. Часто только текст предания служит единственным источником, сохраняющим информацию о каких-то событиях.

Существование в одной локальной традиции различных, иногда взаимоисключающих, противоречивых текстов о происхождении того или иного объекта указывает на то, что не всегда реальные события в исторических преданиях отражены объективно. Однако, как отмечает историограф Алессандро Портелли: «Устные источники достоверны, но их достоверность имеет особую природу. Особый интерес устного источника для исследователя может заключаться не только и даже не столько в его соответствии реальным фактам, сколько в его отклонениях от них – в этих отклонениях проявляются человеческое воображение, желания, символы. Именно поэтому не существует “недостоверных” устных источников»¹.

Время описываемых в исторических преданиях событий

Стремление основывать предания на исторических событиях служит поводом для демонстрации еще одной особенности, свойственной этому жанру. Это наличие точного или возможного для определения времени описываемых в исторических преданиях событий.

Знаменательные исторические события и события, реально происходившие в жизни какого-либо народа, протекали в конкретное время, поэтому имеют свои даты. В связи с этим исторические предания повествуют о событии, случившемся в какое-то конкретное время. Однако после

¹ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 41.

описанного в предании исторического события проходило определенное время. Если точные даты больших исторических событий можно узнать с помощью других письменных источников, исторических документов, летописей, хроник, то выяснить время записи предания, относящегося к истории отдельного поселения или династии, довольно проблематично.

Эпохи, описанные в татарских преданиях, условно можно разделить на следующие категории или группы:

- 1) древнейшее время;
- 2) эпоха Казанского ханства;
- 3) царская эпоха;
- 4) период советской власти;
- 5) постсоветская эпоха.

В свою очередь внутри данных категорий события могут быть разделены более точно. Например, в преданиях, относящихся к царской эпохе, могут быть выделены периоды правления Петра I, Ивана Грозного, царь-бабушки, императора Николая II.

Советский период, в свою очередь, делится на такие временные интервалы, как период Революции 1917 года, период Гражданской войны, период Великой Отечественной войны.

В татарских исторических преданиях время событий сообщается следующим образом:

1. Информант называет точное время событий. Это не является обязательным для исторических преданий. Во-первых, информанты, родившиеся и выросшие в советское время, получили среднее школьное образование, изучали историю, поэтому владеют информацией об исторических событиях; они рассматривают события из преданий, опираясь на имеющиеся у них знания. В этом контексте следует отметить, что с советского периода и по настоящее время в ходе фольклорных экспедиций информацию об исторических преданиях чаще всего дают учителя-историки или филологи. Это, с одной стороны, ведет к заметной деформации данных

ими материалов: учителя дополняют предания, сформировавшиеся как фольклорные тексты, историческими фактами, стремятся дать оценку историческим событиям, показать их важность. Это способствует отхождению текста от эпических традиций. В то же время сохранность фольклора в настоящее время часто связана именно с деятельностью учителей. Внимание учителей к народному творчеству, записывание ими преданий, собирание учащимися образцов фольклора по их заданиям, использование материалов во внеурочных мероприятиях, их издание способствуют сохранению данного жанра.

Например, в предании под названием «Дорога каторжан», записанном в 1997 году в деревне Кызыл-Байрак Илишевского района Башкортостана, указаны точные даты событий: «в 1866 году царь Николай подписал разрешение на строительство мечети в селе Ишкарово. Мечеть расположена примерно в километре от самой деревни.

По обочине “Дороги каторжан” было построено три этапа. Сосланные на каторгу, останавливались на этих этапах на отдых. В 1922 году этапы разобрали и из полученных материалов построили на левом берегу реки Сарыяз небольшое здание для школы. Первым учителем в селе стала тетя Наира апа Шамсутдинова» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Несмотря на то, что не указан род деятельности информанта Малики Хуснуллиной (1903 года рождения), исходя из текста предания можно предположить, что она была учительницей.

Во-первых, информант старается назвать точные годы. Явно прослеживается желание поделиться бóльшей информацией, чем это необходимо для фольклорного произведения. К тому же информация о строительстве школы и ее первом учителе наводит на мысль о принадлежности информанта к определенной профессии.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 116.

Рассмотрим другое предание – под названием «Деревня Аит», записанное в селе Аитово Бижбулякского района Башкортостана. В данном случае называется точный год: «в 1744 году через наши края проходила группа казанских татар. Большинство из них были из рода Аитовых. Они искали красивое место для проживания. Наши края пришлись им по душе, потому что здесь протекали реки, наполненные чистой водой, были красивые поля, где можно было пасти скот. Аитовы приняли решение обосноваться здесь.

1 июня 1744 года эти земли были закреплены за семьей Аитовых, и деревня стала называться Аит» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

В данном случае, возможно, информант изучал историю деревни и оперировал информацией, почерпнутой из письменных источников. Вообще, интерес к истории сел и деревень, истории родов, обращение к архивам, сбор письменных источников в последнее время активизировались.

2. Информанты, рассказывающие об исторических событиях, не знают точного времени описываемых в преданиях событий, поэтому высказывают предположения относительно того, когда они произошли. Также они используют фразы, демонстрирующие незнание времени события или отсутствие важности в его упоминании; например: «сто лет / триста лет назад это произошло». Однако, как правило, подобные формулировки означают лишь то, что событие происходило давно. К этой же группе относятся такие выражения, как «во времена царь-бабушки», «во времена царя Николая», которые чаще всего также означают лишь то, что это произошло давно. В татарском языке выражение «в царские / ханские времена» в принципе означает ‘очень давно’.

В одном из вариантов предания под названием «Деревня Суермет» речь идет о «царских временах»: «В эпоху царя двое братьев (прямой перевод:

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 43.

ближайших родственников) из деревни Шах переселились на земли нынешней деревни Суермет» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

3. При определении времени событий должен быть соблюден принцип последовательности. Этот принцип помогает довольно точно определить время того или иного события.

Следование событий друг за другом позволяет заполнить хронологические пустоты. Информант может достаточно точно указать время события в связи с другим событием. Например, основание многих татарских деревень в Иркутской области было связано с переселением татар во время Столыпинских реформ из татарских поселений Башкортостана. Миграция одной части татар, проживавших в Казанском ханстве, на территорию современного Башкортостана происходила после распада Казанского ханства.

То есть информанты, не зная точного времени события, могут приблизительно указать время, связав его с другим более значимым событием. Например, в предании о «Стерлибаше» время возникновения села определено в связи со временем такого большого события, как исчезновение Казанского ханства: «Самым первым в Стерлибаш прибыл человек, которого звали Мунасип. Обосновался он здесь после завоевания Казани» (перевод наш. – *И.Ф.*)². Как известно, Казанское ханство было разгромлено в 1552 году, и, как утверждает предание, основание Стерлибаша произошло после этого события.

Принцип последовательности часто прослеживается в жизни татарского народа. В простой речи используются маркерные даты, помогающие определить время события, такие как «в год падения кометы», «в год великого голода (1921 г. – прим. авт.)», «в год начала войны», «в год окончания войны», «в год отпиливания минарета мечети».

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 100.

² Милли-мәдәни мирасыбыз: Башкортстан татарлары. Стәрлебаш. 1 нче кисәк. 2 нче басма. Казан, 2021. Б. 58-59. (Авыллар тарихыннан).

В некоторых текстах историческое время размыто, невозможно с точностью определить период, о котором идет речь в предании, что служит наглядным проявлением анахронизма в народной прозе.

Обращение информанта к документальным источникам и показаниям очевидцев

В некоторых случаях информанты, стараясь подтвердить достоверность предоставляемой ими информации, стремятся, насколько это возможно, уточнить время событий. Например, информант говорит о том, что его дед был очевидцем упомянутых событий, что свидетель этих событий рассказывал о них его отцу или деду; таким образом для обоснования верности своих слов он опирается на свидетельства очевидцев.

Еще одна особенность исторических преданий – «установка на достоверность» – формируется через указанные выше признаки. Информант рассказывает о событиях как о реально происходивших, веря в их реальность. Указание времени события, географических объектов, связанных с определенным событием, опора на показания свидетелей – «мой дед рассказывал то, что видел своими глазами», «эти события происходили с моим дедом» и т.п. – служат убеждению слушателя в реальности их существования.

Например, излагая предание под названием «Деревня Аксаит», информант пояснил, что слышал от своего отца, деда, своих предков: «Знаю от своих предков (прямой перевод: дедов): жители нашей деревни переселились с берегов Ика, спасаясь от насильственного крещения, во времена Ивана Грозного» (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Стремление документально обосновать, создать впечатление достоверности

Для татарских исторических преданий характерна отсылка к записям – используются следующие конструкции: «Была старинная книга / тетрадь,

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 83.

оставшаяся от муллы (или иного лица)...» («Мулладан (яки аерым бер кешедән) калган китап бар иде...», Мәхмүт мәзин¹), «Помню существовали старинные записи...» («Борынгы язмалар булганлыгын хәтерлим...»), в отдельных случаях информанты ссылаются на книги ревизий, записи из метрических тетрадей.

Популярна отсылка к некогда существовавшей рукописи с записями об истории конкретного села, описанием жизни и быта его жителей. Например: «Саргаеп беткән бер китап бар иде, инәки аны үзе дә күргән иде әле, аны 90нчы елларда Үзбәкстанга күченеп китүче апабыз алып киткән иде...» (Была у нас одна старая, пожелтевшая книга, которую еще наша бабушка видела сама; эту книгу в 1990-е годы увезла наша дальняя родственница, перебравшаяся в Узбекистан...) (История Айгыр-тау²) (перевод наш. – *И.Ф.*).

Следует отметить одну интересную деталь. Древние рукописи, тетради, упоминавшиеся информантами в подтверждение своих слов, часто являются утраченными при определенных обстоятельствах. Например, в предании под названием «Махмут муэдзин», записанном в селе Нижние Карамалы Ермекеевского района Республики Башкортостан, речь идет непосредственно об этом: «Население деревни Карамалы интересовалось своей историей и фиксировало ее на бумаге. Рукописная книга в коричневой обложке, в которой была записана история деревни, хранилась в мечети. Однажды в нашу мечеть назначили нового муэдзина по имени Махмут. Служил он недолго, вернулся на свою родину – в деревню Кулбаево. Уезжая, муэдзин забрал рукопись с историей нашего села. Это произошло в 1856 году. Книгу сначала искали в деревне Карамалы – не нашли. Впоследствии старик Зиннур искал ее в Кулбаево, но узнал, что рукопись в коричневой обложке вместе с другими книгами была закопана на кладбище. Таким образом, “История деревни” бесследно исчезла» (перевод наш. – *И.Ф.*)³.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 231.

² ПМА. Записано в дер. Чеганлы Белебеевского района РБ у К.Н. Фазлутдинова (1949 г.р.) в 2022 году.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 231.

Или: «Тагын мин шуны хәтерлим, алар ниндидер бер язган китап укый торганлар иде. Ул китапта шәһре Болгар турында, борынгы сугышлар турында, шәһре Болгардан халыкның таралуы турында төрле вакыйгалар укыганлыклары әле дә минем исемдә. Ул язган китапны Биктимер халкы бер берсенә биреп, укып йөртәләр иде. Соңгы вакытта инде ул китап кая киткәндер, мин белмим. Үз арабыздан ул китапны эзләп тә карадык, ләкин табылмады. Кайбер кешеләрнең әйтүенә караганда, ул китапны Кавказ ягына киткән кардәшләребез алып киткәннәр икән» (Я помню еще кое-что, читали они какую-то рукописную книгу. Помню, как узнавали они из этой книги о различных событиях, происходивших в городе Болгар, о древних войнах, о переселении народа из города Болгар. Эту рукописную книгу жители села Биктимирово читали и передавали друг другу. Не знаю, куда в последнее время подевалась эта книга. Мы искали ее среди своих, но так и не нашли. Судя по словам некоторых людей, эту книгу забрали родственники, уехавшие на Кавказ) (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Ментальная особенность татарского народа записывать все, а не только значительные события нашла отражение и в фиксировании фольклорных произведений, прежде всего исторических преданий. Поэтому упоминания об исчезнувших тетрадях и рукописях чаще всего являются не вымыслом, а истиной. Существование рукописных книг и тетрадей, демонстрируемых информантами во время экспедиций, это доказывает. Зачастую тексты преданий были записаны на полях или обложках рукописных и печатных книг.

Для исторических преданий характерна традиционная модель зачинов. Наиболее часто в исторических преданиях встречаются следующие зачины, являющиеся показательным элементом конструирования коллективной исторической памяти.

Отсылка к повествователю-источнику:

¹ Духовное наследие: поиски и открытия / под ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2017. Вып. 4. С. 51.

«Говорят / поговаривают...» «Сөйлиләр иде...»¹ (Кизгән сазы, Жән);
«Дедушка рассказывал...» «Бабакай сөйли торган иде...»² (Песигә табыну);

«Старики говорили...» «Картлар сөйли иде»³ (Тәрәзәле тау);

«Старожилы рассказывали...» «Аксакаллар сөйли иде»⁴ (Силдиби күл).

Отсылки на уважаемых людей и аксакалов убеждали не только в важности сообщаемой информации, но и в какой-то степени демонстрировали претензию на частичную сакральность этих сведений.

Информанты, повествующие о событиях, зачастую, не зная, где и когда они происходили, высказывали свои предположения, которые как реальные хронотопы проникали в народные предания. Имели место случаи, когда предание об одной и той же личности в различные периоды интерпретировалось по-разному⁵.

Пространственные маркеры

Еще одна особенность исторических преданий – привязка их содержания к каким-то определенным географическим территориям, т.е. их точная локализация. Эта особенность приводит к тому, что один и тот же текст, с одной стороны, относится к историческим преданиям, с другой – является топонимическим преданием, т.е. в данном случае имеет место синтез двух разновидностей жанра.

В преданиях речь идет о хорошо знакомой информантам территории, зачастую они указывают на эти территории, географические объекты, ландшафт местности во время рассказа. Таким образом, в предании сюжет раскрывается в связи именно с этим географическим объектом, ландшафтом; информация, содержащаяся в предании, объясняет возникновение топонима или форму отдельного объекта, т.е. имеет этиологический характер.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 141, 256-257.

² Там же. С 262.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Мухаматнуров С.З. Изображение исторических личностей в преданиях // Поэтика татарского фольклора. Сборник статей / сост. и отв. редактор Х.Ш. Махмутов. Казань. 1991. С. 93.

Информанты повествуют об описанных в предании событиях, связывая их с различными объектами; могут указать на «следы», оставшиеся после этих событий – чаще всего это родовое поместье героя, подножие горы, возле которой сидел герой, источник, который он вырыл, его могила. Могут быть продемонстрированы и отпечатки ног героя, его трость или ее оттиск, следы вещей, которые он потерял или обронил.

Приведем в качестве примера один из вариантов предания под названием «Камень, который пнул батыр»: «В нескольких километрах от деревни находится гора Чекан. Пещера в этой горе, где могло разместиться очень много людей, до сих пор остается тайной для жителей деревни. Говорят, что во времена Пугачевской битвы там скрывались беглецы.

Возле этой пещеры лежит большой камень. На этом камне есть рисунок, похожий на лошадиное копыто. Старики поговаривают, что этот камень пнул конь Пугачева, отчего на камне остался след. Поэтому он называется камнем, который пнул Батыр» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹. «Следы» героя – разнообразные реалии – подтверждают достоверность предания.

Для подтверждения подлинности информации, сообщаемой в исторических преданиях, используются и другие реалии: информанты указывают дом или улицу, где жил герой, выкопанный им колодец или родник, за которым он ухаживал, или места, в которых останавливались герои повествования, построенные ими мосты, проложенные дороги, подаренные кому-то вещи.

Упоминаются географические объекты, относящиеся к какому-то отдельно взятому региону: горы, реки, озера. Таким образом, тенденция рассказчиков к точной локализации событий является одной из особенностей жанра.

В предании под названием «Звездная гора» рассказчик, утверждая, что гора до сих пор хранит следы битв, стремится подкрепить достоверность

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 119.

своих слов указанием исторической территории, о которой идет речь в предании: «Здесь Пугачев воевал против армии Екатерины II. На этой горе много оружейных обломков – мечи и ружья войска Пугачева. Явно видны и места окопов.

Поднявшись с Горы звезд, войска Пугачева бились против армии, идущей с противоположной стороны Волги» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

В преданиях историческая местность объединяется с эпическими традициями, которые накладываются на определенную модель. Однако нельзя забывать еще об одном явлении. В некоторых преданиях эпические традиции синтезируются с вымышленной исторической местностью, т.е. на шаблоны преданий накладывается квазиисторическая или вымышленная историческая местность. Это особенно характерно для историко-топонимических преданий.

Данное явление имеет место при попытке объяснить происхождение отдельных топонимов наложением готовых мотивов на известные образцы преданий. Этнолог С.А. Штырков так написал об этом: «Носителю традиции необязательно помнить точное содержание услышанного им когда-либо рассказа. Он способен сконструировать свой “нарративный ответ” на основании той системы значений, которая ему знакома»².

В данной группе преданий не отражаются исторические факты, а только проецируется народный вымысел относительно этимологии отдельных наименований.

Новые герои более поздних исторических преданий также связаны с действительностью и историческими фактами и событиями того времени.

Стоит отметить, что принципиальной особенностью исторического предания как жанра является то, что описанное в нем не вызывает сомнений и принимается как данность. Именно поэтому историки и этнографы часто

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 119.

² Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). Серия Kunstkamera Petropolitana. СПб.: Наука, 2012. С. 48.

обращаются к преданиям как к достоверному источнику информации. В то же время некоторые образцы преданий встречаются в летописях и хрониках, а также в путеводителях по отдельным территориям. В то же время исторические предания не лишены художественного вымысла, как правило, большую роль при этом играют «общие», «бродячие» сюжеты и мотивы.

Таким образом, исторические предания татар Башкортостана представляют собой особую жанровую разновидность устной прозы, в которой сочетаются реальные события, элементы народного эпоса и художественное переосмысление прошлого. Повествование основано на стремлении передать достоверную информацию о значимых для народа событиях с помощью выразительных образов, типовых сюжетов и эпической формы изложения. В большинстве случаев главными героями выступают реальные исторические личности. Содержание преданий основано не только на передаче фактов, но и на их осмыслении через призму коллективной памяти. Жанровые особенности преданий отражают представления народа о прошлом, формируют устойчивую систему ценностей и этнокультурной идентичности.

Выводы по главе 1.

1. Анализ истории собирания и изучения татарских исторических преданий позволяет выделить несколько этапов научного освоения жанра. В дореволюционный период предания рассматривались преимущественно как источники документального свидетельства и зафиксировались без жанровой интерпретации. В советское время активизировалась экспедиционная деятельность, разрабатывались первые научные подходы к систематизации и публикации преданий. Современный этап характеризуется переходом к комплексному исследованию, акцентом на жанрово-типологических особенностях и региональной специфике. Исторические предания татар Башкортостана долгое время оставались вне специального фольклористического анализа, что определяет актуальность их включения в

научный оборот и необходимость вычленения их жанровых характеристик на локальном материале.

2. В результате сопоставления теоретических подходов в отечественной и татарской фольклористике уточнены жанровые признаки исторического предания как жанровой разновидности преданий. К числу устойчивых критериев отнесены: обращение к историческим событиям и реальным личностям, закрепленным в коллективной памяти; наличие временной дистанции между описываемыми событиями и моментом рассказа; четкая локализация в пространстве и времени; установка на достоверность, разделяемая как рассказчиком, так и аудиторией. Предание отличается от легенды реалистической основой, от мифа — исторической конкретностью, от сказки — отказом от художественной условности.

3. Жанровая модель исторических преданий татар Башкортостана формируется на основе взаимодействия документального содержания, эпической формы повествования и выразительных художественных элементов. Характерными признаками преданий являются устойчивые сюжеты, локализация событий, мотивы о наиболее значимых для общины происшествиях, присутствие в них исторически реальных персонажей. Основной чертой преданий становится стремление к сохранению памяти о прошлом через повествование, обладающее обоснованной структурой, аргументированной внутренней логикой и образной насыщенностью. Предания выполняют важную культурную функцию — они не только сохраняют информацию о событиях и людях, но и отражают коллективное восприятие прошлого, формируют представления о нормах, ценностях и исторической преемственности традиций.

ГЛАВА 2. ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТАТАРСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

2.1. Подходы к систематизации и каталогизации устных нарративов

По мере накопления фольклорного материала возрастает потребность в его систематизации. Это относится ко всем жанрам устного народного творчества, однако особенно актуален этот вопрос по отношению к преданиям. Основная задача в изучении преданий прежде всего заключается в решении вопросов, связанных с принципами систематизации несказочной прозы и дифференциации исторических преданий. В татарской фольклористике указанные вопросы не разработаны. Этим объясняется подробный обзор научных трудов зарубежных и отечественных ученых, на которые мы опираемся в своей работе, по изучению теоретических вопросов дифференциации и систематизации фольклорного материала.

В современной мировой науке есть две взаимосвязанные задачи: дальнейшая разработка сюжетно-мотивных указателей (и их национальных версий) и структурно-семантические исследования в области фольклористики, включающие использование компьютерных технологий¹. Первая задача – классификация и систематизация текстов, относящихся к отдельным жанрам, с целью их четкого разграничения; вторая задача – составление указателей и каталогов по отдельным жанрам фольклора.

Прежде всего такая работа позволяет систематизировать накопленный материал, а затем ознакомить с ним другие народы, проводить сравнительные и сопоставительные исследования в области фольклористики. В то же время она может дать полное представление о фольклорном наследии отдельного этноса, что в свою очередь расширяет горизонты исследовательской работы.

¹ Неклюдов С.Ю. О системе указателей фольклорных сюжетов и мотивов // Живая старина. 2002. № 2. С. 2-3.

В последнее время был опубликован ряд работ, посвященных созданию типологизирующих моделей и указателей по разным жанрам фольклора. На сегодняшний день продолжается работа по составлению электронных каталогов и указателей. Ученые сошлись во мнении, что в основе построения указателей должен лежать принцип описания явлений, подразумевающий ответ на вопрос «Что?». Это позволит сравнить варианты повествования, выяснить, как развивался какой-либо сюжет, определить правила изменения текста, сравнить тексты различных регионов и культурных групп и т.п.¹

О работе с отдельными моделями, указателями или каталогами при изучении накопленного фольклорного материала ученые начали размышлять в XIX веке. Первые образцы систематизации относятся к сказочному жанру. Были предприняты десятки попыток в этом направлении, но ни одна из них не была доведена до конца. Только финский филолог Антти Ааматус Аарне, разделив все известные сказки по разновидностям внутри одного жанра – 1) сказки о животных; 2) собственно сказки; в группу входят следующие жанры: а) волшебные сказки; б) легендарные сказки; в) сказки о глупом черте (великане); 3) анекдоты – впоследствии объединил их в тематические гнезда или по сюжетным типам. Этот принцип лежит в основе его труда, известного в русской фольклористике как «Указатель сказочных типов, составленный А. Аарне». Это был первый и наиболее успешный опыт систематизации накопленного материала, относящегося к определенному жанру фольклора. Указатель «Verzeichnis der Märchentypen» был издан в 1910 году в г. Хельсинки на немецком языке.

При составлении указателя А. Аарне учел неизвестные к тому времени или не зафиксированные и не изданные сюжетные типы, для которых в нумерации были оставлены пропуски. Указатель дорабатывался в 1928, 1961,

¹ Рафаева А.В. Теория и практика составления фольклорных указателей // URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/rafaeva3.htm> (дата обращения: 01.02.2024); Jason H. Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing. Helsinki, 2000. FF Communications № 273.

1964, 1973 годах, он до сих пор является универсальным международным каталогом сказочных сюжетов.

Указатель Аарне был переведен на русский язык Н.П. Андреевым, который дополнил его материалом из русского сказочного фольклора. Труд на русском языке был издан в 1929 году под заглавием «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», он используется при составлении и описании сказочных томов под шифром АА, что означает: указатель Аарне в переводе Андреева = АА. Дополнения обозначались звездочкой (астериском).

Работу Аарне продолжил американский ученый Стив Томпсон, который не только перевел указатель на английский язык, но и учел всю проделанную в этом направлении после Аарне работу, а также дополнения к указателю сюжетов (Хельсинки, 1927).

В 1979 году был издан «Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка», составленный советскими учеными Л.Г. Барагом, И.П. Березовским, К.П. Кабашниковым, Н.В. Новиковым¹.

Для татарских томов со сказками (речь идет о трех томах) из академического тринадцатитомника «Татарское народное творчество», изданных в 1977-1979 годы, типологизация была проведена одним из составителей этого указателя – Л.Г. Барагом.

Последний указатель по системе Аарне – Томпсона был издан в 2004 году², в нем описания сказочных типов дополнены 250 новыми типами и откорректированы.

Первым опытом в систематизации несказочной прозы можно считать составленный А. Аарне указатель финских этиологических легенд, который был издан в 1912 году в г. Хамина³. В 1918 году им же был издан единый

¹ Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979.

² Hans-Jörg Uther. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I-III. Helsinki, 2004.

³ Aarne A. Variantenverzeichnis der finnischen Deutungen von Tierstimmen und anderen Naturlauten (FFC 9). Hamina, 1912.

каталог эстонского прозаического фольклора¹. В 1920 году был опубликован сводный указатель, в котором рубрикация для легенд была расширена². В разделе «Sagen», наряду с мифологическими рассказами о духах природы и местности, есть рубрики об исторических событиях, о церквях, о войне и о кладах, которые в современной фольклористике рассматриваются как исторические предания. А. Аарне поместил легенды в раздел «Ursprungssagen», где «каждая рубрика имела свою нумерацию типов, по каждому типу давалась библиография вариантов. Символом для обозначения каждого типа обычно служило предельно сжатое изложение схемы сюжета или основного мотива»³. Детальное описание научного вклада А. Аарне в дело изучения сюжетно-мотивной типологии произведений фольклора объясняется тем, что именно он является основоположником принципов классификации и систематизации фольклорного материала.

Сложность составления указателя по сказочной прозе привела к тому, что ученые стали разрабатывать разные рубрикации, в которых отсутствует единое понимание сути проблемы, не определены объекты каталогизации. Самыми удачными среди трудов, посвященных легендам и преданиям, можно назвать работы Ж.Р.В. Сининге, Р.Т. Кристиансена, Лаури Симонсуури⁴. Эти указатели сюжетов мифологической прозы и рассказов о мифологических персонажах были изданы в 1943, 1958 и 1961 годах в г. Хельсинки⁵.

Лаури Симонсуури во вступительном слове своего труда «Типы и мотивы финских саг» отметил, что в основе его указателя лежит

¹ Aarne A. Estnische märchen- und sagenvarianten; verzeichnis der zu den Hurtshen handschriftsammlungen gehörenden aufzeichnungen. Hamina, Suomalaisen tiedeakatemia kustantama, 1918.

² Aarne A. Finnische Märchenvarianten. Ergänzungsheft I. Verzeichnis der in den Jahren 1908-1918 gesammelten Aufzeichnungen (FFC 33). Hamina, 1920.

³ Азбелев С.Н. О международной классификации преданий и легенд (авторское изложение доклада) // Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор. М.-Л.: Наука, 1966. С. 178.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Christiansen R.Th. The Migratory Legends. FFC, № 175. Helsinki, 1958; Sinninghe R.W. Katalog der niederländischen Märchen – Ursprungssagen – Sagen und Legendenvarianten. FFC, № 132. Helsinki, 1943; Simonsuuri L. Typen und Motivverzeichnis der finnischen Sagen. FFC, № 182, Helsinki, 1961.

классификация по персонажам¹. Т.А. Китанина в свою очередь также указывает на то, что составленные в этот период указатели по мифологической прозе и легендам «свелись к рубрикам по персонажам»².

На отсутствие жанровой дифференциации сказочной прозы указывают также споры и дискуссии, происходившие вокруг системы каталогизации во время международных совещаний в 1962 и 1963 годах³. В ходе дискуссий была не только выявлена проблема уточнения объекта каталогизации, но также встал вопрос о жанровых границах исследуемого материала.

В то же время между составителями каталогов по преданиям возник спор о включении в эти каталоги меморатов и «хроникальных известий», итогом которого стало решение, что «каталогизировать следует только фабулат, материал, поддающийся типизации»⁴. Однако термин «фабулат» трактуется очень широко, к нему относят все жанры сказочной прозы, «в содержание которых верят»⁵. Вера в то, что описываемые в фольклоре события происходили в действительности, относится не только к преданиям, народ воспринимает как реальность и мифологические сказания.

Будапештское совещание, проходившее с 14 по 16 октября 1963 года, разработало проект схемы основных рубрик общеевропейского каталога и рекомендовало использовать эту схему при составлении национальных каталогов. В «Будапештской схеме» сказочная проза не сгруппирована по жанрам, подразумевается деление материала, относящегося к легендам, преданиям и мифологической прозе, на 4 раздела. Второй раздел схемы – «Исторические и культурно-исторические предания» – в свою очередь имеет следующие подразделы: А. Возникновение населенных пунктов и предметов культуры; В. Сказания, связанные с местностями; С. О ранней истории;

¹ Simonsuuri L. Typen und Motivverzeichnis der finnischen Sagen. FFC, № 182, Helsinki, 1961. P. 30.

² Китанина Т.А. Обзор указателей фольклорных сюжетов и мотивов // Живая старина. 2002. № 2. С. 4.

³ Азбелев С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Вып. 10. Специфика фольклорных жанров. / отв. ред. В.Е. Гусев. М.-Л.: Академия наук СССР, 1966. С. 181.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Tillhagen C.-H. Was ist eine Sage? Eine Definition und ein Vorschlag für ein europäisches Sagensystem. Acta ethnographica Academia scientiarum Hungaricae. T. 13. 1964. S. 11.

Д. Войны и катастрофы; Е. Выдающиеся личности; Ф. Выступления против порядка¹. Одним из множества недостатков схемы является то, что она не предусматривает наличие всех тематических групп жанра Предание. Поэтому группа ученых, участвовавших в Этнографическом конгрессе (1964 г., Москва), предложила усовершенствовать эту схему: второй раздел переименовать в «Исторические события (общество)» и делить его на следующие рубрики: 1. Относительно местностей; 2. Относительно времени; 3. Катастрофы и катаклизмы; 4. Войны; 5. Относительно выдающихся личностей; 6. Относительно социального строя; 7. Относительно прочих норм².

Предметом для дискуссий является как вопрос рубрикации материала для каталогов, так и их профиль. Ученые сходились во мнении лишь по одному вопросу – международный каталог должен был выполнять лишь роль «вспомогательного средства», а каждая национальная фольклористика должна создать собственный каталог преданий.

Будет уместным отметить и то, что рубрики, связанные с историческими преданиями, среди представленных каталогов являются слабым звеном, так как разработаны недостаточно точно.

Основываясь на упомянутых выше трудах, С.Г. Айвазян составил «Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах», который является классификацией персонажей с описанием их функций³. Спустя 10 лет вышел труд В.П. Зиновьева по мифологии Сибири⁴. В настоящее время разработаны десятки работ, посвященных систематизации мифологической прозы. В электронном каталоге Ю.Е. Березкина исследованы и учтены все известные мифологические мотивы народов мира,

¹ Азбелев С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. М.-Л.: Академия наук СССР, 1966. С. 182.

² Там же.

³ Айвазян С.Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162-191.

⁴ Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 62-76.

которые классифицированы по тематике и распределены по ареалам¹; ряд указателей и сюжетных каталогов посвящен изучению мифологических мотивов отдельных народов или регионов, локальных особенностей мифологической прозы. Например, в указателе Е.С. Котляра исследованы и классифицированы африканские мифологические сюжеты и мотивы², Б. Кербелите создана структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий³ и т.д.

Второй тип указателей посвящен отдельным мифологическим персонажам⁴. Эта группа указателей может быть применена только к той мифологической и сказочной прозе, персонажи которой переходят из одного произведения в другое.

Составление указателей мотивов и сюжетов исторических преданий началось сравнительно недавно. Выделение преданий в отдельный фольклорный жанр произошло только в середине XIX века, долгое время велась работа по классификации и систематизации преданий. Сложность этой работы была связана, в первую очередь, с размытостью жанровых особенностей несказочной прозы, с проблематичностью определения и разграничения исторических преданий. Изучив жанровые особенности

¹ Березкин Ю.Е., Дуванкин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 01.02.2024); Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока / сост. Е.С. Новик // URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/novik/Komm105-115.htm> (дата обращения: 01.02.2024); Симонсуури Лаури. Указатель мотивов финской мифологической прозы. Петрозаводск, 1991; Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978-1984 гг.) // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm> (дата обращения: 01.11.2024); Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин. Словарь языка описания // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1987. С. 305-320; Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб.: Европейский Дом, 2001; Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты / под ред. Ю.И. Смирнова. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2000; Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Указатели сюжетов и мотивов. / науч. ред. В.М. Гацак. Омск: Издательский дом «Наука», 2006; Козлова Н.К., Назырова Ф.Н. Указатель сюжетов о лешем и тексты ФА ОмГПУ // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm> (дата обращения: 01.11.2024); Козлова Н.К., Степашина А.С. Сюжеты восточнославянских мифологических рассказов о колдовстве на свадьбе // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova5.htm> (дата обращения: 01.11.2024).

² Котляр Е.С. Указатель африканских мифологических сюжетов и мотивов. М.: Восточная литература, 2009.

³ Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб.: Европейский Дом, 2001.

⁴ Козлова Н.К. Лесной хозяин. Указатель сюжетов и тексты // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». Ежегодник. Вып. 7: сб. науч. тр. Омск, 2004. С. 57-84; Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: монография / науч. ред. В.М. Гацак. Омск: Издательский дом «Наука», 2006.

преданий, В.К. Соколова указала, что сложность «заключается не только в жанровой неопределенности, большом тематическом и художественном разнообразии и тесных связях с другими видами устной прозы. Изучение их затрудняется также особенностями бытования и записи»¹.

Большая работа по составлению указателя по преданиям произведена Н.А. Криничной. Изучив исторические предания, относящиеся к Беломорско-Обонежскому региону, Н.А. Криничная составила указатель их мотивов. По поводу вычленения мотивов Н.А. Криничная заметила: «Правильность вычленения компонентов предания определяется их повторяемостью на синхронном и диахронном уровнях. Любой мотив наиболее активно функционирует в рамках определенного цикла, хотя может выходить за пределы не только цикла, но и жанра. Наконец, он фигурирует в преданиях, принадлежащих различным локальным и этнокультурным традициям, входя в своего рода интернациональный арсенал мотивов. Правильность вычленения компонента проверяется не только по горизонтальному, но и по вертикальному срезу.

При этом ранние мотивы реконструируются на основе соответствующих дошедших до нас письменных источников. Данной цели служат и поздние записи, подвергнутые палеонтологическому изучению. Реконструкция мотива осуществима и посредством сравнительно-исторического, структурно-типологического анализа фольклорных произведений. Во всех случаях необходимо установить сходство там, где оно на самом деле имеется, хотя на первый взгляд незаметно, и, наоборот, раскрыть различие в кажущемся внешнем сходстве»².

¹ Соколова В.К. Русские исторические предания / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970. С. 7-8.

² Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Ин-т русской лит-ры. Петрозаводск, 1991. С. 11.

Первый указатель ученого увидел свет в ее монографии под названием «Северные предания. Беломорско-Обонежский регион»¹ в 1978 году. Эта работа была продолжена в монографии «Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры», выпущенной в 1987 году.² В работе «Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры» Н.А. Криничная высказала мнение, что более удачным является распределение текстов преданий не по тематическим группам, а на основе циклов. Она выделила девять циклов исторических преданий, отметив, что «под циклом понимается концентрация тех или иных мотивов, отражающих в своей совокупности определенный аспект исторической действительности и находящихся между собой в специфическом единстве и взаимодействии». Таким образом, цикл определяется как сюжетно-тематическая группа.

В 1990 году Н.А. Криничная представила Указатель без привязки к конкретному региону или народу. Эта же работа была переиздана в 1991 году в книге ученого «Предания Русского Севера: реальность и традиции»³.

В данном случае Н.А. Криничная использовала в качестве основной единицы указателя мотив. В указателе обозначены тип мотива (прописной буквой), мотив либо его версия (арабской цифрой), элемент мотива, который оказывает наибольшее влияние на функцию, сущность которой раскрыта в наименовании соответствующего типа или мотива (строчной буквой).

Исследователь фольклора Н.А. Криничная предложила 21 тип мотивов русской народной исторической прозы:

«А – Происхождение определенной общности,

Б – Происхождение особенностей ландшафта,

В – Появление поселенцев в конкретной местности,

¹ Северные предания: Беломорско-Обонежский регион: [Тексты] / АН СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории; Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. С. 221-225.

² Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: Изд-во Наука, 1987.

³ Криничная Н.А. Предания Русского Севера: реальность и традиции / изд. подг. Н.А. Криничная. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение. 1991.

Г – Пребывание (былое) данного персонажа или определенной общности в конкретной местности,

Д – Выбор места для основания селения (объекта культового назначения),

Е – Основание селения,

Ж – Основание (предполагаемое или осуществленное) строительного объекта,

З – Происхождение топонима,

И – Происхождение антропонима,

К – Хозяйственная деятельность персонажа (-ей),

Л – Изготовление предметов материальной культуры,

М – Взаимоотношения исторического лица (вождя, князя, царя) с подданными,

Н – Проявление необычайной физической силы,

О – Проявление магической силы (магических способностей),

П – Нападение антагониста (-ов),

Р – Избавление от антагониста (-ов) (мифического, мифолого-эпического, социального, этнического),

С – Борьба с антагонистом (-ами),

Т – Победа над антагонистом (-ами),

У – Исчезновение определенного персонажа или определенной общности в конкретной местности,

Ф – Оставление следов пребывания в конкретной местности,

Х – Захоронение клада («зачарованного», реального)»¹.

Н.А. Криничная отмечает, что под мотивом подразумевается «сложное структурное единство, в котором определяющая роль принадлежит действию или состоянию, а определяемыми являются субъект, объект, обстоятельства действия или состояния, оказывающие в большей или меньшей степени

¹ Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий / Карел. науч. центр АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1990; Криничная Н.А. Предания Русского Севера / отв. ред. Ю.И. Юдин, рец.: Е.М. Неелов, Т.И. Сенькина. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1991.

влияние на основополагающий элемент – предикат»¹. Она сравнивает мотив с предложением, где основными элементами являются не лексемы, «а некие более объемные повествовательные частицы, приравненные по своей роли в мотиве к членам предложения. Подобно сказуемому в предложении, действие персонажа играет в мотиве организующую роль. Оно наиболее устойчиво, в то время как все другие элементы в большей или меньшей степени лабильны»².

В фольклористике понятие «мотив» имеет разные определения. Например, А.Н. Веселовский рассматривал мотив как простейшую, т.е. неделимую повествовательную единицу: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» и «признак мотива – его образный одночленный схематизм»³.

Н.М. Ведерникова также определила мотив как логическое единство; исследуя мотивы и сюжеты волшебной сказки, она выделяет четыре типа элементов, которые «образуют логическое единство, мотив, способный раскрыть определенную тему» – «лицо, осуществляющее действие»; «действие, совершаемое персонажем или главным действующим лицом»; «объект, на который направлено действие»; «место действия»⁴.

Указатель Н.А. Криничной предполагает обращение к русским народным преданиям. Если вспомнить о том, что исторические предания возникали и формировались в непрерывной связи с историей народа, становится ясным, что у каждого народа есть особенные предания, возникшие в его собственной истории.

В настоящее время предложенный Н.А. Криничной «Указатель» может служить основой при составлении отдельных национальных указателей или

¹ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / отв. ред. В.К. Соколова. АН СССР, Карел. филиал, Ин-т яз., лит. и истории. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 19.

² Там же.

³ Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. статья, прим. В.М. Жирмунского. Институт литературы АН СССР. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 494, 500.

⁴ Ведерникова Н.М. Мотив и сюжет волшебной сказки // Филологические науки. 1970. № 2. С. 58.

указателей локального характера. Как отмечала ученый, «сами мотивы не являются локальными, а напротив, в большинстве своем входят в общерусский или даже в международный “арсенал” мотивов. Иначе говоря, мотивы предания — “местные” по применению и “международные” по возникновению»¹.

Работа над различными каталогами и указателями продолжается и в настоящее время. Как отмечает М.Л. Лурье, «современный этап исследований по систематизации и каталогизации устных нарративов характеризуется интенсивными поисками сближения методов и результатов структурного описания с имеющей давнюю традицию практикой составления указателей сюжетов и мотивов сказочной и несказочной прозы, опирающейся при выделении единиц систематизации отчасти на исторические сюжетологические разыскания, отчасти на исследовательскую интуицию»².

Таким образом, современный уровень развития фольклористики требует перехода от описательных форм работы с фольклорным материалом к систематизированным научным средствам анализа. Изучение методологических основ систематизации исторических преданий татар показало, что, несмотря на наличие отдельных классификаций и опытов каталогизации, как в отечественной, так и в зарубежной науке до сих пор отсутствуют универсальные указатели, охватывающие жанр народного предания. На международном уровне устойчиво функционирует лишь указатель сказочных сюжетов, который регулярно обновляется и дополняется, в то время как жанр предания остается вне рамок сопоставимого по охвату справочно-научного инструментария. Проблема систематизации осложняется размытостью жанровых границ и недостаточной проработанностью мотивной структуры.

¹ Северные предания: Беломорско-Обонежский регион: [Тексты] / АН СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории; изд. подг. Н.А. Криничная. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. С. 15.

² Лурье М.Л., Разумова И.А. Анализ структуры устных демонологических рассказов как этап систематизации их сюжетов // Доклад на семинаре «Сюжет-мотив-текст: Проблемы структурно-семантического указателя» // URL: <https://ruthenia.ru/folklore/Mast4.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

2.2. Принципы классификации татарских преданий

Классификация преданий – одна из нерешенных до конца задач не только для татарского фольклора, но и для фольклористики в целом. При исследовании фольклорных текстов первоочередной и самой актуальной является задача классификации (распределение материала по устойчивым признакам) и систематизации (распределение материала по изменчивым признакам). Это относится и к татарскому фольклору. На сегодняшний день, как для изучения в целом, так и для специализированного научного исследования татарских преданий, общее число которых превышает одну тысячу (950 из них уже опубликовано в ранее упомянутых фольклорных сборниках), наиболее актуальными вопросами являются классификация и систематизация, создание указателя татарских преданий. Подчеркивая необходимость наличия достаточного объема накопленного материала и потребность в его доступности для исследования текстов, относящихся к определенному жанру, А.В. Рафаева отмечает, что «с теоретической точки зрения корпус текстов должен представлять значимую единицу для анализа; практически он должен быть достаточно велик для того, чтобы на его основе можно было делать какие-то выводы, кроме того, материалы, на основе которых построен указатель, должны быть доступны ученым»¹.

Ранее упомянутое количество преданий – превышающее одну тысячу – указывает на актуальность проблемы их систематизации.

Ученые предлагают свои взгляды на классификацию и систематизацию татарских преданий. Каждая классификация имеет свои положительные и отрицательные стороны, все известные классификации преданий можно назвать условными, так как невозможно найти критерий, позволяющий всесторонне раскрыть содержание преданий и выявить их особенности.

Для обособленной категоризации татарских преданий с самого начала предметного сбора и изучения были свои причины. С одной стороны,

¹ Рафаева А.В. Теория и практика составления фольклорных указателей // URL: www.ruthenia.ru/folklore/rafaeva3.htm (дата обращения: 12.02.2024).

несмотря на то, что ученые брали за основу известные на сегодняшний день классификацию, систематизацию и указатели, предания каждого народа, в силу собственной истории, уникальны, отчего попытки включить их в международные указатели приведут к тому, что многие материалы останутся в тени, что не позволит раскрыть национальные особенности.

Первостепенная проблема в исследовании преданий – отсутствие устойчивых рамок этого жанра. Зачастую они смешиваются с легендами, изустными рассказами, воспоминаниями, рассказами об истории семей, родословными-шеджере, когда один и тот же сюжет, перемещаясь между жанрами, затрудняет даже определение жанра произведения, транслирующего отдельный сюжет. Например, среди преданий татарского народа, отражающих Булгарскую эпоху, есть предания, рассказывающие о том, как булгары сражались против войск Хромого Тимура, и о том, как булгарские девушки, воевавшие наравне с мужчинами-воинами, чтобы не попасть в руки врага, превратились в звезды. То есть в одном тексте описываются исторические события – нападение Хромого Тимура и захват им Волжской Булгарии, противостояние булгарского народа врагам, борьба булгарских девушек вместе с воинами-мужчинами против захватчиков и известный в мировой мифологии мотив – превращение девушек в звезды. Таким образом, в одном тексте с преданием переплетается мифологический мотив, и этот текст начинает походить на космогоническую легенду.

В зависимости от древности описываемых в предании событий в нем возрастает количество мифологических элементов, теряются историчность и связь с действительностью. В сравнительно молодых преданиях, относящихся к более поздним периодам, реже встречаются вымысел, мифологическая фантазия.

Первое, на что следует обратить внимание, – это название жанра. Термин «предание» собственно указывает на то, что жанр передает реальные события, т.е. обращается к исторической основе какого-либо сюжета, олицетворяя тем самым его историческую обоснованность. Так, любое

предание обязано своим сотворением определенному событию, т.е. исторично в своей основе. Предание возникает вслед за подлинным фактом – переселение народов с одних земель и их расселение по другим территориям, основание городов и сел, войны, борьба с захватчиками, крестьянские восстания и деятельность лиц, стоявших у истоков этих событий, – ставшим причиной возникновения преданий. Вот почему все предания можно рассматривать как исторические, лишь вопрос о степени их историчности неоднозначен. Если одни виды преданий отражают непосредственно исторические события, то другие описывают различные события, произошедшие в определенный период, и в этом случае, обращаясь к отдельным примерам из истории, они тоже могут претендовать на историчность. При этом предание прямо не повторяет историю. Чтобы повествование об историческом событии стало фольклорным жанром, т.е. преданием, оно должно предлагать художественную интерпретацию истории, должен присутствовать художественный вымысел, который дополняет и раскрывает историческую основу события.

Ученые, как правило, разделяют предания на исторические и топонимические разновидности жанра. Конечно, подобное разделение довольно условно. В силу того, что происхождение большинства топонимов связано с историческими событиями, даже предание, повествующее о возникновении небольшой деревни, является историческим для данной локальной группы. Исторические предания в свою очередь подразделяют на группы, посвященные историческим личностям и историческим событиям. Повторяя предыдущую мысль, отметим, что и это разделение не выдерживает критики. Ведь в предании, посвященном исторической личности, образ этой личности раскрывается именно через исторический контекст. Однако согласимся, что исторические события могут быть описаны и без выделения отдельных личностей.

Немецкий фольклорист Гизела Бурде-Шнайдевинд в своем докладе «О каталогизации исторических преданий», озвученном на Будапештской

конференции, разделил исторические предания на три типа: предания об исторических событиях и личностях, не прикрепленные к определенной местности; предания с социальной тематикой; культурно-исторические предания, которые называют также «местными преданиями»¹.

На той же конференции Цв. Романска сообщил о том, что разделяет исторические предания на две группы: предания с хорошо сохранившейся исторической основой, часто представляющие собой схематичные рассказы и воспоминания; предания, в которых преобладают легендарные элементы – это по большей части обработки международных мотивов и сюжетов².

Относительно классификации исторических преданий среди отечественных исследователей, в частности, К.В. Чистов предлагает следующую последовательность в составлении указателей: по системам – по основным представлениям – по основным сюжетам³.

Разные подходы в классификации преданий существуют до сих пор. Это относится и к татарской фольклористике.

Так, Ф.И. Урманчеев считал уместным деление преданий на две категории: топонимические и исторические⁴. М.Х. Бакиров также разделяет предания на эти группы⁵. Следует также заметить, что Ф.И. Урманчеев одним из первых в татарской фольклористике выделил в отдельную группу мифологические предания⁶.

Мы поддерживаем данную категоризацию, подразумевающую под мифологическими преданиями тексты, относящиеся к древнейшей эпохе, т.е. те, в которых преобладают мифологические мотивы.

Еще один тип преданий – это легендарные предания, в которых исторические события освещаются через религиозно-мифологические

¹ См. об этом: Азбелев С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Вып. 10. Специфика фольклорных жанров. / отв. ред. В.Е. Гусев. М.-Л.: Академия наук СССР, 1966. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М.: Наука, 1964. С. 4.

⁴ Урманче Ф.И. Татар халык ижаты / фәнни мөхәррире Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Мәгариф, 2005. Б. 174.

⁵ Бакиров М.Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 139-140.

⁶ Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: өч томда. Т. II. Казан: Мәгариф, 2009. Б. 287-288.

мотивы, либо в них две основы – историческая и религиозная – тесно переплетаются. Данный тип преданий в татарской фольклористике впервые был выделен в отдельную группу И.К. Фазлутдиновым в его работе «Фольклор татар Башкортостана: предания, легенды, былички, устные рассказы». К таковым он относит произведения «пограничного» характера, в которых мотив «чуда», присущий легендам, синтезируется историческим характером, географической и временной локализацией преданий. Данный тип преданий исследователь подразделяет на 3 подгруппы: «О священных местах и святых родниках» (*әүлия кабере, әүлия чишмәсе*), «О простых и нерукотворных сокровищах», «О великанах-алыпах»¹. К первой подгруппе им отнесены 12 преданий, ко второй и третьей – по 4 предания татар Башкортостана². Таким образом, в понятие «легендарные предания» автор включает произведения устного народного творчества, опирающиеся на мифологические и религиозные мотивы. Следует сразу оговориться, что такое разделение является условным.

В татарском фольклоре термин «риваять» (предание) довольно рано стал использоваться в качестве наименования отдельного жанра; например, Каюм Насыри включил в «Казанский календарь» 1881 года предания об озере Кабан, о Казани³, в «Казанский календарь», вышедший на 1882 год, – о горе Амет⁴, в «Казанский календарь» 1883 года – предания об Алып-богатырях⁵ и вывел жанр этих произведений в их названия. Отчего и классификация преданий началась достаточно давно. М.А. Васильев и Г. Рахим в опубликованном в 1926 году «Пособии для сбора фольклора

¹ Башкортстан татарлары фольклоры. Риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлутдинов; фәнни мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 33-34.

² Там же. С. 232-239.

³ Насыри К. Кабан күле хакында риваять // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 38; Насыри К. Казан бәетендә мазкүр Үлмәс вә Әбүл-халык хакында риваять // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 39; Насыри К. Казанның кадимге ихатасы хакында риваятьләр // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 39; Насыри К. Казан шәһәре хакында риваятьләр // Казан календаре: 1881 ел өчен. Казан, 1880. Б. 39.

⁴ Насыри К. Әмәт тавы хакында риваять // Казан календаре: 1882 ел өчен. Казан, 1881. Б. 37-38.

⁵ Насыри К. Алып адәмнәр // Казан календаре: 1883 ел өчен. Казан, 1883. Б. 30-31.

и народной литературы» одними из первых указали следующие пятнадцать групп преданий:

Религиозные предания или предания, сформировавшиеся через религию, под влиянием религии;

Предания об исторических личностях и исторических событиях;

Предания о различных географических объектах (городах, деревнях, кладбищах, заброшенных домах, городских местах, мечетях, церквях, монастырях, башнях и минаретах, холмах, захороненных или запрятанных сокровищах);

О различных животных, птицах; о том, как они были созданы. Из воображаемых животных – о драконе, Юхе (мифическая змея, принявшая женский облик), птице Орлан;

О различных растениях и их происхождении;

О небесных телах;

О громах, молнии, ветре, буре и дожде;

О мифологических персонажах (например, Шурале, русалка, бес);

О людях, ушедших в мир иной;

О великих грешниках;

О человеке, который блуждает всю свою жизнь, так и не найдя решения, выхода;

О царях, богатырях, прикованных к горам или запертых в ямах и пещерах;

О голоде;

О войне и событиях, связанных с последними сражениями;

Мечтательные (тат. *хыялый*) предания, связанные с революцией, ее предводителями, с надеждой на новую жизнь¹.

Поскольку классификация, предложенная М.А. Васильевым и Г. Рахимом, – это первый пример группирования татарских преданий,

¹ Рәхим Гали. Сайланма әсәрләр [Текст] = Избранные труды / Татарстан Республикасы Мәдәният министрлыгы, Республика традицион мәдәниятне үстерү үзәге. Казан: Ихлас, 2018. Т. 2. С. 356-358.

нельзя забывать о том, что она является лишь руководством, составленным для сбора фольклорного материала. В их классификации в совокупности представлены все жанры, относящиеся к сказочной прозе татарского народа – предания, легенды, мифологические сказания и изустные рассказы. В то время их даже не делили по жанрам. Группирование, предложенное этими учеными, подразумевало сюжеты, наиболее популярные в народе в тот период. В этом разграничении своим названием привлекает внимание раздел «Мечтательные предания, связанные с революцией, ее предводителями, с надеждой на новую жизнь». Трудно сказать, какой жанр ученые подразумевали под «мечтательным преданием». Если для 1926 года рассказы о событиях революции 1917 года и ее героях, с одной стороны, могли тяготеть только к «сказительному» жанру, т.е. к меморатам, то с другой стороны, материал о конкретных исторических событиях нельзя было бы назвать «мечтательным», т.е. вымыслом. Этот вопрос на данный момент остается открытым.

В 1970-е годы татарские предания изучал Н.Ф. Ибрагимов, который разделил их на этнонимические, топонимические, исторические, житейско-бытовые¹.

С.М. Гилязутдинов, исследовавший жанровые особенности татарских преданий и позднее составивший том «Татарское народное творчество. Предания и легенды», предложил свою классификацию татарских преданий.

Он разделил предания на исторические, топонимические и бытовые. К третьей группе С.М. Гилязутдинов относил предания, повествующие о несчастной любви: «Ханская дочь», «Башня Тамерлана», «Озеро Маян»; о событиях из жизни простых людей, часто посвященные личным трагедиям: «Ахметсафа», «Песнь жаворонка»; об истории создания мелодий. Хотя эта классификация и примечательна выделением бытовых преданий, она довольно спорна. Например, предание «Озеро Маян», как следует из самого

¹ См. об этом: Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 10.

названия, объясняет происхождение топонима. В то же время это разделение свидетельствует о том, что среди татарских преданий существуют особые тематические группы, и доказывает необходимость их выделения. Тема несчастной любви, занимающая значительное место и в мировой литературе, раскрывается в различных жанрах татарского фольклора, этой теме посвящено много дастанов и даже баиты. Тема несчастной любви развивается и в преданиях. По сюжету такие предания близки к романтическим дастанам, однако в них события описываются сжато, без использования эпических художественных приемов. Чувства и переживания героев не раскрываются в отдельном ключе.

Своеобразную группу образуют предания, в которых описывается происхождение татарских народных мелодий. Заметим, что в некоторых из них затрагивается история любви в сочетании с этой темой. Например, в предании «Тәфтиләү көе» («Мелодия Тефкилева») описывается событие, послужившее причиной возникновения татарской и башкирской народной песни «Тафтиляу».

В преданиях, относящихся к этой группе, также говорится об обычаях и традициях татарского народа, многие из которых в настоящее время утрачены и забыты либо утратили свой подлинный смысл и носят развлекательный характер. «Назар байрамы» – один из таких обрядов. В настоящее время забыт и обычай проведения джиена (праздник нескольких, обычно родственных, сел, устраиваемый после окончания весенних работ), описанный во многих преданиях. В некоторых преданиях говорится о локальных обрядах, относящихся только к отдельному селу. Сведения о подобных народных мероприятиях сохранились исключительно в исторических преданиях.

С.М. Гилязутдинов выделил следующие группы исторических преданий:

Предания болгарского периода;

Предания, относящиеся ко временам Казанского ханства;

Предания, относящиеся к периоду после вхождения Казанского ханства в состав Русского государства;

Предания о социальном и национальном угнетении;

Предания о татарских просветителях;

Предания, относящиеся к истории сибирских татар;

Предания об истории возникновения сел и деревень¹.

Как следует из этой классификации, С.М. Гилязутдинов среди исторических преданий выделил три хронологических цикла, связанных с отдельными периодами: предания болгарского периода, предания Казанского ханства, предания периода после вхождения в Русское государство. Предания, относящиеся к древнетюркскому периоду и являющиеся общим наследием тюркских народов, как и предания, запечатлевшие события XX века, в сборник не вошли и в классификации ни как тематическая группа, ни как хронологический цикл не представлены. Ученый не выделил и предания, связанные с эпохой Золотой Орды.

Позднее, дополнив эту классификацию, С.М. Гилязутдинов выделил шесть групп, но и это разделение оказалось весьма условным. Он выделил из числа бытовых преданий предания, посвященные истории создания мелодий и народным обрядам, и включил их в отдельную группу, а также сформировал отдельную группу преданий о татарских просветителях. Топонимические и исторические предания остались в классификации на своем месте².

Нам представляется, что указанная классификация достаточно условна. Классификация начинается с хронологического цикла, продолжается тематическим разделением, между которыми не проводится разграничения, категории сопутствуют.

¹ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М. Гыйләжәтдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 10-13.

² Гилязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2000. С. 14.

О том, что при создании классификации необходимо использовать только один признак в пределах одной рубрики, писал и В.Я. Пропп: «Следует особо подчеркнуть, что в пределах одной рубрики (класс, род, вид) допустим только один прием»¹. Основным недостатком вышеупомянутой классификации является наличие в одной рубрике признаков, не отрицающих наличие друг друга и не взаимоисключающих, что было характерно и для международной классификации.

Нельзя забывать, что классификация преданий в большей степени условна. Любая попытка систематизировать собранный корпус преданий способствует их классификации и систематизации, которые будут разработаны впоследствии. Даже при наличии неточностей такая практика напомнит исследователю, на что следует обратить особое внимание.

Классификацию татарских преданий продолжил И.К. Фазлутдинов. Ученый предложил разделить предания татар, проживающих в Республике Башкортостан, по следующим группам:

- История сел и деревень;
- Исторические предания;
- Топонимические предания;
- Бытовые предания;
- Легендарные предания.

Нововведением этой классификации является выделение легендарных преданий в самостоятельную группу. Исторические предания ученый предлагает разделить на следующие тематические циклы²:

1. Предания, описывающие первобытное время и эпоху монгольских завоеваний;
2. Предания о боях, связанных с родоплеменной мстью;

¹ Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 152.

² Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлутдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 31-32.

3. Предания о национально-освободительной борьбе народа под предводительством Батырши, Салавата Юлаева и Емельяна Пугачева;
4. Предания о землевладельцах и войнах за землю;
5. Предания, связанные с межнациональными, межконфессиональными отношениями, названиями родов, сословий;
6. Предания о ворах и беглецах;
7. Предания о трагедиях социального и национального угнетения;
8. Предания о татаро-башкирских просветителях;
9. Предания о Гражданской войне;
10. Предания о трагедиях, связанных с голодом в Волго-Уралье.

Это деление позволяет проследить историю татарского народа, проживающего в Башкортостане, т.е. классифицировать предания, характерные для определенной локальной группы. Продолжая работу по классификации преданий, И.К. Фазлутдинов представил свой вариант классификации и для общетатарских преданий. Прежде всего следует сказать, что на сегодняшний день эта классификация является наиболее полной и совершенной. Ученый работает с материалом, собранным во всех регионах компактного проживания татарского населения, поэтому в этой классификации подразумеваются как общие, т.е. характерные для всего населения, предания, так и предания, относящиеся к отдельным регионам.

Изучив собранные фольклористами и сохранившиеся в письменных источниках тексты, И.К. Фазлутдинов выделяет следующие тематические группы преданий¹:

- Истории сел и деревень;
- Исторические предания;
- Топонимические предания;
- Бытовые предания.

¹ Татар халык ижаты: 25 томда. Т. ...: Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, текстларны, искәrmә һәм аңлатмаларны әзерләүче, кереш мәкалә авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2025. *В печати.*

При систематизации исторических преданий ученый с учетом историко-хронологического компонента выделяет следующие 15 подгрупп:

1. Предания, относящиеся к Булгарскому периоду;
2. Предания, относящиеся к периоду Золотой Орды;
3. Предания, относящиеся к периоду Казанского ханства;
4. Предания, относящиеся к периоду Русского государства;
5. Предания о насильственном крещении;
6. Предания о трагедиях социального и национального угнетения;
7. Предания о боях, связанных с родоплеменной мстью;
8. Предания о татарских просветителях;
9. Предания, относящиеся к истории сибирских татар;
10. Истории возникновения сел и деревень;
11. Предания о земле, языке, религии, межнациональных отношениях и связанных с ними противоречиях;
12. Предания о национально-освободительной борьбе народа под предводительством Батырши, Салавата Юлаева и Емельяна Пугачева;
13. Предания о ворах и беглецах;
14. Предания о Гражданской войне и классовой борьбе;
15. Предания о трагедиях, связанных с голодом в Волго-Уралье в 1921-1922 гг.

Несмотря на полноту фиксации исторического прошлого, и здесь не решен вопрос, как и в классификации С.М. Гилязутдинова: не установлены границы между хронологическим и тематическим разделением. Например, «Предания о насильственном крещении» могут рассматриваться как отдельная подгруппа внутри «Преданий, относящихся к периоду Русского государства», потому что они относятся именно к этому временному отрезку. Этот аспект ни в коем случае не может трактоваться как недостаток классификации И.К. Фазлутдинова, он лишь подтверждает тот факт, насколько сложна задача группирования преданий.

Таким образом, в результате анализа нами были определены основания для классификации татарских преданий, которые могут быть использованы и при систематизации исторических преданий татар Башкортостана: по тематике (переселения, основание населенных пунктов, восстания, религиозная жизнь и др.), по типу главного персонажа (первооснователи, религиозные деятели, участники народных движений, разбойники и т.п.), по степени исторической достоверности, а также по функции повествования (мемориальная, этиологическая, дидактическая). Обоснована целесообразность многоуровневого подхода к классификации, при котором учитываются как сюжетно-содержательные, так и структурные характеристики преданий. Такой подход создает прочную основу для дальнейшей каталогизации преданий и включения регионального материала в общетатарское и межэтническое сравнительное изучение.

2.3. Сюжетно-мотивная организация текстов и разработка Перечня мотивов исторических преданий татар Башкортостана

При анализе корпуса исторических преданий татар Башкортостана основное внимание было сосредоточено на их сюжетно-мотивной структуре. В качестве методологической основы использовалась система построения фольклорных указателей, позволяющая выделить устойчивые мотивы и типовые сюжетные схемы. Такой подход обеспечивает возможность более глубокой систематизации преданий и выявления внутренней логики их композиционного построения.

Проанализировав исторические предания, мы предлагаем собственную классификацию, единицы, взятые за основу Перечня, и саму основу для его построения. Считаем оправданным использование для классификации татарских преданий самого раннего – хронологического – деления, основанного на истории татарского народа. С.М. Гилязутдинов и И.К. Фазлутдинов, изучавшие татарские предания, также придерживались хронологического принципа.

Первая стадия работы — установление исторического периода.

При группировании по хронологическому принципу мы опираемся на историю татарского народа, в связи с чем можно выделить следующие основные циклы:

Мифологические (древнейшие) предания;

Предания древнетюркского периода;

Предания периода Волжской Булгарии;

Предания периода Золотой Орды;

Предания периода Казанского ханства;

Предания периода присоединения к Руси;

Предания периода капиталистических отношений;

Предания советского периода до Великой Отечественной войны (революции, гражданская война, годы коллективизации; годы репрессий и т.д.);

Материалы, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны (по своим жанровым признакам относятся к изустным рассказам и воспоминаниям, т.е. мемораты).

Вторая стадия работы – определение тематики предания.

Мы выделяем следующие тематические группы:

О происхождении определенной общности;

Об основании населенного пункта;

О народных переселениях;

О правителях;

О сказителях;

О принятии ислама;

О сражениях и войнах;

О народных волнениях и бунтах;

О ворах и разбойниках;

О храмах;

Об образовательной системе;

- О религиозных деятелях, в том числе легендарные;
- О воинах, предводителях;
- О насильственном крещении;
- О народных праздниках;
- Истории народных песен;
- О национальных традициях;
- О событиях Октябрьской революции 1917 г.;
- О событиях Гражданской войны;
- О сталинских репрессиях;
- О раскулачивании;
- О голоде;
- О коллективизации;
- О происхождении топонима;
- Об исчезновении народа;
- О происхождении географических объектов и особенностях ландшафта;
- О пребывании исторической личности в конкретной местности;
- О хозяйственной деятельности народа (жителей, персонажа);
- Об Алыпях и о проявлении ими необычайной физической силы;
- О проявлении магической силы (магических способностей);
- Об исчезновении определенной общности;
- О языческих обрядах;
- О священных местах.

Мы выделили 33 тематические группы, которые распределили по циклам. Разделение татарских исторических преданий на циклы достаточно условно. Однако именно такое распределение текстов позволяет ориентироваться в тематическом составе исторических преданий.

Этот список можно контекстуально расширять и дополнять новыми тематическими группами. Мы считаем справедливыми слова Н.А. Криничной о том, что «тематическую классификацию можно

продолжать вечно»¹. В данной классификации обозначить группу отдельной буквой алфавита невозможно, так как тематических групп может оказаться намного больше, чем букв в алфавите. В то же время условное обозначение тематических групп предполагало бы постоянное обращение к указателю. Краткое название тематической группы позволяет облегчить труд исследователя и ознакомление для читателя.

Определив хронологический период любого предания, можно перейти к выделению тематики. Предания, относящиеся к одной и той же тематике, могут находиться в любом хронологическом периоде.

Третья стадия работы – выделение основных мотивов и сюжетообразующих элементов.

Материалом для выделения основных мотивов и сюжетообразующих элементов послужили тексты преданий, опубликованные в сборниках «Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар»², «Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр»³, «Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар»⁴, «Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар»⁵, «Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар»⁶, а также хранящиеся в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им Г. Ибрагимова АН РТ, в фольклорном фонде кафедры татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий и в личном архиве автора.

¹ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. С. 15.

² Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018.

⁴ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021.

⁵ Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021.

⁶ Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021.

Общие мотивы и сюжеты, служащие для оформления рассказов, переходят из одного текста в другой, будучи связаны с разными событиями и лицами. Существуют повторяющиеся мотивы и сюжетобразующие элементы, однако в каждом случае они передают что-то принципиально важное, присущее именно своей эпохе.

При дальнейшей разработке Перечень мотивов должен быть дополнен, что, очевидно, потребует введения некоторых новых рубрик и их уточнения. Отдавая должное предшественникам и их вкладу в изучение основных сюжетов и тематических групп, мы предлагаем свой **Перечень основных мотивов и сюжетобразующих элементов татарских исторических преданий**:

Цикл: Предания на основе мифологических сюжетов и образов

О происхождении определенной общности:

1. *От тотемного животного;*
2. *От мифического персонажа;*
3. *От мифолого-эпического персонажа;*
4. *От брака человека и животного.*

Об Алыпях и о проявлении ими необычайной физической силы:

1. *Перебрасывание тяжести на расстояние или ввысь;*
2. *Раскачивание, вырывание с корнем огромного дерева;*
3. *Поднятие огромных тяжестей;*
4. *Проявление силы и выносливости в труде;*
5. *Единоборство;*
6. *Проявление необычайной физической силы в борьбе с врагом;*
7. *Необычайная сила и меткость в стрельбе;*
8. *Необычайная сила удара;*
9. *Быстрое передвижение;*
10. *Сила голоса;*

11. *Невероятный аппетит;*
12. *Утрата сверхъестественной физической (жизненной) силы.*

Об исчезновении народа:

1. *Погружение (уход) в землю, гору (пещеру, устье), источник;*
2. *Самозахоронение;*
3. *Окаменение;*
4. *Уход (бегство, отступление) из определенной местности на
иные земли;*
5. *Гибель;*
6. *Ассимиляция.*

Цикл: Предания об исторических личностях

О правителях:

1. *О харизме правителя;*
2. *О его отношении к своему народу;*
3. *О правителе, который в одежде простолюдина ходил среди
народа.*

О пребывании исторической личности в конкретной местности:

1. *О прибытии в гости;*
2. *О скрытном пребывании;*
3. *Об оставлении следов;*
4. *О сохранении воспоминаний об исторической личности.*

Цикл: Предания об основании населенного пункта и переселениях

Об основании населенного пункта:

1. *Выбор места для основания селения;*
2. *Основание селения одним персонажем, братьями;*
3. *Основание соседних селений братьями (ближайшими
родственниками);*

4. *Основание селения одной семьей или переселение нескольких семей;*
5. *Основание селения беженцами;*
6. *Основание селения ссыльными;*
7. *Основание селения разбойниками (социальными противниками);*
8. *Основание селения духовными деятелями;*
9. *Основание селения историческими лицами;*
10. *Переселение целой деревни на новое место;*
11. *Основание строительного объекта (городищ, крепостей, замков; объектов культового назначения; коммуникаций (водных, сухопутных));*
12. *Основание строительного объекта историческим лицом (князем, вождем, царем, купцом, зодчим);*
13. *Основание города;*
14. *Жертвоприношения в честь основания города;*
15. *Избавление территории будущего города от змей;*
16. *Мифологические образы, являющиеся защитниками города.*

О народных переселениях:

1. *Из-за голода;*
2. *Из-за нехватки земли;*
3. *В связи с государственной реформой;*
4. *В связи с военными действиями;*
5. *Из-за природных катаклизмов;*
6. *О ходоках;*
7. *О месте происхождения семьи.*

О происхождении топонима:

1. *От имени (прозвища) аборигена, первопоселенца (основателя селения), владельца местности;*
2. *Происхождение топонима, обозначающего этническую принадлежность аборигена, первопоселенца (основателя селения), владельца местности;*

3. *От названия рода занятий основателя или жителей селения (местности);*

4. *От наименования селения, откуда пришли переселенцы;*

5. *От наименования объекта культового назначения;*

6. *От особенностей местности;*

7. *В связи с историческими событиями;*

8. *В связи со сражениями и их предпосылками;*

9. *В честь исторического лица;*

10. *На основании народной этимологии;*

11. *В связи с трагическими событиями.*

О происхождении географических объектов, особенностей ландшафта (появление бугров, холмов, курганов, насыпей, гор; появление островов; появление источников; изменение очертаний берегов, русел рек):

1. *Связанном с деятельностью великанов, богатырей, силачей;*

2. *Связанном с деятельностью человека;*

3. *Связанном с деятельностью мифических персонажей;*

4. *Связанном с животным миром.*

О хозяйственной деятельности жителей, персонажа (-ей):

1. *О домашнем хозяйстве;*

2. *О ремесле населения;*

3. *Об охотничьем промысле;*

4. *О рыболовстве;*

5. *О сельскохозяйственных работах;*

6. *О кузнечном деле;*

7. *О скотоводстве;*

8. *О лесоразработках;*

9. *О мельницах и мельниках;*

10. *О женском рукоделии;*

11. *Об артелях;*

12. *О первых колхозах.*

Цикл: Ислам и образование

О принятии ислама:

1. *О миссионерах;*
2. *О сахабах;*
3. *О лечении дочери хана;*
4. *О столкновениях на религиозной почве.*

О храмах:

1. *О строительстве мечети;*
2. *О спиливании минарета мечети;*
3. *Об утере полумесяца, находящегося на вершине мечети;*
4. *О судьбе спиливших минарет мечети;*
5. *О разорении здания мечети;*
6. *Об использовании здания мечети в качестве склада;*
7. *Об использовании здания мечети в качестве загона для скота;*
8. *Об открытии в здании мечети школы или клуба;*
9. *О нечистой силе, обитающей в мечети.*

О религиозных деятелях, в том числе легендарные предания:

1. *Об известных шейхах, муллах;*
2. *О Хозыре (легендарный пророк, по преданию испивший «живой воды» из источника жизни и обретший вечную жизнь; появляется в образе нищего, пастуха или путника, дает добрые советы, дарит богатство или указывает на место, где находится клад);*
3. *О чудесах, совершенных шейхами;*
4. *О пророках;*
5. *О пророчествах;*
6. *Об излечении людей святыми и ишанами (шейхами);*
7. *О рождении ребенка после чудодейственной молитвы святого;*
8. *О предсказывании мыслей, желаний и действий человека;*
9. *О сверхъестественных способностях, демонстрируемых святыми.*

О святынях и святых местах:

1. *О могилах святых;*
2. *О священном источнике;*
3. *О местах погребения;*
4. *О местах поклонения.*

Об образовательной системе:

1. *О строительстве мечети;*
2. *Об обучении и образовательном процессе в медресе;*
3. *О знаменитых медресе;*
4. *Об учебе в медресе девочек;*
5. *О различных случаях, связанных с шакирдами (учащимися медресе).*

О насильственном крещении:

1. *О смене имени, наречении новым именем;*
2. *О выдаче татарских девушек замуж за представителей других народов;*
3. *О стремлении придерживаться обрядов погребения по исламским канонам;*
4. *О нападении на тех, кто совершает крещение народа;*
5. *О бегстве и переселении народа от крещения;*
6. *О налоговых послаблениях для крещеных людей;*
7. *О тайной приверженности народа своей религии;*
8. *О местах кряшенских кладбищ;*
9. *О мученичестве;*
10. *О возвращении в ислам.*

**Цикл: Предания о сражениях и войне, о народных бунтах,
о разбойниках, о борцах за социальную справедливость**

О сражениях и войне:

1. *О нападении врага (-ов);*

2. *О разорении;*
3. *О ключевом (решающем, заключительном) поединке;*
4. *О богатырях, вышедших один на один;*
5. *О пленении, лишении свободы;*
6. *Об осаде города;*
7. *О проникновении врага (-ов) в крепость хитростью;*
8. *О победе;*
9. *О разорении взятых городов.*

О народных волнениях и бунтах:

1. *О проявлении недовольства со стороны подданных;*
2. *О предводителях;*
3. *О подавлении народных волнений и бунтов;*
4. *О назначении наказания бунтовавшим.*

О ворах, разбойниках и конокрадах:

1. *О благородных ворах и разбойниках;*
2. *О конокрадах;*
3. *О ловких ворах;*
4. *О краже пирогов на молодежных посиделках;*
5. *О ворах, которые были наказаны Всевышним;*
6. *О каторжанах;*
7. *О селах, промысляющих разбоями, ввиду своего расположения у крупных трактов;*
8. *О взаимоотношениях вора и его коня;*
9. *О восприятии разбойника местным населением;*
10. *О топонимах, связанных с грабежами и разбоями;*
11. *Об избрании наказания разбойнику (например, ссылка на каторгу);*
12. *О гибели героя.*

Цикл: Предания о нематериальном наследии татарского народа

О народных праздниках:

1. *О семейных праздниках;*
2. *О календарных праздниках;*
3. *О трудовых обрядах;*
4. *О молодежных играх;*
5. *О традициях народного гуляния.*

О национальных традициях:

1. *О приготовлении национальных блюд;*
2. *О приеме гостей;*
3. *Об обмене гостинцами.*

Истории народных песен:

1. *Посвященных знаменательному событию;*
2. *Посвященных известной исторической личности.*

Семейные истории:

1. *О влюбленных;*
2. *Поучительные рассказы о предках.*

Цикл: Предания о предсказателях и проявлении магической силы

О сказителях, шаманах, камах:

1. *О предсказаниях;*
2. *О таланте сказителя;*
3. *О разговоре сказителя с правителем;*
4. *О камлании (ритуал общения с духами);*
5. *О ясновидящих.*

О проявлении магической силы (магических способностей):

1. *О предсказании;*
2. *О лечении;*
3. *О проклятии;*
4. *О произнесении магического слова (заговора, заклинания);*

5. *О наказании магическим путем;*
6. *О чудесном спасении от смерти;*
7. *Об избавлении от антагонистов магическим путем;*
8. *О перевоплощении;*
9. *О чудесном исчезновении;*
10. *О местах, сбивающих с пути, вводящих в заблуждение и заводящих в неизвестные края;*
11. *О кладах.*

О языческих обрядах:

1. *О куклах;*
2. *Об изгнании нечистой силы.*

**Цикл: Предания о событиях Октябрьской революции 1917 г.,
Гражданской войны и коллективизации**

О событиях Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны:

1. *О героях революции;*
2. *О братоубийственных столкновениях;*
3. *О бесчинствах обеих сторон.*

О раскулачивании:

1. *Об объявлении зажиточных людей кулаками;*
2. *О предоставлении раскулаченным нескольких часов на сборы;*
3. *О мародерстве;*
4. *О выдаче дочерей изгнанных замуж за батраков.*

О голоде:

1. *О засухе 1921-го года;*
2. *О начале голода;*
3. *О гибели / заморе народа от голода;*
4. *О съеденных от голода вещах (травы, падали, старая шкура или кожа, костная мука, желуди);*

5. *О невозможности похоронить трупы;*
6. *О братских могилах.*

О коллективизации:

1. *Об организации коллективных хозяйств;*
2. *Об изъятии земель;*
3. *Об изъятии у населения скотины;*
4. *Об изъятии зерновой продукции;*
5. *О совместном труде;*
6. *О вредительстве;*
7. *О стычках;*
8. *Об изгнании из собственного дома;*
9. *Об убийстве организаторов коллективных хозяйств.*

О Сталинских репрессиях.

Каждое историческое предание состоит из общих мотивов и сюжетообразующих элементов, которые служат для оформления сюжета, переходят из одного текста в другой. Каждый мотив может быть использован по отношению к разным событиям и лицам.

Рассмотрим для примера предание «О Кровавом озере “Канлыкуль”».

«К берегам безымянных рек, протекавших среди густых лесов, гор и скал, болот группами переселились татарские семьи.

Эти места считались землями дуван-мечетлинских башкир. Переселившиеся стали здесь жить, заключив соглашение с башкирами.

Однажды мурзы, проживавшие в низменности реки Узьян, выкрали одну из девушек дуван-мечетлинских башкир, проживавших вдоль реки Ай, так как, когда забирали девушку, не был передан предусмотренный обычаями и традициями выкуп.

Дуван-мечетлинцы пустились за ними в погоню. Похитители переправились через реку Ай, добрались до нынешней деревни Юсупово, затем, перейдя через реку Айвек (Әйвек), ушли в мурзовские края. Между

современными “Тентяк”ом (Төнтәк) и “Русским хлеб”ом (Урыс игене) башкиры догнали укравших девушку, и в том месте произошла кровавая битва. Позднее это место стали именовать “Кровавым озером”.

Мурзы и башкиры долгие годы живут во взаимных претензиях. Позднее дуван-мечетлинцы отдали земли, где была пролита кровь, мурзам. Татары выкупили это место. Там, на свободной земле у берегов рек, они возводят дома. Таким образом, строится село. Его стали называть Нижние Киги» (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Выделим основные мотивы в рассматриваемом предании, которые еще раз демонстрируют одну из особенностей жанра преданий, а именно – гармоничное сочетание в одном тексте совершенно разных и, на первый взгляд, несочетаемых мотивов:

Переселение на новые земли; Заключение соглашения с местным населением; Семейные традиции (Умыкание девушки без ее согласия); Конфликт между переселившимися и местным населением на почве кражи девушки; Кровавая битва, послужившая основой для возникновения топонима; Возникновение поселения.

Правомерность выделения основных мотивов определяется прежде всего их частотностью или повторяемостью. Одни и те же мотивы могут использоваться в текстах, принадлежащих разным циклам. Как указывала Н.А. Криничная: «Любой мотив наиболее активно функционирует в рамках определенного цикла, хотя может выходить за пределы не только цикла, но и жанра»². Под циклом мы подразумеваем совокупность мотивов, относящихся к определенному аспекту исторической действительности.

Собранный материал в зависимости от цели исследователя может быть классифицирован и по другим принципам. При этом жанровые особенности,

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетьдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 108.

² Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Ин-т русской лит-ры. Петрозаводск, 1991. С. 11.

тематика материала и другие причины предъявляют к исследователю отдельные требования.

Классификация и систематизация исторических преданий по сюжету и содержанию – это не единственная возможность упорядочить имеющиеся тексты.

По отношению к действительности можно выделить следующие группы:

Древние предания с мифологическими мотивами;

Легендарные предания;

Предания о реальных исторических событиях.

По историческим преданиям могут создаваться следующие указатели, имеющие уникальные десятичные коды, наличие которых будет свидетельствовать о самостоятельности подобных работ:

Указатель исполнителей;

Указатель собирателей, фольклористов;

Указатель географических названий;

Указатель мест записи текстов;

Указатель персонажей.

Однако, по нашему мнению, основным инструментом для исследования преданий являются национальные указатели мотивов, которые, несмотря на свою принадлежность к определенному народу, опираются на общие принципы. Предложенный нами «Перечень основных мотивов и сюжетообразующих элементов татарских исторических преданий» при дальнейшей работе может послужить основой для создания «Указателя мотивов татарских преданий».

Таким образом, анализ текстов исторических преданий татар Башкортостана позволил выделить устойчивые мотивы, формирующие основу сюжетных конструкций и отражающие локальные аспекты исторической памяти. В процессе изучения был разработан предварительный перечень мотивов, сгруппированных нами по тематическим направлениям:

переселение, основание населенных пунктов, религиозная деятельность, участие в народных движениях, разбойничество, личные подвиги и трагические события. Систематизация мотивов способствует уточнению внутренней структуры жанра и создает основу для дальнейшей типологизации преданий, а также для формирования сюжетно-мотивного указателя как перспективного научного инструмента.

Выводы по главе 2.

1. На основе анализа источников и научных работ выявлено, что в современной фольклористике до сих пор отсутствуют национальные и международные указатели по жанру преданий. Единственным устоявшимся каталогом является международный указатель сказочных сюжетов. Ввиду этого разработка региональных моделей классификации остается одной из актуальных задач.

2. На основе анализа имеющихся классификаций татарских преданий выделены классификационные признаки, опирающиеся на четыре основных критерия: тематическое содержание (переселения, восстания, религиозная деятельность и т.д.), тип главного героя (первооснователь, религиозный деятель, борец с властью, разбойник и др.), степень достоверности, приписываемая событию, и социально-культурная функция предания (мемориальная, назидательная, идентификационная). Установлено, что внутренняя структура жанра допускает пересечение классификационных признаков: одни и те же предания могут сочетать черты разных типов в зависимости от контекста исполнения и восприятия.

3. В результате анализа сюжетного материала составлен обобщенный перечень мотивов и сюжетообразующих элементов татарских исторических преданий Башкортостана. Основной «единицей измерения» при рассмотрении структуры исторического предания выступает мотив, который и является одним из важнейших признаков жанра. Выявление основного круга мотивов исторических преданий позволяет систематизировать

исторические предания по тематическому принципу и группировать их по циклам. Под циклом мы подразумеваем совокупность мотивов, относящихся к определенному аспекту исторической действительности. В предложенной нами классификации выделены дополнительные циклы (например, Ислам и образование, О событиях Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и коллективизации), что было обусловлено историей татарского народа, расширением или сужением отдельных циклов.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ЦИКЛЫ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ ТАТАР БАШКОРТОСТАНА

Народные предания татар, проживающих на территории современного Башкортостана, в своем историческом развитии сформировали несколько циклов, которые связаны с определенными историческими периодами и повествуют о важных событиях и лицах того времени. Часть этих циклов была исследована ранее. Другой, не менее важный для изучения, пласт преданий, остававшийся в тени внимания ученых, представлен в данной главе.

В рамках настоящей главы представлен подробный анализ четырех наиболее насыщенных и репрезентативных тематических циклов, обладающих наибольшей мотивной плотностью и глубокой укорененностью в региональной традиции. Популярность и полнота существующих циклов позволяют судить о важности и актуальности, о фундаментальном значении описанных в них событий для людей того времени, о значимости упомянутых в них личностей в жизни народа и их роли в политических процессах.

Одним из ключевых оснований для особого внимания к данным циклам послужило то, что они были своевременно записаны, что исключает их искажение.

Рассмотрение преданий в контексте указанных тематических циклов позволяет углубленно исследовать механизмы трансформации исторических событий в фольклорные нарративы, выявить формы символизации исторической памяти и проследить устойчивые черты народного взгляда на прошлое.

3.1. Предания об истории возникновения татарских сел и деревень Башкортостана

Проживание татарского народа на территории современного Башкортостана имеет многовековую историю. Письменные памятники свидетельствуют о том, что татары жили в Башкортостане еще во времена Волжской Булгарии¹. П.С. Паллас, немецкий и русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник (1767-1810), который прославился в том числе своими научными экспедициями, писал о местном населении следующее: «На западной, южной и северо-западной сторонах Уфы живут так нарицаемые Уфимские Татары, свойственники Казанских, но давно уже в сих странах поселившиеся»². Он также упомянул о находящихся «в 40 верстах от Уфы надгробных камнях с арабскими и коптическими надписями» и об укреплениях на берегах реки Белой «между Уфою и Бирским, которые строены не Башкирцами»³. Мы не нашли сведений о коптической письменности, в связи с чем предполагаем, что П.С. Паллас подразумевал рунические надписи, которые назывались так, исходя из визуального сходства графики с письменностью древних скандинавских народов.

И.М. Миргалеев и А.В. Аксанов, исследовав исторические источники, пришли к следующему заключению: «... после того, как Казань пала, татары продолжали в течение нескольких лет воевать за восстановление своей государственности. Безусловно, какая-то часть была вынуждена переселиться на другие земли, в том числе и в Приуралье, однако после таких колоссальных людских потерь только лишь казанские татары не могли заселить Приуралье, то есть многие татары, как на это указал П.С. Паллас,

¹ Гильом де Рубрук о реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране / Приложения. Источники по истории татар Западного Приуралья // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 343.

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть вторая. Книга первая. СПб.: Императорская Академия наук, 1770. С. 7.

³ Там же. С. 12.

были местного происхождения и проживали здесь с XIII века и раньше»¹. Ученые отмечают, что «уфимские татары», описанные П.С. Палласом, — это потомки татар Акидель улуса (XIII – XVI вв.), а «казанскими татарами» являются те, кто мигрировал в Приуралье в XVII-XVIII веках². Основываясь на письменных источниках, ученые указывают на близость материальной культуры Среднего Поволжья и Приуралья в Золотоордынский период³. Поскольку татары, поселения которых тянулись по этим землям непрерывной полосой, на территории от Волги до Белой жили издревле, еще до появления Уфимской крепости, т.е. до 1574 года, «термин “Уфимские татары” не прижился»⁴.

«Тот факт, что памятников, относящихся именно к этому периоду, то есть к переселению казанских татар после завоевания Казани на территорию современного Башкортостана, в фольклоре сохранилось в наибольшем количестве, не может служить основанием для односторонних выводов об истории. Здесь нельзя упускать из виду тот факт, что трагические события эпического характера прочно впитались в народную память и долго ее волновали. События заселения татарами, переселившимися со стороны Казани, земель у подножия Урала не означают, что именно тогда в этот край впервые ступило татарское племя», – отмечает Л.Х. Мухаметзянова⁵. На достоверность этого предположения, по мнению И.К. Фазлутдинова, указывает и обилие в записанных в регионе преданиях, в том числе и историях сел и деревень, архаичных, уходящих корнями в древнюю мифологию мотивов. В качестве примера автор приводит такие мотивы, как дарение земли тотемным животным для основания селения, исполнение на новом месте заветных желаний, «божественный знак», и отмечает образное

¹ Миргалеев И.М., Аксанов А.В. Введение // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 14.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Мөхәммәтжанова Л.Х. Россия төбәкләрендә татар фольклоры (И.К. Фазлутдиновның «Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр» (Уфа: Китап, 2018) китабына мөнәсәбәттә) // Фәнни Татарстан. 2019. № 1. Б. 160-170.

отражение в деревенских преданиях таких, относящихся к очень далеким временам, явлений, как культ древнего скота, наделение железа священными качествами¹. Большую роль здесь играют мифологические воззрения. В частности, сквозь образы «святых» разбойников проступают черты, присущие мифическим великанам и силачам².

В то же время, в единичных случаях, в исторических преданиях упоминается, что основателями деревни являются булгары. Например, история основания деревни Киска-Елга в Туймазинском районе Республики Башкортостан (РБ) гласит: «Наши предки пришли со стороны р. Чермасан. Они были булгарами»³. Предание было записано Д.Б. Рамазановой в 1970 году в деревне Киска-Елга Туймазинского района РБ у информанта З. Дистанова, 1888 г.р. В предании рассказывается, что к основателям села позднее присоединились тептяри, «припущенные» башкиры (при этом информант уточнил, что они «и не тептяри, и не башкиры»), затем, в 1720 году, казанские татары, бежавшие от насильственного крещения, из рода первопереселенцев⁴.

Причины переселения татар в различные регионы России и за рубеж в основном были обусловлены историческими предпосылками. Это, в первую очередь, потеря земель и жилища во время различных войн и сражений, попытки спастись бегством от захватчиков, нехватка земли и продовольствия, голод. Еще одна ключевая причина переселения татар – желание народа остаться в своей вере, т.е. попытка избежать насильственного крещения.

¹ Фазлутдинов И.К. Синтез исторических и мифологических воззрений в преданиях населения северо-западного Башкортостана // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Леонида Михайловича Васильева (г. Уфа, 23 сентября 2021 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 303-307.

² Фазлетдинов И.К. Башкортстан татарларының качкыннар һәм караклар турындагы риваятьләрендә тарих һәм мифология синтезы // Фәнни Татарстан. 2022. № 3. Б. 88-89.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 50.

⁴ Там же.

Можно назвать следующие мотивы, раскрывающие причины переселения, которые наиболее часто встречаются в исторических преданиях татар Башкортостана:

Из-за голода. Например, предания «Жиде каен» (Семь берез)¹, «Челтер чишмә» (Журчащий ручей)²;

Из-за нехватки земли. Например, предания «Итәвеш авылы» (Село Итеево, Илишевский район РБ)³, «Штәнде авылы» (Деревня Штанды, Балтачевский район РБ)⁴, «Кәшкәләү авылы» (Деревня Кашкалево, Бураевский район РБ)⁵, «Дәмәй авылы» (Село Дюмеево, Илишевский район РБ)⁶, «Иске Тукмаклы авылы» (Село Старые Тукмаклы, Кушнаренковский район РБ)⁷, «Яңа Тукмаклы авылы» (Село Новые Тукмаклы, Кушнаренковский район РБ)⁸, «Чокыдытамак авылы» (Село Чукадытамак, Туймазинский район РБ)⁹, «Йомран авылы» (Деревня Юмран, Кармаскалинский район РБ)¹⁰;

В связи с государственной реформой. Например, предание «Акбулат авылы» (Село Акбулатово, Татышлинский район РБ)¹¹;

В связи с военными действиями. Например, предания «Кормантау авылы» (Село Курмантау, Гафурийский район РБ)¹², «Ишкар авылы» (Село Ишкарово, Илишевский район РБ)¹³, «Кырмыш авылы» (Деревня Оборона, Кигинский район РБ)¹⁴, «Гали карт һәм аның уллары» (Старик Гали и его сыновья)¹⁵;

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 159.

² Там же.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 71.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ Там же. С. 82.

¹² Там же. С. 50.

¹³ Там же. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 74.

¹⁵ Там же. С. 124.

Насильственное крещение. Например, предания «Бишбүләк авылы» (Село Бижбуляк, Бижбулякский район РБ)¹, «Кыска елга авылы» (Село Кыска-Елга, Буздякский район РБ)², «Аксәет авылы» (Село Аксаитово, Татышлинский район РБ)³.

Исторические события, по причине которых происходила миграция, нашли свое отражение в письменных источниках, исторических преданиях, исторических песнях, баитах и, в довольно условном виде, в дастанах. Свидетельства об этих событиях встречаются и в художественной литературе. Например, предания об основании отдельных татарских сел Башкортостана, их расселении в этом регионе зафиксированы в романе «Страницы прошлого» («Соңгы китап») Амирхана Еники. В этом произведении, имеющем документально-биографический характер, автор достаточно широко описывает историю переселения на башкирские земли и раскрывает страницы прошлого своих предков, своего рода и племени «томэнов» в целом, которые являются выходцами Темниковской Мещеры (находившейся вблизи г. Темников современной Республики Мордовия)⁴.

Благодаря «великодушию» белого царя, башкирским племенам выделялись большие земельные наделы, что было закреплено документально, в земельных вопросах чувствовалась определенная свобода, и особых препятствий в приеме переселенцев-татар не существовало. Однако влияние колониальных властей неуклонно усиливалось, ущемление прав местного, коренного населения не проходило без следа ни для самих переселенцев, ни для общественно-экономических отношений татар и башкир. Колониальные власти издавали указы, согласно которым следовало не принимать и прогонять беглых (как их называли в официальных документах) татар с земель. Из-за бегства тысяч татар в Казани резко сократилось число ясачных плательщиков правительству. Тем не

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 43.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 83.

⁴ Еники Амирхан. Страницы прошлого: Роман. Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. С. 4-12.

менее, большинство татар оставались непокорными. Это оказывало влияние не только на татар, но и на местных башкир. Если ранее башкирские племена вели кочевой образ жизни и занимались только разведением скота, то с получением больших земельных наделов они постепенно переходят к оседлому образу жизни, начинают заниматься земледелием. В результате этих серьезных изменений в хозяйстве патриархально-родовые обряды у западных башкир ослабевают, идут на убыль, в их духовную жизнь проникают новые черты.

Переселялись со стороны Казани не только ясачные крестьяне, но и мурзы. Некоторые из них выполняли административные «поручения», в том числе по руководству башкирами, работали переводчиками, писарями, сыщиками, начальниками войсковых отрядов, чем обеспечивали себе высокие титулы, богатство и получали за свои заслуги землю. Например, деяния Тевкелева – татарского мурзы из рода Тевкелевых, участвовавшего в подавлении башкирских восстаний, легли в основу исторических преданий как татарского, так и башкирского народа¹.

Отчетливо видно, что царское правительство, используя специфику исторического прошлого, различия в социальной психологии башкир и двух этнических групп татар (казанских татар и мишарей), в целях продвижения в регионе собственной политики провоцировало обе стороны, препятствовало установлению взаимоотношений, сближению татар и башкир. Так, согласно указу, изданному в феврале 1736 года, был установлен запрет на вступление башкир и татар в смешанные браки, молодые могли создать семью только с разрешения губернатора и при условии передачи властям одной хорошей лошади.

Общественно-политические реалии вынуждали татар официально регистрироваться под другим этно-сословным наименованием. В категорию, именуемую административно-сословным термином «тептяри», наряду с

¹ Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Фольклорный фонд. Кол. 41. папка 4, ед.хр. 62.

переселенцами, в основном казанскими татарами, входили чуваша, марийцы, удмурты, мордва и отчасти башкиры, мишари. В результате происходивших здесь этнических процессов с середины XIX века «тептярями» стали называть только татар Башкортостана. В письменной литературе XIX и XX веков и у самих уральских татар это название употреблялось в том же, последнем значении. В фольклорных источниках, а именно в преданиях, по-разному интерпретируется происхождение этнонима «типтәр» – «тептяр», но в большинстве преданий происхождение этого термина объясняется следующим образом: власти записывали данные о новопоселенцах в особые тетради, в результате трансформации слова «тетрадь» – «дэфтәр» и возникло данное этно-сословное наименование «типтәр»¹. Стремление получить в собственность клочок земли заставило часть казанских татар записаться «башкирами». Специфику и итоги данного процесса необходимо исследовать по татарским (тептярским), мишарским и башкирским родословным, преданиям жителей сел о своей истории, эпиграфическим воспоминаниям и архивным документам. Богатый документальный фактический материал по данной теме сохранился в труде «Асар» Р. Фахретдина² и во многих татарских книгах, увидевших свет в XIX-XX веках.

Следует отметить, что исторические предания татар Башкортостана об обосновании населенных пунктов чаще всего локализованы во временном плане. Например, в предании о деревне Акбулатово Татышлинского района РБ сообщается точная дата основания села: «Первым сюда прибыл человек, которого звали Апас Акбулатов. Он поселился здесь, по разрешению царя Петра Алексеевича, в 1696 году» (перевод наш. – И.Ф.)³. В других текстах время уточняется по отношению к датам значимых исторических событий. Например, предание «Деревня Аксаитово» (Татышлинский район РБ) начинается с сообщения о времени основания села: «Знаю по рассказам

¹ Ахмеров Г.Н. Тептяри и их происхождение // Избранные труды. Казань: Татар. кн. изд-во. 1998. С. 178.

² Фахреддин Ризаэддин. Асар. 1 том. Казан: Рухият, 2006.

Фахреддин Ризаэддин. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 82.

предков, что наше село было основано во время насильственного крещения Иваном Грозным» (перевод наш. – *И.Ф.*). Обычно же время события особо не оговаривается, либо в предании содержится указание на неопределенность времени: «Это не на моей памяти [...] А об этом даже моя мама не помнит. Деревня-то давняя» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

История собирания и изучения преданий татарского народа, посвященных истории сел и деревень Башкортостана, не столь велика. До последней четверти XX века она носила фрагментарный характер и ограничивалась в основном публикациями в периодической печати. Фрагменты исторических преданий о татарских селах, о проживании татар на территориях, относящихся к современной Республике Башкортостан, зафиксированы историками, путешественниками. Системно и довольно полно предания, относящиеся к данной группе, впервые были представлены в томе «Предания и легенды» 12-томника «Татарское народное творчество», изданном в 1987 году². В томе представлены истории 94 сел, 13 из которых записаны в районах проживания татар в Башкортостане³.

Легенды и предания, посвященные историям татарских сел, были собраны Р.М. Мухаметзяновым. В середине 1960-х годов Р.М. Мухаметзянов объездил более 150 татарских сел Республики Башкортостан, именно во время этих экспедиций были записаны исторические предания об образовании татарских населенных пунктов региона. С 1995 года работа по изучению и сбору татарского фольклора была продолжена И.К. Фазлутдиновым, который исследовал топонимические предания и легенды татар Башкортостана⁴. Ученый раскрывает исторический потенциал топонимики, анализирует топоним как исторический источник освоения региона⁵. В монографии «Риваятьтә халык тарихы. Авыл тарихларын

¹ ПМА.

² Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Б. 137-204.

³ Там же.

⁴ Фазлутдинов И.К. Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Уфа, 2005.

⁵ Там же. С. 106-173.

тасвирлаган риваятьләрдә XVI-XIX гасырлардагы миграция процессларының чагылышы» («В преданиях история народа: отражение миграционных процессов XVI-XIX веков в преданиях об истории сёл и деревень») И.К. Фазлутдиновым анализируется отражение миграционных процессов XVI-XIX веков в преданиях, описывающих истории сел и деревень Башкортостана¹. В Приложении монографии содержатся тексты 173 преданий². В 2018 году был издан сборник произведений устного народного творчества местного населения «Фольклор татар Башкортостана: предания, легенды, былички, устные рассказы», подготовленный на основе экспедиционных материалов И.К. Фазлутдинова³: 169 текстов сборника являются топонимическими преданиями, в которых название деревень освещается в связи с историей их происхождения. В изданной в 2021 году серии из трех книг «Фольклор татар Башкортостана»⁴, наряду с другими фольклорными жанрами, представлено 167 текстов по историям деревень⁵. Объектом исследования в данном параграфе служат как опубликованные в этих сборниках предания об историях сел, так и исторические источники.

Истории сел и деревень в составе преданий являются своеобразной группой. Как отмечает С.М. Гилязутдинов, они «обычно рассказывают о том, откуда, когда, по каким причинам прибыло то или иное селение. В историях сел даются различные сведения о первых поселенцах края, о важных событиях в жизни отдельных родов. В этом отношении они близки к историческим преданиям. Во многих произведениях объясняется и происхождение названия населенного пункта. Это в свою очередь характерно

¹ Фазлутдинов И.К. Риваятьтә халык тарихы. Авыл тарихларын тасвирлаган риваятьләрдә XVI-XIX гасырлардагы миграция процессларының чагылышы: уку кулланмасы / фәнни редактор Ә.М. Сөләйманов. Уфа: БДУ нәшрияты, 2003.

² Там же. С. 112-184.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр.

⁴ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар; Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар.

⁵ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар. Б. 23-46; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 23-60; Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар. Б. 23-61.

для топонимических преданий»¹. По мнению И.К. Фазлутдинова, «данная особенность историй сел и деревень – наличие у них одновременно и топонимического, и исторического характера – позволяет рассматривать их как отдельную группу в составе преданий»². Учитывая это, И.К. Фазлутдинов в составленных им фольклорных сборниках выделяет отдельную группу «Истории сел и деревень», не относя эти тексты ни к топонимическим, ни к историческим преданиям.

При классификации исторических преданий о возникновении татарских населенных пунктов мы опираемся на категории сюжетов и мотивов, предложенные нами в главе 2. В настоящем параграфе рассматриваются предания о переселении татар на территорию Республики Башкортостан и об основании здесь татарских населенных пунктов. Анализируются следующие сюжетные группы:

О народных переселениях;

Об основании населенного пункта;

О происхождении топонима.

И.К. Фазлутдинов отмечает, что мотивы возникновения названия населенного пункта в преданиях, описывающих истории сел татар Башкортостана, до конца не укладываются в эти версии³. В рамках историй деревень частично рассматриваются мотивы, связанные с аборигенами края; помещиками; кладами; великанами, богатырями, силачами; внешними врагами; разбойниками и историческими лицами. Ф.А. Надршина отдельно рассматривает несколько мотивов, связанных с происхождением деревень: сюжеты о том, сколько детей воспитал глава семейства и где обосновался его род; связанных с тем, к какому племени или роду принадлежали первые поселенцы, о родоплеменных взаимоотношениях первопоселенцев; сюжеты, объясняющиеся заселением края представителями других национальностей;

¹ Гыйләжәтдинов С.М. Риваятьләр, легендалар һәм мифологик хикәятләр турында // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Б. 13.

² Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 16.

³ Фазлутдинов И.К. Башкортстан татарларының авыл тарихларын тасвирлаган риваятьләрдә мифологик мотивлар // Фәнни Татарстан. 2021. № 4. Б. 85.

связанные с наличием у деревни определенного камня или сооружения (крепости); посвященные обряду наречения ребенка особенным именем у переселенцев; объясняющие название села ситуацией, происходящей в повседневной жизни; связанные с некогда произнесенными словами¹.

Произведения, повествующие о заселении отдельного края и его освоении, составляют довольно архаичную группу в структуре народных преданий татар Башкортостана. В татарских преданиях, собранных на территории современной Республики Башкортостан, наиболее распространен элемент сюжета, посвященный переселению.

Чаще всего встречаются следующие мотивы, относящиеся к рассматриваемым сюжетным группам (*О народных переселениях* и *Об основании населенного пункта*):

Основание селения одним персонажем, братьями. Например, предания, посвященные истории деревень Тимербаево (*Тимербай*) Куюргазинского района, Старые Тукмаклы (*Иске Тукмаклы*) Кушнаренковского района, Султановка (*Солтан*) Кигинского района, Абдуллино Мечетлинского района (*Абдулла*), Аксаитово Татышлинского района (*Аксәет*), Карамалы-Губеево (*Карамалы-Гобәй*), Муллино (ныне входит в состав города Октябрьский), Тукаево (*Тукай*), Ярмухаметово (*Ярмөхәммәт*) Туймазинского района РБ².

В наиболее ранних преданиях «основатель селения наделяется всеми признаками героизируемого предка, а подчас мифолого-эпического или же мифологического персонажа»³. В преданиях, записанных на территории Республики Башкортостан, эта традиция не сохраняется, основатель села сверхъестественными качествами не наделяется, а наоборот, упоминается не просто как реальное лицо, а как дед или прадед рассказчика. Информанты

¹ Нәзершина Ф.А. Халык хәтерә (башкорт халык риуәйәт, легендаларының тарихи ерлеге, жанр үзенсәлектәре). Тулыландырылган икенсе басма. Өфө: Гилем, 2006. Б. 152-234.

² Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 69-70, 71, 74, 75; Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар. Б. 31-32, 34, 36-37, 37-38; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 42-43, 47.

³ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 37.

часто связывают с ним свой род или рассказывают, что по сей день в селе проживают потомки этой династии.

Например, в предании о деревне Сюльтино Илишевского района Башкортостана содержится уточнение, что и в настоящее время (на момент записи предания) в деревне живут потомки деда Султангали¹.

Основание соседних селений братьями (ближайшими родственниками). Например, предание, посвященное деревне Илишево Илишевского района РБ («Илеш авылы»)².

В исторических преданиях основателями селения часто выступают братья. При этом, как отмечает Н.А. Криничная, мотив об основании соседних сел родными братьями уходит генетическими корнями в родоплеменные сказания³. Татарские предания не сохранили архаический характер мотива, однако частота его использования доказывает устойчивость традиции.

Основание селения одной семьей или переселение нескольких семей с какой-либо конкретной территории. Например, предания, посвященные истории сел Новый Каинлык Краснокамского района («Яңа Каенлык авылы»), Ахметово Кушнаренковского района РБ («Әхмәт авылы»)⁴.

Наиболее часто предания повествуют об основании села одной семьей или группой первопоселенцев, связанных родственными отношениями.

Переселение целой деревни на новое место. Образцы преданий о единовременном переселении жителей целого села или об обосновании на новых землях группы людей, состоящих в родственных отношениях. Например, предания, посвященные истории сел Кашкалево Бураевского районе («Кәшкәләү авылы»), Угузево Кушнаренковского района («Үгез

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 63.

² Там же. С. 57.

³ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 31-32.

⁴ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 70; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 37-38.

авылы»), Тукаево Кигинского района («Тукай авылы»), Новомуслюмово Мечетлинского района РБ («Мөслим авылы») и др.¹

Предания о названиях деревень, возникших в связи с отдельными событиями, с одной стороны, являются топонимическими, с другой – рассматриваются как исторические предания. Названия селений, в свою очередь, сохраняют не только сведения об исторических событиях или личностях, но и анимистические и тотемистические воззрения, древние верования местных жителей².

Народная память имеет определенные пределы. Специалисты утверждают, что предания сохраняются в памяти народа около 200-500 лет, и в случае отсутствия письменной фиксации эти произведения через некоторое время обречены на забвение³.

Предания об основании большинства татарских сел, находящихся на территории современного Башкортостана, не уходят корнями далее середины XVI века.

Исторические предания о завоеваниях Хромого Тимура (Тамерлана) и о мигрировавших в период его правления поселениях в XX веке встречаются крайне редко. С одной стороны, это связано с закономерностями народной памяти, с другой – их вытесняют более поздние события. События, связанные с завоевательными походами Тимура, остались в тени и наложились на предания о взятии Иваном Грозным Казанского ханства. Это свойственное фольклору явление анахронизма. Таким образом в одном историческом предании могут сосуществовать несколько исторических пластов. Проявление этого мы видим и в преданиях, посвященных истории татарских сел Башкортостана. Например, в большей части записанных здесь преданий заселение татарами, проживавшими в Казанском ханстве и

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 46, 74, 75; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар Б. 38, 40, 44-45.

² Фазлетдинов И.К. Башкортстан татарларының авыл тарихларын тасвирлаган риваятьләрдә мифологик мотивлар // Фәнни Татарстан. 2021. № 4. Б. 85.

³ Толстова Л.С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 6-21.

Симбирской губернии, земель современной Республики Башкортостан объясняется захватнической политикой Ивана Грозного, а точнее – его завоевательными войнами.

Возьмем, к примеру, один из вариантов истории села Карамалы-Губеево Туймазинского района РБ, записанный студенткой Башкирского государственного университета (ныне УУНиТ) Алсу Сунгатуллиной у местного учителя Байсара Имангулова. Предание описывает события завоевания Иваном Грозным Казани: «Был в давние времена очень злой царь по имени Иван Грозный. Сначала он захватил мордовский народ, потом очередь дошла до чувашей, затем и до марийцев. После этого царь Иван решил захватить и булгар, живших в Среднем Поволжье, и напал на Казань. Он не смог взять Казань и в гневе разорил окрестные села. Одной из таких деревень была деревня под названием Богатый Сардек, где жили наши предки. В этой деревне жил мулла по имени Губей. Он был очень умен и пользовался большим уважением у народа. Когда подошло русское войско, он отправил жителей села во главе со своим старшим сыном на Урал. Но сам не покинул родину, а остался там с несколькими деревенскими стариками. Местные предатели выдали его русским войскам. Губея убили, поместив в казан с кипящей смолой, а оставшихся стариков отправили в рабство. Старший сын муллы Алдаргол повел жителей деревни в башкирские земли. Они остановились за рекой Усень и обосновались на горе Алдар. Новую деревню называли в честь Губея-муллы. Так как окрестности села окружал вязовый (тат. *карама*) лес, то вскоре оно стало называться Карамалы-Губеево» (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Как отмечает И.К. Фазлутдинов, эта деревня своими корнями может быть связана с селом Большой Сардек, расположенным в Кукморском районе современного Татарстана. Опираясь на историю села Сардек-Баш, записанную в 1994 году в Кукморском районе Д.Б. Рамазановой, он доказывает, что село Большой Сардек также было основано переселенцами –

¹ Башкортостан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар. Б. 31-32.

некогда выходцами из села Старый Бурец Малмыжского района современной Кировской области. Таким образом, ученый предполагает следующее: «... села, расположенные на расстоянии сотен километров друг от друга и относящиеся к трем регионам России, имеют общие корни»¹. Мы же предлагаем свою версию данного вопроса. Село Карамалы-Губеево, находящееся в Туймазинском районе Башкортостана, на самом деле было основано переселенцами из села Бурбашский Сардыган, относящегося к Балтасинскому району Татарстана. В свое время эта деревня также относилась к Арскому кантону Казанской губернии². Тот факт, что в исходном татароязычном варианте предания слово «Сардек» (тат. *Сардек*) в названии села трансформировалось в «Сердак» (тат. *Сердак*), мы объясняем вековыми фонетическими процессами, утратой в памяти сказителя конкретности многих исторических фактов.

Именно это предание может служить примером того, как исторические слои, относящиеся к разным эпохам, накладываются друг на друга внутри одного текста.

Никаких документальных сведений о том, когда закладывалось село, нет, однако существует предание, согласно которому деревня Бурбашский Сардыган была основана ранее. «Рядом с деревней, на левом склоне горы у реки Бурец, находилось старое кладбище. Раньше лес доходил вплоть до него. Наши деды, вырубая лес, постепенно увеличивали площади участков, чтобы заниматься земледелием и скотоводством. Сейчас тела усопших хоронят на Новом кладбище, расположенном по правую сторону от реки Бурец. Считается, что на этом кладбище мертвых начали хоронить в XVII веке. Об этом говорят надгробные плиты. От старого кладбища начинается и впадает в Сардыганскую реку небольшая безводная речка под названием Киреметевское русло. Должно быть, на этом кладбище во времена язычества

¹ Фазлетдинов И.К. Ришат Төхвәтуллин белән Газинур Морат авылдашлармы? // Кызыл таң. 2022. 21 октябрь.

² Бербаш Сәрдегәне авылы тарихы // Бербаш. URL: https://borbash.life.tatar/2011/07/blog-post_8399.html (дата обращения: 20.01.2024).

хоронили умерших. Когда в XVI веке Московское княжество начало принудительное крещение населения, жители, убегая, стали селиться в лесах» (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Необходимо пояснить, что слово *сардек* в переводе с татарского означает твердый настил из бревен или дорожку, выложенную в болотистых местах с помощью веток, соломы и т.п., или гать. Как следует из открытых источников, жители села Богатый Сардыган (ныне Бурбашский Сардыган) жили именно среди густого леса и в поисках подходящего места для переселения решили обосноваться на территории современного Туймазинского района Республики Башкортостан, имеющей схожий ландшафт.

В результате анализа преданий, описывающих истории сел, можно сделать интересный вывод: в середине XVIII – начале XX века большинство татарских деревень на землях Башкортостана возникло в результате внутренней миграции, т.е. переселения части населения из ранее основанных деревень на новые места. Одной из причин этого можно считать указ императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 года, который разрешил «дворянам, офицерам, мишарям», а также «тептярям, бобылям» покупать башкирские земли без ограничений. Есть все основания полагать, что этот документ послужил стимулом к усилению внутренней миграции. Кроме того, большое влияние при этом оказали Столыпинские реформы начала XX века, имевшие целью вытеснение крестьян из сельской общины и создание отдельных хозяйств по образцу европейских стран.

Как видно из преданий, основная причина, по которой татары покинули прежние места расселения и основывали села на новых землях, заключалась в том, что в результате естественного демографического прироста и притока новых переселенцев из Поволжья численность населения увеличилась, а на старом месте земель для возделывания зерновых стало не

¹ Бөрбаш Сәрдегәне авылы тарихы // Бөрбаш. URL: https://borbash.life.tatar/2011/07/blog-post_8399.html (дата обращения: 20.01.2024).

хватать. Поэтому часть населения была вынуждена искать новые места для проживания. Например, село Чуюнчи-Чупаново Зилаирского района было основано в 1901 году татарами-переселенцами из деревни Чуюнчи Альшеевского района (ныне относится к Давлекановскому району РБ) на землях, купленных у башкирских богачей династии Чупан¹.

Зачастую предания об обосновании населенных пунктов содержат топонимический мотив. В преданиях о происхождении топонима встречаются мотивы о происхождении топонима «от особенностей местности», «от имени (прозвища) первопоселенца (основателя селения)», «от имени владельца местности», «от наименования селения, откуда пришли переселенцы».

Топонимический мотив встречается почти во всех исторических преданиях об обосновании села, в которых толкование наименования зачастую возводится к имени или прозвищу первопоселенца, основателя села. Н.А. Криничная, исследовав это явление, пришла к следующему выводу: «Получая имя своего основателя, селение вместе с ним обретает и жизненную силу, заключенную в имени»².

В преданиях, описывающих внутреннюю миграцию населения, подчеркивается «происхождение нового названия села от наименования прежнего селения», откуда пришли переселенцы. Если часть жителей села, отделившись, переселилась в другое место и образовала новое село, то при формулировании названия использовалось слово (приставка) «новый/ая/ое/о». То есть народ, взяв название того места, где проживал ранее, добавлял к нему слово (приставку) «новый/ая/ое/о», и таким образом создавалось второе название. Это может служить формальным индикатором явления внутренней миграции. Например, в преданиях, описывающих историю деревень, упоминаются села Новые Тукмаклы Кушнаренковского

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 52-54.

² Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 97.

района, возникшее от села Старые Тукмаклы того же района¹, Новохазино Краснокамского района – возникшее от Старохазино Илишевского района², Новый Юрмаш Иглинского района – возникшее от села Старый Юрмаш того же района³, деревня Новый Буртюк – возникшая от деревни Буртюк того же района⁴, село Новый Каинлык – возникшее от соседней деревни Каинлык Краснокамского района⁵, деревня Новокуктово Илишевского района – возникшая от деревни Старокуктово того же района⁶, село Новые Карьявды Чекмагушевского района РБ – возникшее от деревни Карьявды (ныне Верхние Карьявды) того же района⁷.

Если отделившиеся переселенцы образовывали новое поселение в значительной удаленности от прежнего села, то название места их прежнего проживания переносилось на новое место. Например, в истории села Суерметово Еркееевского района⁸ сообщается о том, что его основатели переселились из деревни под названием «Мензелинский Заречный Суермет». На предшествующие места проживания жителей намекают и названия сел Муслюмово Мечетлинского района⁹, Новокабаново Краснокамского района¹⁰. Например, в предании о селе Новомуслюмово (Мечетлинский район РБ) о происхождении названия села говорится так: «Об истории нашего села знаю по рассказам стариков. Они рассказывали: “Наши предки являются выходцами из Казанского края”. Оказывается, там тоже было село Муслюмово, вот из этого села и пришли» (перевод наш – *И.Ф.*)¹¹.

Не случайно народ давал название новому поселению по месту своего прежнего проживания, что объяснялось стремлением сохранить свое происхождение, родословную, т.е. историю и корни. Будущие поколения,

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. С. 71.

² Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 38.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 54.

⁴ Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 36-37.

⁵ Там же. С. 37-38.

⁶ Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар. Б. 45.

⁷ Там же. С. 57-58.

⁸ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар. Б. 42-44.

⁹ Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Б. 44-45.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 79.

следуя принципу идентичности имен, должны были найти место, где раньше жили их предки, изучить их образ жизни, особенности жизненного уклада. То есть этот прием способствовал отображению своеобразной жизненной философии татарского народа — стремлению сберечь свои корни, историю и родословную.

В некоторых преданиях в качестве еще одной причины возникновения новых деревень в Башкортостане в результате внутренней миграции указываются конфликты между представителями разных национальностей, сословий, конфессий, возникавшие на месте их прежнего проживания. Например, в предании, описывающем историю села Нагадак Аургазинского района¹, сообщается, что из-за религиозных и языковых различий татары изгнали из села четыре чувашские семьи, и чувашам пришлось обосноваться на новом месте и образовать деревню Чувашский Нагадак. Этот мотив повторяется в истории основания села Москово Дюртюлинского района². В 1914 году проживавшие здесь татары и башкиры изгнали переселенцев-марийцев и заставили их поселиться в деревне Улу-Ялан ныне Илишевского района Республики Башкортостан. Происхождение деревни Мало-Бишкураево Илишевского района в предании³ также связано с языковым вопросом. В предании сообщается о том, что башкиры деревни Бишкураево изгнали тептярей, заставили их переселиться на новое место. Вопросы религии и языка были крайне актуальны для населения. Сохранение религии и языка народ приравнивал к самосохранению, не принимая чужую культуру и образ жизни, стремился любым способом вытеснить их из своей среды.

Как отмечалось выше, татары проживали в Башкортостане еще со времен Волжской Булгарии – это зафиксированный во многих исторических памятниках факт. Предания о первых селах татар, о первых переселенцах на башкирские земли народная память не сохранила. Тем не менее предания об основании татарских сел и деревень составляют наибольшую часть татарской

¹ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар. Б. 24-25.

² Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар. Б. 37-38.

³ Там же. С. 40.

народной исторической прозы, собранной на территории Республики Башкортостан. Предания о возникновении татарских сел и деревень оценивались народом как важнейшие исторические источники. Предания давали ответ на вопрос о прошлом народа, рассказывали о происхождении рода, об основании села, о возникновении его названия, о расселении и переселениях народа, о лицах, первыми взявшихся за организацию поселения (нередко двух или трех братьях) и давших ему свои имена. В преданиях, описывающих историю сел и деревень, народ художественно обобщал пережитые им события, используя традиционные фольклорные приемы. Поэтому исторические предания служат ценным источником для выявления прошлого татарского народа, его собственной истории, мировоззрения, эстетических идеалов разных эпох. Предания об историях татарских сел — это большой цикл, который сохраняет память народа о его истоках, о малой родине, связывает с предками. Одним из основных в преданиях является акцент на информацию о том, откуда переселился народ, о его татарском происхождении. Именно здесь отчетливо видны политические процессы и отражены основные события в истории этноса.

3.2. Предания о мечетях, мусульманских школах (мактабах), богословских училищах (медресе) и религиозных деятелях

Среди исторических преданий татар Башкортостана немалую часть составляют тексты, описывающие историю принятия ислама, строительства мечетей и медресе, миссионерскую деятельность сахаба, учебную работу, а также легендарные предания о святых ислама и сакральных местах. Предания, рассматриваемые в данном параграфе, условно можно объединить в цикл под названием «Ислам и образование». Ведущими в данном цикле являются следующие мотивы и сюжетообразующие элементы:

О храмах (мечетях): О строительстве мечети; О спиливании минарета мечети; Об утере полумесяца, находящегося на вершине мечети; О судьбе

спиливших минарет мечети; О разорении здания мечети для использования его в качестве склада или загона для скота; Об открытии в здании мечети школы или клуба; О нечистой силе, обитающей в мечети.

Об образовательной системе: Об обучении и образовательном процессе в медресе; О знаменитых преподавателях, наставниках, О знаменитых медресе; Об учебе в медресе девочек; О различных случаях, связанных с шакирдами (учащимися медресе).

О религиозных деятелях, в том числе легендарные: Об известных шейхах, муллах; О святых ислама: О Хозыре (легендарный пророк, по преданию испивший «живой воды» из источника жизни и обретший вечную жизнь; появляется в образе нищего, пастуха или путника, дает добрые советы, дарит богатство или указывает на место клада); Об Ахмете Ясави; О святых: о чудесах, совершенных шейхами.

О насильственном крещении: О смене имени, наречении новым именем; О выдаче татарских девушек замуж за представителей других народов; О стремлении придерживаться обрядов погребения по исламским канонам; О нападении на тех, кто совершает крещение народа; О бегстве и переселении от крещения; О налоговых послаблениях для крещеных людей; О тайной приверженности своей религии; О кряшенских кладбищах; О мученичестве.

О святынях и святых местах: О могилах святых; О святом источнике; О местах погребения; О местах поклонения.

Наидревнейшие тексты, относящиеся к этой теме, невозможно рассматривать только в связи с отдельно взятым регионом, где проживали татары. Как правило, они остались зафиксированными в письменных источниках. Самые ранние исторические предания, дошедшие до наших дней — предания о принятии булгарами ислама, о сахаба, об учебных заведениях — медресе — относятся к Булгарскому периоду. Это не случайно, так как принятие татарским народом ислама в Булгарскую эпоху и открытие в результате этого мечетей и медресе — это исторические факты. Культ

просвещения, стремление к знаниям, открытие школ и медресе – явления, неразрывно связанные с исламом. Предания Булгарского периода о булгарских медресе и системе образования были исследованы И.Г. Закировой¹. Изучение преданий этой тематической группы доказывает, что не только отдельные мотивы, но и целые сюжеты сохранились до XX века.

Исторические предания татарского народа об открытии в булгарских городах медресе и об учителях и наставниках прежде всего зафиксированы в письменных источниках. Например, события, связанные с официальным принятием Булгарским народом ислама, описаны в книге Ахмада ибн Фадлана, арабского путешественника и писателя 1-й половины X века, о его путешествии на Волгу в 921-922 годах. По преданиям, дошедшим до нас в письменном виде и в устной народной традиции, булгары приняли ислам в 9 году от Хиджры (630 г.), когда пророк Мухаммед отправил сюда своих сподвижников — сахаба. Именно эти сподвижники остались в Булгаре для обучения булгар основам религии, в качестве преподавателей богословских наук: «Три сподвижника оставались в Булгаре 3 года, научая вере и закону, строили и учили народ алкурану»². Спустя три года, двое сподвижников возвратились в Медину, третий – Зубейр Бин, остался в Булгаре, женился на ханской дочери Туйбике. О прибытии миссионеров сахаба из Мекки в Поволжье для обучения булгарского народа основам религии рассказывается и в предании «Сулейман ходжа»³.

Согласно этому преданию, Сулейман ходжа в священном городе Булгар открывал большие медресе: «Сулейман ходжа путешествовал по стране, открывал медресе, он подготовил очень уважаемых мулл.

¹ Закирова И.Г. Болгар чоры халык ижаты. Казан: Фикер, 2013. Б. 35-41.

² Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии / соч. С.М. Шпилевского. Казань: Унив. тип., 1877. С. 26.

³ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. Б. 26.

Рассказывают, что они, поселившись в деревнях, просвещали народ» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Сквозь сюжеты, рассказывающие о женских медресе, в татарские исторические предания проникает имя Туйбики. «Медресе Туйбики» было очень большим женским медресе в священном городе Булгаре, его также называли «Медресе шестидесяти шести абыстай». «Эти девушки утреннюю сунну намаза читали в Биляре, а обязательную часть – в Булгаре. Они являлись ученицами сподвижников. Позднее эти девушки направились в 66 сторон страны и сами стали наставницами» (перевод наш. – *И.Ф.*)². В предании под названием «Сказание о городе Марджан и двенадцати девушках» речь также идет о женском медресе в Булгаре.

Проникновение в предания сюжетов о медресе для девочек, с одной стороны, опирается на историческую действительность, с другой – свидетельствует об отсутствии у татарского народа гендерного разграничения между детьми в вопросе получения образования. В воспоминаниях и преданиях, записанных в различных регионах проживания татарского народа, хранится информация о том, как девочки в деревнях ходили на обучение к жене муллы – остабике.

В преданиях, описывающих Булгарский период, отображено также отношение правителей к ученым и образованным людям: «Говорят, что хан Герей очень любил и ученых (служителей культа). Вызывая к себе в город из деревень ученых и людей, имеющих образование, он то и дело проявлял им свое почтение, советовался с ними» (перевод наш. – *И.Ф.*)³.

В преданиях периодов Булгарского государства и Золотой Орды, отражено отношение народа к религиозным деятелям. Например, в предании под названием «Девушка, которая не горит» повествуется о том, как во времена захвата Булгара Хромым Тимуром ханской дочери удалось избежать

¹ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 26.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

сожжения: она, находясь рядом со святым человеком, муллой по имени Хисаметдин, села на подол его белой одежды.

Исторические предания Булгарского периода являются наследием большинства этнических групп татарского народа, в них поднимаются темы, которые будут развиваться на протяжении веков. Отраженные в них мотивы, передаваясь из поколения в поколение, дошли до наших дней.

Уважение к религиозным деятелям, укрепляясь в исторических преданиях как самостоятельная тема, всесторонне раскрывалось в течение десяти веков. В преданиях религиозные деятели описываются, с одной стороны, как наставники, с другой – как мудрецы, помогавшие населению советами. Существует отдельный пласт преданий о наличии у ишанов сверхъестественных способностей¹. В категорию Легендарные предания мы включаем произведения устного народного творчества, сюжет которых представляет собой своеобразный синтез исторических и религиозных мотивов. Последнюю разновидность мы именуем легендарными преданиями – термином, предложенным И.К. Фазлутдиновым.

В преданиях о закладывании мечетей часто встречается мотив о строительстве правителем здания религиозного культа. Народ оценивает хана, учитывая его заслуги в строительстве мечети. Например, в предании о возведении городского поселения Старая Казань речь идет о хане, который прославился строительством медресе и мечетей, своим отношением к ученым: «В этом городе первым ханом был старший сын ханши по имени Алтынбик. Алтынбик строил в Старой Казани мечети, медресе, привлекал со стороны многих образованных людей, возводил для обучения детей школы. Образованным людям из казны выделял месячные выплаты. Алтынбик, более пятидесяти лет являвшийся ханом Старой Казани, скончался, прожив около ста (лет)» (перевод наш. – И.Ф.)². Другой пример: в предании под названием «Сорок девушек» также дается оценка деяниям хана: «В былые времена в

¹ Закирова И.Г., Фазлутдинов И.И. Легендарные предания о святых в татарском фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 132-140.

² Татар халык ыжаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 47.

городе Болгар правил святой мусульманский хан. Он оказывал помощь бедным, сиротам и овдовевшим женщинам, распространял исламскую религию, строил мечети и медресе» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹. Предания о добром отношении хана к ученым, о том, что он строил мечети и открывал медресе, служат доказательством его искренней веры и того, что он является справедливым правителем. Как видно из второго примера, хан, организовавший строительство мечетей, способствовавших распространению ислама, наделяется еще и качествами святого. И, напротив, одним из приемов отображения в преданиях варварства захватчика является описание убийства им ученых и представителей духовенства, сожжения и разорения мечетей и медресе.

Истории мечетей и медресе, зачастую являясь частью историй возникновения сел и деревень, отображаются в преданиях, записанных в переселившихся поселениях, о том, как прибывшие на протяжении одного года – двух лет возводили медресе и мечеть. Их наличие указывает на то, что переселенцы осели и полноценно обосновались на новом месте. Так эти места, перестав быть чужими, становятся родными, возникновение там священного здания – возведение мечети – приобретает сакральную ценность. С другой стороны, население, обосновавшееся на новых землях, даже на короткое время не хотело оставлять своих детей без образования. Настолько, что еще до окончания строительства собственных жилищ они возводили медресе или строили мечеть, где до открытия медресе организовывалось место для обучения детей.

В татарских поселениях наряду с основанием деревни большое внимание уделялось сооружению мечетей. Помимо того, что они необходимы для таких мероприятий, как чтение намаза, проведение религиозных праздников, существует и другая причина. Она связана с верованием, что мечеть оберегает и село, и народ от различных бедствий и несчастий. Например, в предании под названием «Новый Каинлык»,

¹ Татар халык ыжаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 36.

записанном в 1998 году Чулпан Магдановой у Рашиды Магдановой в деревне Новый Буртюк Краснокамского района Башкортостана, речь идет именно об этом: «Деревня Новый Каинлык расположилась у берегов красивейшей реки Танып. В 1857 году сюда переселилось несколько семей из деревни Каинлык, поэтому деревня и называется Новый Каинлык. Оставшиеся на прежнем месте проживания не желали отдать мечеть переселившимся на новые земли. А деревня, не имеющая мечети, в те времена считалась неприглядным и несчастным местом. Поэтому для того, чтобы забрать мечеть, переселенцы в Новый Каинлык решили пойти на хитрость. Дождавшись дня, когда весь народ отправится в город на базар (в те времена большой базар проводился один раз в год), жители деревни Новый Каинлык разобрали мечеть и переместили ее к себе. Таким образом, деревня обрела мечеть» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Данное предание в некоторой степени пропитано духом авантюризма. Трудно сказать, является ли это событие плодом фантазии народа или происходило в действительности.

В предании «Кулбай», посвященном одноименной деревне Еркееевского района РБ, речь идет о мечети, которая не пострадала при пожаре: «Знаю по рассказам стариков, что в 1906 году в Кулбае произошел большой пожар, деревня выгорела полностью. Из-за того, что день был очень ветреным, огонь перекидывался с одного места на другое. Все дома превратились в черные угли. С божьей помощью пожар обошел стороной только мечеть» (перевод наш. – *И.Ф.*)². У татарского народа есть и другие предания о том, как во время пожара, охватившего все село, только мечеть осталась невредимой. Эти предания, в свою очередь, также доказывают, что мечеть является священным местом. До сих пор во время фольклорных экспедиций информанты рассказывают о том, что во время пожара уцелела только одна книга — Коран.

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 69.

² Башкортостан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар. Б. 42-43.

Сюжеты, посвященные мечетям и медресе, возобновляются, особенно в преданиях и быличках, описывающих события 1930-х годов. Примечательно и то, что даже в случае отсутствия преданий о спиливании минарета мечети, снятии ее полумесяца, об аресте и расстреле мулл информанты, повествующие об историях возникновения сел, не обходят это стороной, не оставляют неупомянутым. Например, в предании о селе Табанлыкуль, история которого гласит, что его основали «братья Альмет и Кульмет, прибывшие в 1820-1828 годы из села Бакалы современного Башкортостана»¹, рассказывается: «Раньше в деревне работало медресе, известное на всю округу. Преподаванием в нем занимался окончивший почетное медресе Иж-Буби Хафиз хазрат. Интеллигенция округа получала образование в медресе Табанлыкуль. В бесславные 30-е годы ночью Хафиза хазрата увезли, и он бесследно пропал... Минарет мечети срезали в 1936 году» (перевод наш. – *И.Ф.*)².

Предания, содержащие мотив «О спиливании минарета мечети», завершаются сообщением о том, что после отказа жителей деревни разрушать минарет мечети его спиливал кто-то из соседних русских деревень. Далее повествуется о горькой судьбе такого человека, которого осуждали не только татары, но и свои же односельчане. Предания с мотивом «О судьбе спиливших минарет мечети» созвучны с преданиями, рассказывающими о судьбах людей, разрушавших древние кладбища, захоронения. В истории села «Кулбай» говорится: «в 1933-1934 годы отпилили и свалили минарет мечети. На это проклятое дело не пошел никто из кулбаевских» (перевод наш. – *И.Ф.*)³.

Эти сюжеты являются постоянной и важной частью преданий о святотатстве. В этих рассказах мечеть (или могила, кладбище) является судьей, карающим за неуважительное к ней отношение.

¹ Гарипова Ф.Г. Авыл – милләтнең терәге. Милли-мәдәни мирасыбыз = Национально-культурное наследие. (Фәнни экспедициялар хәзинәсеннән. 1 нче китап). Актаныш. Казан. 2010. Б. 90.

² Там же.

³ Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘНСИ, 2021. Б. 42-43.

Следует подчеркнуть популярность у татарского народа преданий, описывающих сверхъестественные способности религиозных деятелей — ишанов, мулл, святых.

Сюжеты о святых в татарских преданиях уходят своими корнями к исламским легендам, тюркскому фольклору. В преданиях описываются жизнь святых – *әулия* («угодник; близкий; родной; святой»), *шәих* (шейхов), *ишанов*, совершенные ими чудеса, их чудотворная сила после смерти и сакрализация могил. В татарском фольклоре святых принято называть «изге, әулия» – святой и аулия. Термин «аулия» исследовал И. Гольдциэр, который отметил, что «вали из набожного преданного богу человека превратился в вали, обладающего атрибутом чудотворения, в посредника между богом и людьми»¹. Связанные с суфизмом титулы мусульманского духовенства «ишан, шәих, мөрид» в преданиях также указывают на принадлежность названных лиц к святым. В преданиях, в числе прочего, используется слово «дивана».

В произведениях этой подгруппы через способность религиозных деятелей, мулл, ишанов (в народе их называли «дивана»), ходить по воде, летать раскрывается сила их веры.

Например, в предании, записанном студентами Башкирского государственного университета (ныне УУНиТ) в 1987 году в деревне Старый Акбуляк Караидельского района Республики Башкортостан у Мухамеда Акбулякова (1917 г.р.), основание деревни Туюшево Караидельского района связано с именем Туеш, принадлежащим местному святому (аулия), который обладал способностью ходить по воде: «Как рассказывают бабушки, дед Туеш был святым аулия. Перетаскивая камни, набранные в подол своего одеяния, он построил каменную мечеть. Несмотря на глубину реки Байки,

¹ Гольдциэр И. Культ святых в исламе. М.: ОГИЗ, 1938. С. 29.

дед Туеш каждый день, ни разу не утонув, переходил по ней на другой берег, чтобы прочитать намаз» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Предания подобного рода повествуют и об известных личностях татарского народа. Например, в преданиях, записанных Салаватом Мухаматнуровым в селе Старочукурово Татышлинского района Башкортостана, говорится о знаменитом поэте-суфие Гали Чокрые². Село Старочукурово – малая родина Гали Чокрыя (Киеков Мухамметгали Габдессалихович, 1826-1889), поэтому неудивительно, что в этом селе сохраняется память о поэте. Гали Чокрый, в первую очередь, автор толкований Корана, религиозно-дидактических произведений, путеводителей, стихотворений суфийского содержания, исторических трудов³. За свою жизнь он четыре раза совершил хадж. Народ признает труды Гали Чокрыя в области просветительства, уважает его как богослова и великого мыслителя. В преданиях Гали Чокрый описывается как очень мудрый, чуткий человек, чудотворец. Например, во времена его преподавания в медресе, учащиеся, решив его проверить, положили на место, где он сидел, тонкий лист бумаги. Гали Чокрый, почувствовав это, сказал: «То ли чурбан подрос, то ли потолок опустился» и, нащупав, убрал лежащую под собой бумагу на пол. Все шакирды в медресе были ошеломлены такой чуткостью хазрата» (перевод наш. – *И.Ф.*)⁴. В другом предании, когда старцы деревни, собравшиеся на застолье, попросили Гали Чокрыя продемонстрировать свои волшебные способности, он превратил их сапоги, которые сохли на печи, в плавающих уток⁵.

Третье предание, посвященное Гали Чокрыю, построено на популярном среди татарского народа мотиве. Эти предания в многочисленных вариантах распространены в регионах проживания татар.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. Казан: ТӘһСИ, 2021. Б. 34.

² Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 105.

³ Гомәров И. Мәгърифәт жырчысы: Гали Чокрыйның тормыш һәм ижат сәхифәләре. Казан: Школа, 2006.

⁴ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 105.

⁵ Там же.

«Все эти варианты предания, модифицируя отдельные детали, преимущественно сохраняют в качестве основы событие, что святые, используя некую форму телекинеза или телепортации, перемещались в пространстве и во времени»¹. Однако способность героя к демонстрации волшебства или чудотворства раскрывается лишь попутно. В предании о Гали Чокрые речь также идет о подобной способности.

Однажды спутники Гали Чокрья собрались на хадж в Мекку, Гали Чокрый в это время занимался строительством плотины. Он заверил, что догонит их, когда закончит. «Через один-два месяца те добрались до места паломничества. И что они увидели: Гали уже был там в ожидании своих товарищей» (перевод наш. – *И.Ф.*)². В четвертом предании под названием «Помощь Ходжы» описывается сходная ситуация³.

Предания о полетах или хождении по воде людей, признанных святыми, встречаются у татар Башкортостана и по сей день. Построенные на этом мотиве предания в настоящее время зафиксированы и в татарских деревнях сибирского региона, население которых когда-то переселилось из Урало-Поволжья. В ходе экспедиций И.Г. Закирова записала несколько вариантов таких преданий в населенных пунктах Иркутской области, жители которых были выходцами из Башкортостана⁴. В предании, записанном у Шаехзамана Насипова (1921-2021), проживавшего в деревне Черемшанка Заларинского района Иркутской области, рассказывается о деде информанта, старике, жившем в деревне Урметово Башкортостана (в настоящее время это село относится к Илишевскому району РБ). Как и свойственно историческим преданиям, здесь присутствует точная местно-временная локализация

¹ Закирова И.Г., Фазлутдинов И.И. Легендарные предания о святых в татарском фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 132-140.

² Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 105.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 152; Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар. Казан: ТӘҺСИ, 2021. Б. 78-79.

⁴ Закирова И.Г. Иркутск өлкәсе татар фольклоры // Милли мәдәни мирасыбыз: Иркутск өлкәсе татарлары. Казан, 2021. Б. 221-222.

события: «Жили они в деревне Урметово. Пришел дед Мухаметсалих в деревню моего деда, в гости к отцу моего отца. <...> Папа рассказывал: завечерело, тогда (его) отец сказал ему: проводи своего деда. Отец говорит, вот и дошли они до поля. В те времена в деревнях у полей ставили ворота. Эти ворота предназначались для того, чтобы скотина не смогла выйти на поля, посевы.

Как перешли через ворота у поля, ворота закрыли, говорит. Потом дед говорит, вот и вечер настал. Как бы мне не опоздать на намаз. Говорит, нужно успеть на вечерний намаз, к тому же, вернуться и совершить омовение, говорит, надо. А та деревня в 12 километрах, говорит. Что ж это за деревня была, названия не знаю. – Сынок, если я улечу, ты не испугаешься, говорит? – Чего же мне бояться, говорит, не испугаюсь, дедуля.

Вот, пробежал он немного и улетел, говорит. Я пошел обратно потом, говорит. Он сам очевидец. Он был некрупным. А его сын, мой дедуля, был очень здоровым.

Он не тонул, бегал по воде» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

В преданиях, сохранившихся до наших дней, способность героя к «могжиза» (чудо), проявляется в основном при его стремлении вовремя попасть на намаз, т.е. демонстрация «могжиза» не является целью героя, а служит показателем религиозности, степени его приверженности истинной вере. Информанты делают акцент на глубокую набожность святых: чудо-могжиза, демонстрируемое ими, связано только с совершением намаза, именно во время усиливающегося желания попасть на намаз они преодолевают определенные расстояния в полете или идя по воде.

Очень популярны у татарского народа, в том числе у татар Башкортостана, предания о сакральных объектах: о святых родниках, святых источниках, о могиле святого. Наиболее часто встречаются следующие

¹ Закирова И.Г. Иркутск өлкәсе татар фольклоры // Милли мәдәни мирасыбыз: Иркутск өлкәсе татарлары. Казан, 2021. Б. 221-222.

мотивы: *О святынях и святых местах* и сюжетобразующие элементы: *О могилах святых; О священном источнике; О местах поклонения.*

Под сакральным подразумевается святое, неземное, божественное. На территории Башкортостана очень много природных объектов, которые считаются сакральными: горы, родники и колодцы, деревья и рощи. Вода из святых источников считается целебной, и такие достопримечательности превращаются в места паломничества. В преданиях рассказывается о чудесных свойствах и возможностях святого источника. Сакральными являются и могилы святых. Люди около могил святых просят у Бога и Вселенной исполнения заветных желаний, проводят различные ритуалы. Во многих преданиях рассказывается об исцелении людей.

В преданиях об источниках, связанных со святыми, объясняются предпосылки их появления в природе и наделение святостью. Обстоятельства появления источника относятся и к человеку, который выступает как послушный проводник воли Всевышнего. Например, в предании «Родник святого» повествуется о возникновении ключа на месте, где умер святой: «В нашем селе есть место под названием Святой источник. Говорят, что если ты попробуешь ту воду, то обрешь лекарство от всех болезней. Раньше в деревне не было родника. За водой жителям приходилось далеко ходить. Поэтому люди постоянно говорили о воде. Однажды в деревню прибыл странствующий старик. Люди накормили его и дали ему одежду. Когда дедушка прощался с ними, сказал: “Ваше желание сбудется”. На следующий день на склоне холма на окраине деревни нашли деда-мусафира. Чуть ниже того места, где он лежал, бил небольшой родник. Деда жители хоронили с почестями и стали называть источник “Родником святых”»¹.

Сакральные культы, находящиеся непосредственно на территории Республики Татарстан, целенаправленно исследованы в коллективной монографии Р.К. Уразмановой, Г.Ф. Габдрахмановой, Ф.Х. Завгаровой

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 234.

и А.Р. Мухаметзяновой «Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы»¹.

Таким образом, предания татар Башкортостана о религиозных деятелях, принятии ислама, строительстве мечетей объединяются в цикл, отражающий отношение народа к религии и духовенству, этот цикл, в свою очередь, можно разделить на отдельные тематические группы. Основная функция цикла – демонстрация глубокого уважения народа к вере, религии, богословам. В преданиях о принятии ислама, строительстве мечетей, деятельности медресе описываются наиболее значимые исторические события, оставившие след в истории татар, многие из них посвящены принятию болгарским народом исламской религии. В преданиях, отражающих способность отдельных людей к чудотворству, сюжеты о реальных личностях смешиваются с фантастическими и легендарными мотивами. Именно суфийская литература и традиции суфизма сыграли большую роль в распространении описанных в этих преданиях сюжетов и проникновении мотивов о святых в татарский фольклор.

3.3. Предания о ворах, разбойниках и конокрадах

Предания татар Башкортостана о разбойниках, ворах и конокрадах, которые отображают один из социальных аспектов жизни общества в определенную эпоху, составляют отдельный цикл. Разбойничество имело давнюю историю, в народной среде такого рода рассказы были популярны. Разбои и грабежи в процессе художественной репрезентации наделялись отрицательной или положительной характеристикой.

Цикл преданий **о ворах, разбойниках и конокрадах** формируют следующие мотивы:

¹ Уразманова Р.К., Габдрахманова Г.Ф., Завгарова Ф.Х., Мухаметзянова А.Р. Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы / под ред. Р.К. Уразмановой, Г.Ф. Габдрахмановой. Казань: ЯЗ, 2014.

О благородных ворах и разбойниках; О конокрадах; О ловких ворах; О краже пирогов на молодежных посиделках; О ворах, которые были наказаны Всевышним; О селах, промысляющих разбоями, ввиду своего расположения у крупных трактов; О взаимоотношениях вора и его коня; О восприятии разбойника местным населением; О топонимах, связанных с грабежами и разбоями; Об избрании наказания разбойнику (например, ссылка на каторгу); О гибели героя.

Предания о разбойниках исследованы фольклористами В.К. Соколовой, П.Г. Богатыревым, Н.А. Криничной, А. Сивеком. В татарской фольклористике образ «благородного» разбойника исследован в трудах Н.Ф. Ибрагимова, С.М. Гилязутдинова, И.К. Фазлутдинова.

И.К. Фазлутдинов исследует мотивы о ворах и разбойниках в контексте топонимических преданий татар Башкортостана¹. Образ «благородного» разбойника ученый обозначает на татарском языке термином «изгелекле карак» (дословный перевод: *добродетельный вор*).

Особый цикл преданий составляют сюжеты о разбойниках, имевшие широкое хождение в народной среде и встречавшиеся повсеместно, что, конечно, не было случайностью. Возникновение преданий о ворах и разбойниках связано с бытованием этого явления в реальной жизни. Отношение татарского народа, сложившееся по отношению к разбойникам и ворам, неоднозначно. В исторических преданиях явно прослеживаются два противоречивых взгляда. С одной стороны, в фольклоре часто имеет место восхищение мастерством и находчивостью воров. Например, об этом свидетельствует популярность цикла сказок о ловких и смекалистых ворах. С другой стороны, резко критикуется их несправедливость по отношению к людям, особенно бесчеловечность, жестокость.

С исторической точки зрения воровство и разбойничество у татарского народа не смогли достичь уровня исторического явления. Даже их

¹ Фазлутдинов И.К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI-XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы / җаваплы мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. Б. 16-22.

возникновение произошло значительно позднее, в отличие от других народов. Арабский путешественник Ибн Фадлан во время своего путешествия в Булгар следующим образом описал отношение местного народа к вора и предназначенные для них наказания: «И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея»¹, то есть «для него заколачивают четыре лемеха, привязывают к ним обе его руки и обе его ноги и рассекают....»². Назначение подобных наказаний вора и разбойникам показывает отношение народа к ним. Сюжеты о ворах, в частности описывающие их мастерство, на наш взгляд, могли быть переняты у других народов. Несмотря на негативное отношение к вора и разбойникам, были популярны волшебные и бытовые сказки, посвященные разбойникам. Например, особое распространение получили следующие сюжеты: СУС 1525 А (Ловкий вор), СУС 1525 D (Вор обманывает прохожих (бросает сапог)), СУС 1525 К* (Кому должна достаться жена), СУС 951 В (Царь и вор), СУС 951 А (Царь и воры), СУС 1525 (Ловкий вор), СУС 950 (Дядя и племянник), СУС 956 В (Девушка и разбойники). Многие из них – это арабские сказки, сюжеты которых могли проникнуть через очень популярную у татарского народа обрамленную повесть «Тысяча и одна ночь».

Среди бытовых сказок русские фольклористы выделили отдельную группу – исторических сказок. В этих сказках упоминаются реальные личности и события. Например, в татарских сказках встречаются сюжеты, в которых упоминается царь Зулькарнай, он же Александр Македонский. Сказку «Царь и вор», относящуюся к бытовым сказкам, фольклористы также исследуют в категории исторических³. Речь в ней идет о Петре I, который, облачившись в старые одежды, приняв обличие вора, встречает ночью некоего разбойника и предлагает ему напасть на царский дворец. Это предложение не понравилось настоящему вору, и он избил царя поленом.

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. С. 138.

² Там же.

³ Татар халык ыжаты: 25 томда. 8 т.: Әкиятләр (Тормыш-көнкуреш әкиятләре. Сатирик һәм юмористик әкиятләр) / төз., текст., иск. һәм аңл. эзерл. И.Г. Закирова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2023.

После этого вор предложил ограбить сенатора. Подойдя к дому сенатора, они услышали через окно, как сенатор советуется с кем-то о том, как убить царя. Таким образом, вор уберег царя от смерти. Позднее царь сделал его своим придворным. Изначально в этой сказке говорилось об Иване Грозном, позднее она превратилась в сказку о Петре I.

Предания о благородных ворах не следует путать со сказками исторического содержания, они отличаются отношением к действительности. В то же время эти сюжеты объединяет отношение к благородным ворах и разбойникам: и сказочные воры, и благородные разбойники, как правило, не трогают простое население, а причиняют ущерб только богачам.

Предания и сказки являются далекими друг от друга жанрами, но в этих произведениях имеются общие мотивы. Некоторые предания по сюжету близки к бытовым сказкам. Например, в предании «Сорок соломинок» представлен сюжет, близкий к сказке¹.

В цикле преданий о ворах образ благородного разбойника занимает отдельное место. Л.А. Юрчук, связывая происхождение произведений данного типа с эпохой феодализма, пишет: «В период позднего феодализма, когда разбойничество стало восприниматься как наиболее яркая форма социального протеста, в русских землях получили распространение предания о “благородном” разбойнике – борце за свободу и права народа, который грабил богатых и отдавал деньги нуждающимся»².

Есть немало преданий о благородных разбойниках, записанных на территории Республики Башкортостан. В преданиях данной категории разбойник оценивается через его отношение к различным социальным классам. Если, причиняя ущерб богачам и помещикам, он не трогает простых людей, предание оценивает его деяния положительно. Однако многие из этих

¹ Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 142.

² Юрчук Л.А. Предания о разбойниках (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 5. С. 62 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predaniya-o-razboynikah-po-materialam-folklorного-arhiva-pskovgu> (дата обращения: 27.02.2024).

преданий, будучи записаны в советский период, отражают идеологию той эпохи. В советские годы по отношению к этим сюжетам установился односторонний подход, подчеркивающий их антифеодальную сущность, и образ разбойника рассматривался как «образ заступника за социальную справедливость»¹.

И.К. Фазлутдинов об одной из особенностей преданий о разбойниках пишет следующее: «Вот, что бросается в глаза при первом знакомстве с преданиями о “добродетельных” ворах: несмотря на различия во времени возникновения, героях, территории распространения, исполнителях, им присущи общность, типологические сходства»².

Истоки образа благородного разбойника берут начало от письменного памятника «Эфиопика» Гелиодора³ (VI век до нашей эры). Позднее эти качества передались герою английских баллад Робину Гуду. Сюжеты о благородных разбойниках через баллады о Робине Гуде знакомы многим народам. В лице этих героев народ реализовал свои мечты и желания.

Предания о «благородных» разбойниках схожестью содержания напоминают скорее варианты одного произведения, чем самостоятельное предание. Они традиционно состоят из трех частей: причина героя сделаться разбойником; разбойничья удаля и ловкость; гибель или трагическая смерть разбойника. В.К. Соколова делит предания о разбойниках на следующие части: «Она (структура. – прим. авт.) распадается на три части: I — почему герой стал разбойником; II — описание действий разбойника; III — гибель его»⁴.

¹ Ибрагимов Н.Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1976. С. 99.

² Фазлетдинов И.К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI–XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы. Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. Б. 16.

³ Касумова А.М.К. Древние корни образа «благородного разбойника» в гачагских дастанах // Philological Sciences / «Colloquium-journal». 2021. № 21 (108). С. 78 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-korni-obraza-blagorodnogo-razboynika-v-gachagskih-dastanah> (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Соколова В.К. Русские исторические предания / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970. С. 152.

Н.Ф. Ибрагимов считает, что сюжеты татарских преданий о благородных разбойниках можно разделить на следующие разделы и подразделы¹:

1. Сюжеты, повествующие о причинах, побудивших стать разбойником: Герой не вынес тяжести либо рекрутской повинности, либо издевательств барина, либо колониального и национального гнета. К последним относятся топонимические предания о происхождении деревень, валов, курганов и т.д.

2. Сюжеты о выступлениях против господствующих классов: Герой заранее предупреждает богача о нападении. Эта черта присуща почти всем разбойникам. Разбойник грабит помещиков, купцов, мулл, попов и опустошает церкви.

3. Помощь беднякам: Герой дает бедняку деньги на покупку лошади или коровы; помогает в поисках исчезнувшей коровы или лошади. Эта черта характерна для всего цикла.

4. Преследование разбойника и его гибель: Герой уходит от преследователей благодаря собственной ловкости и находчивости; либо благодаря быстрому коню. Из-за доноса мулл или баев (богачей) разбойника ловят вооруженные царские солдаты.

5. Расправа над разбойником: его ссылают на каторгу, убивают, либо он пропадает без вести.

Предложенные учеными структурные элементы преданий о разбойниках практически не отличаются друг от друга, лишь II раздел, представленный В.К. Соколовой, «описание действий разбойника» в интерпретации Н.Ф. Ибрагимова разделен на две части.

В преданиях могут быть представлены как все части, так и один или два структурных элемента.

¹ Ибрагимов Н.Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1976. С. 99-100.

Популярны предания о том, как разбойники помогали неимущим, раздавали награбленное: хлеб, деньги, лошадей. В этих преданиях сюжет сходится с фольклорными произведениями о Робине Гуде.

Основное качество, отличающее благородного разбойника от остальных, состоит в том, что он опасен только для богачей. В преданиях подчеркивается эта черта героя: «Богачи округи, помещики боялись его словно огня. По дороге находили трупы остановившихся на ночлег – богачей, царских чиновников»¹ («Беглец Баязит»); «Раньше в деревне был такой человек по имени Гарей. Говорят, он совсем не давал жизни местным богачам»² («Болото Гарей»); В предании «Гора Кокушкина» также говорится о порядочности героя: «зарабатывал себе на жизнь грабежом богатых людей, а неимущих не трогал» (перевод наш. – И.Ф.)³.

Благородные разбойники грабили богачей не с целью собственного обогащения, а для раздачи этих средств бедным: «Тогда собирал Миндулла бедных парней вроде себя и начинал сводить счета с богачами. От одного его имени богачей бросало в дрожь. Миндулла нападал на богачей в пути, их скот и деньги делил между бедными»⁴. «Богачи округи, помещики боялись его словно огня. По дороге находили трупы остановившихся на ночлег – богачей, царских чиновников. Беглец Баязит раздавал их богатства и лошадей беднякам» (перевод наш. – И.Ф.)⁵. Встречается мотив о распределении лошадей среди бедняков. Лошадь, имевшая большую ценность для крестьянского хозяйства, являлась несбыточной мечтой и вершиной желаний для неимущих. Этот мотив свидетельствует о том, что разбойники понимали, в каком положении находятся бедняки, и стремились им помочь.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 139.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Там же. С. 140.

В преданиях воспроизводится «биография», точнее «профессиональное» становление разбойника. В основном, в качестве причины того, что герой встал на путь воровства и разбоя, указываются его тяжелая судьба, бедность, а также национально-колониальный гнет, бесчеловечность и несправедливость со стороны властей.

В текстах преданий отчетливо проявляется отношение народа к герою-разбойнику. Прямые и косвенные оценки присутствуют в описании его внешнего облика. Портрет благородного разбойника: это, как правило, статный, обаятельный, смелый и решительный человек: «беглец Баязит был большим, со статной фигурой, с длинными черными, как смоль, волосами»¹ («Беглец Баязит»), «Судя по рассказам местного населения, был раньше храбрый человек по имени Бакер. Совсем не давал он жизни деревенским богачам»² («Гора Бакера»). Для героев преданий характерны и некоторые качества великанов: «О нем рассказывают, что еще в юношестве он трехлетнего бычка мог свалить одним ударом»³ («Устье Миндуллы») (перевод наш. – *И.Ф.*).

В то же время трагический финал предания, заканчивающийся смертью героя, означает, что каким бы благородным разбойник ни был, его деятельность не имела перспектив. Как отметила В.К. Соколова, смерть героя отвечает традициям преданий: «Типологическая биография “благородного” разбойника обычно завершается его гибелью. О том, что “разбойника” поймали и посадили в тюрьму, застрелили, когда его ловили, и т.п., может кратко сообщаться в заключении рассказа»⁴.

Смерть героев описывается по-разному. Например, в предании «Гора Бакера» герой, спасаясь от преследования, прыгнул вместе со своим конем с горы, т.е. и его смерть изображается в романтическом ключе. В отдельных

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 139.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 143.

⁴ Соколова В.К. Русские исторические предания / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970. С. 160.

преданиях можно наблюдать отход сюжета от эпических традиций. Основой для сюжетов о благородных разбойниках были реальные прецеденты. События, происходившие в действительности, описываются в преданиях с опорой на исторические факты. Традиционным для преданий разбойничьего цикла является мотив выдачи разбойника. Предание «Устье Миндуллы» завершается ссылкой героя на каторгу: «Однако предатели помогли царским жандармам его поймать. Миндуллу отправили в ссылку. Больше в эти края он не вернулся, погиб, наверное. Вот только горное устье стоит как памятник его храбрости» (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Среди татарских исторических преданий предания о беглецах занимают особое место. Популярность этого сюжета, широкая распространенность данного явления связаны с его историческими предпосылками. Более древние сюжеты о бегстве встречаются и в текстах дастанов. Например, в отрывке под названием «Аерылу жыры» («Песня о расставании») говорится о беглеце – ‘казак’е.

*Кыштырдама, бала усак, / Не шелести листвою, молодая осина, /
Минем казак яткан чак, / В эту пору я нахожусь в бегстве, /
Кыштырдавың жаныма / Шелест твой в душе моей /
Куркынычлар аткан чак². / Сеет страхи/ (перевод наш. – И.Ф.).*

Разделяя позицию В.Г. Егорова, мы сходимся с ним во мнении, что корень в словах «казак» и «качак» один и тот же³. Значение слова «казак», сохранившееся в дастанах, как и значение слова «качак», сводится к следующему: это человек, по каким-либо причинам покинувший свой дом, вынужденный скрываться. В отрывке «Песня о расставании» слово «казак» имеет аналогичную семантику.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 143.

² Татар халык ижаты: 25 томда. 9 т.: Дастаннар / төз., текст., иск. һәм аңл. эзерл., кереш сүз авторы И.Г. Закирова. Казан, 2023. Б. 360.

³ Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. С. 93.

Предания о ворах, с точки зрения сопереживания героям, близки к преданиям о благородных разбойниках. В преданиях о беглецах раскрывается несколько причин их побега из родных мест.

Первая причина – бегство от 25-летней воинской службы. Это историческое явление проникло во многие жанры татарского фольклора, оно отражено в байтах, исторических песнях. Самое интересное, что речь о 25-летней службе в армии идет даже в татарских волшебных сказках. Например, сказка «Солдат» повествует о человеке, на протяжении 25 лет служившем царю: «В одной деревне жили старик со старухой. Были они бедными. У них был один сын. Сына взяли на службу. Парень стал служить царю. В те времена должны были служить 25 лет» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Шансов на то, что через четверть века рекрут возвратится домой и застанет в живых родителей, семью, родственников, не было. Поэтому не стоит искать вину в стремлении людей спастись, скрыться от солдатской службы. В те времена на службу от 20 домов забирали одного человека в возрасте от 20 до 30 лет. Конечно, все понимали, что он не вернется. Проводы на воинскую службу означали проводы на верную смерть. Вспомним, и среднюю продолжительность жизни в те годы. Заметим, что подобная статистика стала составляться лишь с 1870 года. Профессор П.И. Куркин, первым исследовавший среднюю продолжительность жизни и средний возраст смерти в царской России, в своей книге «Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы», проанализировав материалы переписи 1897 года и данные о смертности населения за 1896-1897 годы, определил среднюю продолжительность жизни в Европейской России: «Она выразилась в следующих крайне низких цифрах (числа лет жизни – прим. авт.):

мужчины – 29,3;

¹ Татар халык ижаты: 25 томда. 5 т.: Әкиятләр (Тылымлы әкиятләр) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. И.Г. Закирова. Казан, 2023. Б. 88.

женщины – 31,1»¹.

25-летняя воинская служба была отменена только в 1874 году военной реформой Милютин (эпоха Александра II). Соответственно и предания о героях, сбежавших от 25-летней армейской службы, возникли в период до этой реформы.

В предании под названием «Устье Миндуллы» судьба героя описывается следующим образом: «Дом их был маленьким, с соломенной крышей. Отец и мать работали батраками у богача. Были они беднейшими из бедных. Даже работая день и ночь, не смогли ничего накопить» (перевод наш. – *И.Ф.*)². После такого пояснения становятся понятными тяжелая жизненная ситуация, безысходность доли главного героя. Однако, несмотря на тяжкую судьбу, бедность и безысходность, не это стало причиной побега героя.

Отправной точкой для побега становится несправедливость: «Однажды пришло время призываться на службу – в рекруты – и сыну богача. Богач подкупил чиновников и отправил вместо своего сына Миндуллу»³; Во-вторых, смерть и тяжелое состояние самых близких для него людей: «Отец Миндуллы в поисках правды пошел к богачу, однако его вместе с женой выкинули на улицу. Из-за сильных переживаний мать Миндуллы умерла, а отец заболел. Весть об этом дошла до Миндуллы, который сидел на приеме. Парень повалил несколько стражников, находящихся в приеме, и убежал в лес» (перевод наш. – *И.Ф.*)⁴. Как отмечает И.К. Фазлутдинов: «в данных образах выражен стихийный протест народа против несправедливого общественного уклада. Образы идеальных героев, защищающих своих

¹ Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы / заслуженный деятель науки проф. П.И. Куркин. М.: В/О «Союзоргучет». Ред.-изд. упр., 1938 (5 тип. Трансжелдориздата). С. 83.

² Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 143.

³ Там же.

⁴ Там же.

земляков от безжалостности властей, проникнуты явной симпатией рассказчика предания» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

В предании под названием «Устье Яппара» речь также идет о человеке, сбежавшем от воинской обязанности: «В давнюю пору срок службы в царской армии был очень долгим. Парень по имени Яппар, чтобы избежать отправки на солдатскую службу, сбежал, выкопал пещеру у подножья горы в лесу. До истечения срока службы жил там» (перевод наш. – *И.Ф.*)².

Во второй части предания «Устье Миндуллы» герой раскрывается не только как беглец, но и как благородный разбойник. Вынужденные скрываться беглецы, как и благородные разбойники, обкрадывают богачей, оказывают помощь беднякам. Герой изображается в рамках традиционного образа: «Тогда собрал Миндулла бедных парней вроде себя и начал сводить счета с богачами. От одного его имени богатеи бросало в дрожь. Миндулла выходил на большую дорогу, забирал их скот и деньги, затем делил между бедными» (перевод наш. – *И.Ф.*)³. Беглец до истечения срока службы был вынужден скрываться.

Еще одна категория беглецов – это люди, совершившие какое-либо преступление и ставшие беглыми во избежание отправки на каторгу. Среди них были безосновательно обвиненные и много таких, кто поднял руку на эксплуататоров.

Как правило, народ не обвинял таких людей, проявлял по отношению к ним солидарность. Это нашло отражение и в оценке деяний героев, в сопереживании им. Народ не желал поимки положительных героев, поэтому в отрывках, описывающих их преследование и задержание, звучат такие мотивы, как восхищение предприимчивостью беглецов, подспудное желание их спасения и выживания. Мотив преследования разбойника доказывает его

¹ Фазлетдинов И.К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI–XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы / жаваплы мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. Б. 17.

² Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 144.

³ Там же. С. 143.

ловкость и умение скрываться от погони. Например, в предании «Дубрава Хусаина» подчеркивается находчивость беглеца, точнее, это предание целиком посвящено описанию его ума, хитрости, смекалистости. «Дым исходил в трех километрах от землянки Хусаина. Он, выкопав землю, сделал такой выход для дыма. Чтобы не быть пойманным, Хусаин сапоги надевал задом наперед. В результате, его преследователи расходились в противоположные стороны.

Однажды Хусаина, стреляя из ружей, преследовали царские солдаты. Скатил он бревно в воду, а сам скрылся у берега. Приняв бревно за беглеца, солдаты начали стрелять по нему. Бревно перевернулось оголенной стороной наверх.

“Попали, животом вверх перевернулся” – сказали солдаты и перевесив ружья через плечо, пошли своим путем» (перевод наш. – И.Ф.)¹.

Как видно из преданий, среди беглецов были разные люди. Со временем разбой и грабежи стали оцениваться отрицательно. Следует иметь в виду и то, что истинные разбойники и воры вселяли в людей страх.

Этим и объясняется двойственное отношение народа к беглецам.

Сюжеты о ворах и беглецах встречаются и в топонимических преданиях, о происхождении названий природных и жилых объектов. В этих случаях в сюжетосложении преданий о разбойниках важную роль играет топонимический мотив. К таковым можно отнести предания «Лес Баязита», «Гора Бакера», «Болото Гарея». Зачастую с преданиями о разбойниках переплетаются предания о кладках.

Мотивы о разбойниках встречаются в преданиях о дорогах. Предания о прилегающих к дорогам деревнях или об их жителях, занимающихся грабежом, составляют отдельный цикл. В этих преданиях роль разбойников выполняют жители деревни, расположенной вдоль Сибирского тракта. В татарском языке слово «разбойник» (тат. *юлбасар*) обозначает именно тех,

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 143.

кто промышляет разбоем на дороге (тат. *юл*). Однако, расширив свое значение, это слово стало обозначать всех воров и разбойников.

В преданиях, записанных у татар Башкортостана, зафиксированы свидетельства об истинных преступниках. Например, в предании под названием «Болото Кизгана» речь идет о дорожных разбойниках – банде, которая промышляла грабежами и убийствами путников: «В Верхнекарышево разошлась “слава” банды Казыйхановых. Они вредили не только населению нашей деревни, но причиняли большой ущерб и другим поселениям округа.

О разбойнике по имени Хакый Атзитаров рассказывали, что он был особенно страшным и жестоким человеком. <...> в 1930-е годы банда была разгромлена» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

В цикле о разбойниках отдельное место занимают предания о конокрадах. Мотивы, связанные с кражей лошадей, присутствуют в татарских сказках, дастанах, исторических песнях. Изучив историческую песню «Шакур-карак – известный вор» («Шәкүр карак – данлы карак»), А.Ю. Хабутдинов, М.М. Хабутдинова, объясняя причину проникновения данной темы в песню, отметили: «В творческом сознании народа конокрадство прочно ассоциируется со свободолюбием и удалью, с выбором жизненного пути»².

В татарских преданиях образ конокрада и его поступки раскрываются аналогичным образом, в первую очередь он является символом удальства, ловкости, хитрости. То же можно сказать и о преданиях татар Башкортостана. В преданиях о конокрадах встречаются следующие мотивы: кража коня посредством надевания на его копыта лаптей, сокрытие лошади под полом или под шкурой, кража коня из-за спора или конфликта, кража коня, являющегося гордостью богача и др.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. Б. 141.

² Хабутдинов А.Ю., Хабутдинова М.М., Машакова А.К. Образ Шакур-Карак в русской и татарской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 193.

В то же время нельзя утверждать, что во всех преданиях о конокрадах данный образ раскрывается исключительно с положительной стороны. Например, в предании «Яма Кагармана» даже довольно скудная информация о конокраде явно отражает негативное отношение к нему: «Говорят, что раньше в нашей округе жил человек по имени Кагарман. Он был известным конокрадом. “Ямой Кагармана” называют две ямы. В первой его избил до смерти двоюродный родственник. Вторая – яма в лесу. Говорят, что здесь Кагарман собирал и хранил наворованное, награбленное добро и имущество» (перевод наш. – И.Ф.).

Во-первых, смерть вора – его избиение и убийство его же родственником – подчеркивает отсутствие у данного человека положительных качеств. Как отмечалось выше, смерть благородных разбойников описывается иначе: он прыгает со скалы, либо его след пропадает в болоте или уходит в ущелье; даже если его поймали и сослали на каторгу, вести о его смерти не появляются.

Множество сюжетов о конокрадах сохранилось и в топонимических преданиях. К таковым можно отнести предания «Рука Ахмета», «Яма Кагармана», «Кашкатау» и др. В них особое место занимает образ коня. На наш взгляд, это свидетельствует о преемственности в этих преданиях эпических традиций, пришедших из дастанов:

«Поговаривают, что Бакер, стремительно разогнавшись, вместе со своим конем бросился с горы в реку»¹ («Гора Бакера»);

«У него был отличный конь, словно обученная собака. Во время воровских походов он надевал на все четыре ноги коня лапти. Это делалось для сокрытия следа подков»² («Яма Гайнетдина») (перевод наш. – И.Ф.).

Таким образом, сюжеты о благородных разбойниках и ворах в татарских исторических преданиях созвучны с произведениями данной тематической группы у других народов. Предания о разбойниках, ворах и

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 140.

² Там же.

конокрадах отражают местные, известные локально, истории соответственно, героями этих сюжетов являются земляки – жители своего или соседнего села. В то же время эти произведения, описывая локальные события, являются историческими преданиями, поскольку отображают реальные исторические события. Сюжет исторических преданий можно разделить на три части: вступление благородного разбойника на данный путь из-за невозможности терпеть несправедливость, тяжелую жизнь, социальный гнет; его поступки в качестве вора, разбойника; его смерть. В исторических преданиях сюжеты о славных деяниях благородных разбойников расцениваются как борьба против социального угнетения. Данная тема в дальнейшем получила развитие в преданиях о народных волнениях и бунтах.

3.4. Предания о народных волнениях и бунтах

Среди исторических преданий татарского народа отдельного внимания заслуживает цикл, посвященный крестьянским бунтам. Тематика этих преданий богата и, как отмечает С.М. Гилязутдинов, «можно сказать, что в произведениях данной категории нашли отражение все важнейшие этапы истории борьбы трудящихся, которую они вели веками»¹.

Сюжетную линию преданий о народных волнениях и бунтах составляют следующие мотивы: *О проявлении недовольства со стороны подданных; О предводителях; О подавлении народных волнений и бунтов; О назначении наказания бунтовавшим.*

Информация о народных бунтах хранится в исторических источниках, документах, относящихся к конкретной эпохе, письмах, приказах и донесениях. История татарских народных движений и бунтов начинается со времен монгольских завоеваний. Предания о восставшем против монгольских захватчиков хане Бачмане относятся именно к этому периоду,

¹ Гыйләжәтдинов С.М. Крестьян чыгышлары турында татар тарихи риваятьләре // Борынгы татар фольклоры. Казан, 1984. Б. 79.

точнее в данных текстах описываются события начала XIII века. Как отметила И.Г. Закирова: «Бачман хан родом из кыпчакского племени “олбурлик”. Он собрал вокруг себя народы Поволжья и Приуралья, не желавшие подчиниться монголам»¹. Предания о борьбе Бачман хана против захватчиков зафиксированы в исторических трактатах «Тарих-и-джехангуша» Ала-ад-дина Ата-Мелика Джувейни², «Джами ат-теварих» Рашид-ад-дина³ и «Истории первых четырех ханов из дома Чингизова» Н.Я. Бичурина⁴.

Восстания, являвшиеся следствием тяжелого положения народа, повторялись в каждой эпохе и безжалостно подавлялись царским правительством. Как пишет С.М. Гилязутдинов, известны выступления народа против хана в Казанском ханстве в 1496, 1531, 1545-1551 годах, в 1616 году произошло мощное восстание татар, марийцев, чувашей, удмуртов и башкир⁵. Это восстание, начавшееся в 1616 году и продолжавшееся до 1619 года, вошло в историю как Восстание Жангали.

Причиной многочисленных бунтов и восстаний в первую очередь была политика насильственного крещения. В то же время колонизация татарских земель русскими переселенцами, ставшая одним из итогов захватнической политики Ивана Грозного, также явилась одной из причин народного недовольства. Третья причина народных волнений – лашманская повинность (была введена указом Петра I от 31 января (11 февраля) 1718 года) для государственных крестьян-инородцев, прежде всего татар, преимущественно Вятской, Оренбургской, Казанской губерний, участвовавших в заготовке корабельного леса для постройки российского флота.

¹ Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифические и исторические основы. Казань, 2011. С. 185.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. Извлечение из персидских сочинений. М.-Л., 1941. С. 24.

³ Там же. С. 36.

⁴ Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингизова. СПб., 1829. С. 272, 303-304.

⁵ Гыйләжәтдинов С.М. Крестьян чыгышлары турында татар тарихи риваятьләре // Бөрйнгы татар фольклоры. Казан, 1984. Б. 77.

Татарские крестьяне, не желавшие терпеть национальное и социальное угнетение, были вынуждены бежать на противоположный берег Камы, в башкирские степи, к подножьям Урала, в Сибирь.

Однако в XVII-XVIII веках усиливается колонизация башкирских земель, на захваченных территориях строятся заводы, возводятся крепости. Повторное изъятие земель, бесчеловечные действия царских чиновников и помещиков приводят к многочисленным восстаниям.

Территория, находящаяся между Волгой и Уралом, в частности территория современного Башкортостана, в XVII-XVIII веках была известна народными волнениями, бунтами, которые происходили регулярно. В историографии эти бунты именуются «башкирскими восстаниями». Однако в этих бунтах участвовали не только башкиры, но и татары и другие проживающие на этой территории народы. О национальном составе восставших Р.Г. Фахрутдинов и Р.Р. Фахрутдинов пишут следующее: «Здесь необходимо обратить внимание читателя на один существенный и весьма принципиальный вопрос. Думать, что на территории современного Башкортостана восставали только этнические башкиры, вовсе нельзя. После падения Казани этот богатый и более отдаленный край в предгорьях Урала привлек внимание татар и других народов Среднего Поволжья. Они уходили в одиночку, семьями, целыми группами в Башкирию, Оренбургский край, за Закамскую линию, далее на юго-восток»¹.

В XVII-XVIII столетиях восстания, народные волнения сменяются одно за другим: в 1662-1664 годы под руководством Сарыя Маргана, в 1681-1688 годы под руководством Саида Джафара, в 1705-1711 годы – Алдар Кусюмовское, в 1735-1741 годы – восстания под руководством Акая сына Кусюма, Кильбяк абыза, Карасакала, в 1755-1756 годы – восстание под предводительством Батырши.

¹ Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. С. 161.

В восстании Е. Пугачева 1773-1775 годов татары также составили большинство, наряду с башкирами и уральскими казаками.

Как отмечают Р.Г. Фахрутдинов и Р.Р. Фахрутдинов: «... все эти восстания начались на территории Западной Башкирии с последующим их распространением в других регионах, в первую очередь в Татарстане»¹.

В книге П.И. Рычкова «Топография Оренбургская...» описываются два бунта. О первом из них П.И. Рычков писал: «Первый в 1676 году, в котором главным зачинщиком и предводителем был башкирский их старшина Сеит, от которого называется и бунт сей Сеитовский»².

П.И. Рычков о втором бунте предоставил более точную информацию и указал, что бунт начался в декабре 1707 года и возглавили его Алдар и Кусюм. В книге в качестве причины бунта указываются «неразсудные поступки» Александра Сергеева (правительственный полковник, возглавлявший карательную экспедицию), проживавшего тогда в Уфе, «который неумеренной строгостию требовал с них лошадей и выдачи беглых людей, в их жилищах укрывавшихся»³.

П.И. Рычков указал, что в этих восстаниях принимали участие башкиры, татары и представители других народов: «В сие замешание не только вся Башкирь поголовно, но и уездные татары, мещеряки и другие иноверцы совершенно уклонились, и многие тысячи людей погибли, и жила все выжгли; к городам же, к Уфе, Бирску и Мензелинску сильные приступы чинили, и до самой Казани, токмо за 30 верст не дошедши, отколь они едва отбиты изрядными учреждениями тогдашнего Казанского губернатора Кудрявцева, который живущих в Казани татар, жен и детей забрав в аманаты, прочих всех выслал против оных злодеев»⁴.

¹ Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. С. 180.

² Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб.: при Императорской Академии наук. Часть I. 1762. С. 88.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же.

Далее П.И. Рычков отметил, что бунт был «успокоен в 1708 году <...> хорошо вооруженными восемью полками воинских людей <...> под командою полковников Хохлова и Аристова»¹.

Это восстание, как и предшествовавшие ему и организованные позднее, не привело ни к каким результатам.

Акаевское восстание 1735-1741 годов можно рассматривать как продолжение предыдущего. Акай был сыном Кусюма, предводителя (вместе с Алдар-баем) предшествующего бунта. В этом бунте участвовали и татары, и башкиры, и другие народы. Восстание под руководством Акая продолжил Кильмяк-абыз. Несмотря на поражение, такие движения всколыхнули весь народ.

Руководители народных бунтов, восстаний, являвшиеся олицетворением надежд народа, пользовались любовью, авторитетом и популярностью. Восстания и образы их предводителей заняли особое место в татарском фольклоре. Классические предания, основанные на этом сюжете, начинаются с повествования о тяжелой жизни народа. Однако в татарском фольклоре таких преданий с классическим зачином немного.

В исторических преданиях сохранилось имя Акая. В предании, записанном в 1974 году Марселем Ахметзяновым в селе Байряка Бавлинского района Республики Татарстан у Кашифа Рахима (1905 г.р.), есть упоминание об Акае – старшине Акае Кусюмове, одном из предводителей башкирско-татарского восстания 1735-1740 годов: «поп Василий, прибывший сюда для крещения местного населения, остановился на месте, именуемом ныне озером Акая. Батыр по имени Акай сказал: “Я тоже буду креститься”, подошел к Василию и незаметно для других убил его, утопил в озере. Потом истребили и поповский отряд. Поэтому раньше в этих краях, если кто произносил слова: “Озеро Акая”, на того накладывали штраф»

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб.: при Императорской Академии наук. Часть I. 1762. С. 90.

(перевод наш. – *И.Ф.*)¹. Имя Акая сохранилось еще в одном предании. Оно упоминается в произведении, записанном Марселем Ахметзяновым в 1973 году в селе Катмыш Мамадышского района Татарстана у Шаги Сафина: «Приблизительно в 1720-х годах семеро домохозяев, отправились на восток, заложили деревню Катмыш Муслюмовского района. Акай тоже родился в этой деревне Катмыш и был в числе основателей муслюмовского Катмыша. И сейчас в нашей деревне живет выражение “Чего орешь, будто войско Акая восстало”» (перевод наш. – *И.Ф.*).

Как видно из примеров, эти предания не сохранили информацию о восстаниях. Период, прошедший со времени создания преданий о крестьянских бунтах, составляет около 300-400 лет. Многие тексты забылись. В преданиях, записанных в последнее время, эти восстания упоминаются лишь по отношению к отдельным топонимам. Забвение многих преданий связано не только с временным промежутком. Как видно из первого упомянутого предания, было запрещено даже произносить имя Акая. Предполагаем, что этот запрет касался и имен других предводителей народных волнений и названий самих восстаний.

Эти события упоминаются также в байтах и исторических песнях ввиду того, что данные жанры фольклора, как известно, сохраняются лучше.

Предания о событиях, относящихся к более поздним периодам, сохранились в большей степени. К таковым можно отнести предания о Батырше. Справедливости ради следует отметить, что информация о ходе боев, о народных волнениях в них довольно скудная.

Например, в самом начале предания под названием «Озеро Батырши», записанного в 1998 году Фанузой Садыковой в деревне Карыш Балтачевского района Башкортостана у Асии Хариповой (1945 г.р.), указано, что происхождение данного топонима связано с именем предводителя восстания: «Это озеро, связанное с именем предводителя татаро-башкирского

¹ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 78.

восстания 1755-1756 годов Губайдуллы Галиевича Мазгетдина (Батырши)»¹. Затем говорится о том, что народ помогал Батырше, был солидарен с ним: «1 сентября 1755 года старшина Карышской волости Яныш Абдуллин, собрав отряд в 150 человек, проводил Батыршу вместе с семьей и 10 учениками до леса. Против него никто не поднимал оружия, потому что Батырша был очень знаменитой в тюркском мире личностью» (перевод наш. – *И.Ф.*)².

Народ, помня лишь воинское прозвище Батырши, забыл его настоящее имя. Известно, что полное и точное имя личности, представленной в предании как Губайдулла Галиевич Мазгетдин (Батырша), Габдулла сын Багадиршах Галия Мазгетдин (Габдулла Галиев) (1710/1715 (?) – 1762). Он вошел в историю как предводитель народного восстания, происходившего в 1755 году на северо-западе современного Башкортостана, ахун, имам, мударрис (старший преподаватель медресе). Информация о Яныше Абдуллине в предании также недостоверна. Яныш Абдуллин (1682 г.р.) родился в деревне Карышбаш Усинского пути (деревня Верхнекарышево Балтачевского района современного Башкортостана), был мишарским старшиной, беспощадно подавлявшим народные восстания 1735-1740, 1747, 1755-1756 годов; он получил серебряный меч и большие привилегии от императрицы Елизаветы Петровны за поимку и передачу Батырши правительственным войскам. Сообщение о том, что «старшина Карышской волости Яныш Абдуллин, собрав отряд в 150 человек, проводил Батыршу вместе с семьей и 10 учениками до леса», не соответствует исторической конъюнктуре³.

Крестьянские сражения под руководством Е.И. Пугачева также нашли широкое отражение в татарском фольклоре, в частности в исторических

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. Б. 115.

² Там же.

³ Фазлетдинов И.К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI-XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы / җаваплы мөхәррире Ә.М. Сөләйманов. Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. Б. 23.

преданиях. Исторические песни той эпохи проникнуты сопереживанием пугачевскому движению:

*Пугачев патша бар диләр, / Говорят, есть царь Пугачев, /
Постау бишмәтләре тар диләр, / Говорят, суконный бешик был ему
узок, /
Жаек та буе яу жирләрен / Вдоль гор Урала места боев /
Айкап та йөргән шул диләр. / Исходил он, говорят. /
Пугачев патшаны күрсәң идең, / Увидеть бы царя Пугачева, /
Алларынан буй бөгеп узса идең, / Пройти бы перед ним с поклоном, /
Аргамак менеп, дан тотып / Оседлав с честью аргамака, /
Жаек яуларында йөрсә идең. / Пройтись бы по уральским сражениям. /*
(перевод наш. – И.Ф.)

Мотив сопереживания Пугачеву присущ и историческим преданиям.

В татарском фольклоре предания о пугачевском восстании собирал историк-энтузиаст, казанский купец М. Аитов (1823-1890). Собранные им материалы позднее были изданы Каюмом Насыри¹. Об этом писал Г. Губайдуллин: «Ул кыйммәтле тарихи материалларның коры бер жыентыгы гына иде. Менә Насыри шул мәжмугадан алып, жыеп, әдәби рәвешкә китереп, тарих төсле итеп язган. Хәзер бу кадерле мәжмуга юк, әмма аның шуннан файдалануы аркасында бу мөһим хәбәрләр сакланып калганнар»². («Первоначально это был просто сборник ценных исторических материалов. Насыри, взял этот сборник, сделал литературную обработку текста, написал в виде истории. Сейчас этого ценного свода нет, однако благодаря тому, что он использовал рукописи, эти важные сведения

¹ Насыри К. Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр. – Алып адәмнәр // Сайланма әсәрләр. Казан, 1974. Т. 1. Б. 71-83.

Казан тарихы турында (Халык сөйләве буенча) Төварих Казан. – Бәет шәһре Казан. – Аксак Каратун, Пугачау һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр / жыючы К. Насыри // Моңарчы басылмаган әсәрләр һәм 100 еллык бәйрәм материаллары. Казан: Татар. дөү. нәшр., 1926. Б. 19-30.

² Насыри К. Моңарчы басылмаган әсәрләр һәм 100 еллык бәйрәм материаллары. Казан: Татар. дөү. нәшр., 1926. Б. 73.

сохранились» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹. На сегодняшний день записи Мухаметзяна Аитова считаются исчезнувшими.

Однако литературовед и публицист Мухаммед Гали полагал, что среди рукописей Каюма Насыри, хранящихся в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета, есть тетрадь, включающая сведения о некоторых исторических событиях, услышанные от деда и записанные казанским купцом Мухаметзяном Сулеймановичем Аитовым, человеком, интересовавшимся историей и краеведением; среди записей есть и воспоминания о пугачевском движении. Об этом произведении Мухаметзяна Аитова, написанном примерно в 1850-е годы, т.е. спустя около 75 лет после казни Пугачева, К. Насыри написал следующее: «Я переписал это его произведение и никаких изменений в него не вносил». «Он добавил только отдельные комментарии, выводя их за черту», – заключил М. Гали².

В соответствии с информацией, которую Мухаммед Гали привел в своей статье, записанная Мухаметзяном Аитовым информация о пугачевском движении состоит из двух разделов: 1) воспоминания о Пугачеве, рассказанные отцом М. Аитова, которые были услышаны им от деда; 2) воспоминания отца М. Аитова о взятии Пугачевым Казани, которое он видел своими глазами в детстве. Воспоминания Аитова написаны хорошо понятным и интересным современному читателю языком, к тому же, в них могут содержаться и некоторые неизвестные истории сведения. Самая главная ценность этих произведений состоит в том, что они являются произведениями литературной прозы, написанными в середине XIX столетия на татарском языке.

К. Насыри придавал большое значение произведениям, написанным М. Аитовым, особенно воспоминаниям о Пугачеве. Он не стал довольствоваться переписыванием неизданных его произведений, а еще при жизни Аитова, обсудив эти произведения с ним самим, лично записал

¹ Насыри К. Моңарчы басылмаган әсәрләр һәм 100 еллык бәйрәм материаллары. Казан: Татар. дәү. нәшр., 1926. Б. 73.

² Гали М. Пугачев хәрәкәте турында кайбер материаллар // Совет әдәбияты. 1948. № 9. Б. 98-107.

некоторые дополнительные материалы, не включенные в данные труды, и позднее добавил их в эти произведения в качестве отдельных комментариев¹.

С.М. Гилязутдинов заметил, что среди преданий о пугачевских битвах «есть и объемные произведения, описывающие деятельность таких личностей, как Бахтияр Канкаев, Рахманкул Дуслиев, Салават и др.; такие важнейшие события, как осада Оренбурга, взятие Казани, и дающие краткую информацию о местах сражений восставших с правительственными войсками»².

Цикл преданий о пугачевском восстании начинается с произведений о его предводителе. В этих произведениях раскрывается отношение народа к Пугачеву, который был для него «царем Пит Федоровичем» (Петром Федоровичем).

Информация о пугачевских сражениях, о борьбе бунтовщиков против царских войск в основном запечатлена в преданиях, связанных с историей топонимов. Например, в предании «Путь Пугача и Салавата» рассказывается: «Говорят, во время сражения Пугача и Салавата, отражая натиск нескольких батальонов армии Царь-бабушки, рядом с деревнями Бирск, Дюртюли и Москово прошел довольно большой отряд восставших. У окраины деревни Чекмагушево и в лесу по правому берегу реки Чебекей держали оборону войска Царь-бабушки. В том месте произошло довольно мощное сражение. Войска Царь-бабушки отступили» (перевод наш. – *И.Ф.*)³.

В татарских преданиях, наряду с Пугачевым, особое место занимает образ его сподвижника Салавата Юлаева. В предания вошло и имя отца Салавата – Киньи.

В двух преданиях о Салавате Юлаеве мы видим архаический мотив о найденном ребенке. В предании «В штабе Салавата» данное событие

¹ Гали М. Пугачев хэрэкэте турында кайбер материаллар // Совет әдәбияты. 1948. № 9. Б. 98-107.

² Гыйләжәтдинов С.М. Крестьян чыгышлары турында татар тарихи риваятьләре (XVI йөзгә икеңче ярыгы – XVIII йөзгә) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. Казан, 1984. Б. 80.

³ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 116.

выступает причиной возникновения названия села: «Тора авылының башланып китүе шуннан гыйбарәт: Салават Юлаев сугышып яткан вакытта, Тора авылыннан ике километр ераклыкта штаб булган. Шул штабта торган вакытта бер бала табалар. Бу баланы Тора авылы янында бик зур урманда, зур агач эченә яшереп саклыйлар. Салават шунда пост та куя, үзенен штабында связной йөртә. Алар баланың тереклеге турында әйтеп торалар. Салават сорый:

– Бала ничек?

– Бала тора, тере, – дип Салаватка әйтәләр.

Ике сәгать үткәч, Салават тагын сорый:

– Бала ничек?

– Бала тора, яхшы, – дип әйтәләр»¹. («Во времена войн Салавата Юлаева в двух километрах от деревни Тора находился штаб восставших. Однажды в окрестностях нашли грудного ребенка. Этого ребенка спрятали внутри большого дерева, в лесу близ деревни Тора. Салават выставил там пост и держал при своем штабе связного, который докладывал о здоровье ребенка. Салават спрашивает:

– Как ребенок?

– Ребенок жив, здоров, – отвечает связной Салавату.

Спустя два часа Салават снова спрашивает:

– Как ребенок?

– Ребенок жив, с ним все хорошо, – говорит ему связной») (перевод наш. – *И.Ф.*)².

Здесь значение слова «тору» – жить, держаться – служит основой для возникновения названия деревни.

Во втором предании под названием «Ребенок в колыбели» речь также идет о ребенке, оставшемся в колыбели во время сражения: «В очень давние времена были большие сражения, войны в этих краях. Поговаривают, что

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 117.

² Там же.

здесь проходило и пугачевское войско. В те времена наша деревня была совсем маленькой. Прямо возле нее был темный и густой лес. А с другого конца деревни, со стороны полей и лугов, проходило это войско. В том месте, где стояло войско, местное население нашло колыбель, повешенную на сосну с раскидистой кроной. А в колыбели спал ребенок. Этого ребенка народ взял под свою опеку. Его род существует до сих пор» (перевод наш. – *И.Ф.*)¹.

Изучая этот мотив, И.К. Фазлутдинов приходит к выводу о мифологическом характере данного мотива.

Таким образом, предания о крупных исторических событиях, какими являются народные бунты и восстания, во-первых, представляют собой информацию об исторических событиях; во-вторых, значительную роль в них играет художественный вымысел. В татарских преданиях нашли отражение антифеодальные восстания, крестьянские бунты под предводительством Алдара Кусюма в 1705-1711 годы, под руководством Акая сына Кусюма, Кильбяк абыза, Карасакала в 1735-1741 годы, Батырши в 1755-1756 годы, Е. Пугачева и Салавата Юлаева в 1773-1775 годы. Тема народных бунтов напрямую связана с сознанием народа. В преданиях внимание уделяется не столько описанию социального протеста, сколько освещению народного подвига и отношения народа к этим событиям. Фольклор о крестьянских восстаниях имеет большое значение для изучения истории мировоззрения народа. На острую политическую направленность преданий о народных бунтах указывает тот факт, что их исполнители преследовались, каралось даже упоминание о бунтах или их предводителях. Поэтому предания о крестьянских бунтах были собраны и дошли до нас далеко не в полном объеме.

¹ Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Б. 118.

Выводы по главе 3.

1. Предания, связанные с происхождением и основанием татарских поселений на территории Башкортостана, содержат ценные сведения о миграционных процессах, вызванных политической обстановкой и военными ситуациями XVI-XVIII веков. В этих текстах фиксируются конкретные фамилии первопоселенцев, названия сел, описываются причины переселений и обстоятельства освоения новых территорий. Предания данного цикла выполняют не только мемориальную, но и идентификационную функцию, формируя у носителей традиции представление о родовой, локальной и этнической принадлежности. Устойчивость сюжетов и их привязка к конкретным географическим объектам подчеркивают автохтонность татарского населения и его историческую укорененность в регионе.

2. Предания о религиозных учреждениях и деятелях демонстрируют глубокую укорененность исламской традиции в духовной культуре татар Башкортостана. В текстах данной группы освещается деятельность имамов, шейхов, хафизов и других религиозных авторитетов, а также процесс основания мечетей, мектебов и медресе. Данные предания подчеркивают неразрывную связь между религией и просвещением, отражают сакрализацию исламских лидеров, их символическую связь с народом и местностью.

3. Предания о разбойниках, конокрадах и других фигурах представляют собой своеобразную форму народной оценки социальной несправедливости и взаимоотношений с властными структурами. Несмотря на отрицательный характер описываемых деяний, герои подобных преданий наделяются такими чертами как справедливость, отвага, ловкость и хитрость, что делает их выразителями народного чувства противодействия угнетению. В повествованиях часто подчеркивается принадлежность героев к определенным селам или родам, что формирует фольклорный образ «своего» разбойника.

4. В цикле преданий, посвященных народным движениям и восстаниям, отражены ключевые события истории татарского населения региона: участие в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева, восстание Салавата Юлаева, сопротивление принудительной коллективизации и другие формы протестной активности. В центре внимания находятся фигуры харизматичных лидеров, часто наделенных легендарными чертами, а также сцены вооруженного противостояния, ссылки, казни, карательные экспедиции. Исторические реалии, закрепленные в преданиях, трансформируются в символические образы борьбы, что делает данный цикл важным элементом народной исторической памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Устная народная летопись татар Башкортостана, сформировавшаяся из обширного массива исторических преданий, отражает многообразие форм коллективной памяти. Фокусирование исследования на исторических преданиях татар в пределах конкретного территориального ареала, с одной стороны, позволяет выявить их своеобразие, а с другой – демонстрирует степень отражения в них истории татар Башкортостана. Часть исторических преданий татар Башкортостана имеет общую основу с преданиями татар, проживающих в Республике Татарстан, а также в других регионах Российской Федерации.

При всем территориальном разнообразии исторические предания татарского народа в значительной степени сходны по содержанию, сюжету и мотивам. Это объясняется тем, что, во-первых, несмотря на широкую географию расселения, татары сохраняют культурно-историческую целостность как единая этническая общность. Во-вторых, исторические предания складывались на единой для всего народа поэтической традиции фольклорного происхождения. В более поздних исторических преданиях возникает типологическая общность, опирающаяся на культурное единство и преемственность быта, обусловленные родовыми связями и непрерывностью традиций. По результатам исследования татарских исторических преданий, зафиксированных на территории Республики Башкортостан, сформулированы следующие основные выводы:

1. Изучение истории собирания и научного осмысления татарских исторических преданий позволило выделить несколько этапов их фиксации и интерпретации: от раннего краеведческого интереса до современных попыток жанрово-типологического анализа. Установлено, что региональный пласт преданий долгое время оставался вне системного рассмотрения, что определило актуальность исследования.

2. На основе анализа трудов отечественных, в том числе татарских, фольклористов уточнены жанровые признаки исторического предания, отличающие исторические предания от легенд, мифов, сказок и устных рассказов. К числу определяющих критериев отнесены: апелляция к достоверности, локализация, временная дистанция и коллективная вера в реальность события.

3. Выявлено, что исторические предания характеризуются устойчивыми структурными элементами, типологией героев, реалистичной повествовательной манерой, стремлением к документальной убедительности и сочетанием художественных и эпических элементов. Для татарских исторических преданий характерны стремление к «документальности» и опора на свидетельские показания. На основании проведенного исследования представляется возможным выделить следующие жанровые особенности: обращение к сравнительно давнему историческому периоду, акцент на достоверность, элемент «документальности», использование свидетельских показаний и т.п.

4. Обоснована необходимость систематизации исторических преданий с применением методологического подхода, включающего структурно-типологический, функциональный и сравнительно-сопоставительный анализ. Установлено, что международные указатели по данному жанру отсутствуют, а существующие классификации нуждаются в адаптации к региональному материалу.

5. Представлена схема классификации татарских исторических преданий по четырем основным основаниям: тематике, типу главного персонажа, степени достоверности и функции текста в народной традиции. Такая модель позволяет систематизировать материал и подготавливает базу для создания специализированных каталогов и указателей. Однако следует отметить, что все схемы классификации и деления исторических преданий условны. Это объясняется тем, что четкие границы между тематическими группами преданий часто размыты.

6. Составлен обобщенный Перечень мотивов, сгруппированных в семь тематических блоков, в котором отражены ведущие мотивы исторических преданий татарского народа. При составлении перечня была использована методика Н.А. Криничной, адаптированная к специфике татарских преданий. Введены дополнительные циклы, отражающие татарскую религиозную, образовательную и политическую историю. Мотив рассматривается как ключевая структурная единица жанра, способствующая группировке преданий по тематическому принципу. При этом мы не утверждаем окончательность выявленных классификационных принципов, поскольку список мотивов и сюжетобразующих элементов подлежит дальнейшему дополнению и в будущем может стать базой для «Указателя сюжетов и мотивов татарских исторических преданий».

7. Предания о происхождении и основании татарских поселений в Башкортостане фиксируют локализованные воспоминания о переселениях, топонимах и первопоселенцах. Они отражают процессы исторической адаптации, освоения пространства и формирования этнической идентичности на уровне конкретных сообществ.

8. В преданиях о религиозных деятелях и учреждениях раскрывается значимость ислама и просвещения в духовной жизни татарского населения. Данные тексты сохраняют в себе черты сакрализации персонажей, устойчивую установку на нравственные и воспитательные функции, а также содержат конкретные сведения об истории мечетей, медресе и духовенства.

9. Предания о разбойниках и конокрадах демонстрируют народную реакцию на социальную несправедливость и образ борца с системой. Во множестве вариантов сформировался образ «благородного» разбойника. При этом активно применяются «кочующие» сюжеты, формирующие «типическую биографию» разбойника. В преданиях о крестьянских бунтах и преданиях о «благородных» разбойниках утверждается народная точка зрения, основанная на оценке героев и событий. В преданиях о

«благородных» разбойниках особо подчеркивается, что они грабили лишь состоятельных людей, а бедным помогали.

10. Тематический цикл преданий о народных движениях, восстаниях и протестных действиях сохраняет в фольклорной памяти татар Башкортостана представления о сопротивлении, героизме и трагедии. Центральные образы преданий — участники Пугачевского восстания, Салават Юлаев, безымянные борцы с царской властью — являются символами национального достоинства и исторического самосознания.

Таким образом, исследование исторических преданий татар Башкортостана не ограничивается теми аспектами, которые проанализированы в данной работе. Перспективы дальнейшего исследования могут включать углубленное изучение сказочной прозы данного региона и татарского народа в целом, анализ ее современного состояния и выявление всего корпуса подобных произведений, проведение системного семиотического описания материала, а также создание сюжетно-мотивного указателя татарских исторических преданий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Опубликованные

а) на русском языке

1. Алишев С.Х. Каюм Насыри и Мухаметзян Аитов // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. – Казань, 1976. – С. 193-198.
2. Ахмаров Г. Разбор татарских сказаний о нашествии Тимура на болгарские города // ИОАИЭ. – 1899. – Т. XV, вып. 4. – С. 454-462.
3. Ахметшин Б.Г. Предания Мечетлинского и Янаульского районов Башкирии. Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1977. – 308 с.
4. Башкирские народные сказки / Запись и перевод А.Г. Бессонова. Редакция, введение и примечание проф. Н.К. Дмитриева / под общ. ред. академика И.Ю. Крачковского. – Уфа: Башгосиздат, 1941. – 367 с.
5. Березин И.Н. Турецкая хрестоматия. Том 1. – Казань: Типография Университета, 1857-1876. – 378 с.
6. Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингизова. – СПб., 1829. – 440 с.
7. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / отв. ред С.П. Толстов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. 1950. 382 с.; Т. II. 1950. 334 с.; Т. III. 1953. 328 с. + вклейка и вкладка.
8. Васильев М.А. Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. – Казань, 1924. – 184 с.
9. Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник Научного общества татароведения (ВНОТ). – 1926. – № 4. – С. 82-91.
10. Ветры Великих Булгар... Предания, легенды, байты и исторические памятники / составление, подготовка текста и частичный

перевод С.М. Гилязутдинова. – Казань: Панорама. Библиотека журнала «Казань», 1992. – № 11-12. – 64 с.

11. Гильом де Рубрук о реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране / Приложения. Источники по истории татар Западного Приуралья // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 343.

12. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М: Товарищество «Клышников – Комаров и Ко», 1993. – 528 с.

13. Духовное наследие: поиски и открытия / под ред. И.Г. Гумерова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – Вып. 4. – 280 с.

14. Еники Амирхан. Страницы прошлого: Роман. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – 448 с.

15. Зайковский Б.Я. Каменные бабы в Саратовском Поволжье // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – 1908. – Вып. XXIV. – С. 31, 73.

16. Заринский М.Г. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. – Казань, 1880. – Ч. 1, вып. 1. – 75 с.

17. Игнатьев Р.Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань, 1893. – Т. 2, вып. 2. – С. 147-166.

18. Из «Истории завоевателя мира» Джувейни // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – С. 24-36.

19. Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев: географы первой половины XVIII в. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. – С. 60-61.

20. История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. – СПб.: Имп. Академия наук, 1791. – 264 с.
21. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.12.2022).
22. Казанская история / подготовка текста, вступ. статья и примечания Г.Н. Моисеевой; под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 192 с.
23. Катанов Н.Ф. Мусульманские легенды: Тексты и переводы. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1894. – 44 с.
24. Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1894. – Вып. IV. – С. 53-55.
25. Катанов Н.Ф. Татарские сказания о семи спящих отроках // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. – 1894. – Т. VIII. – С. 223-245.
26. Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о прибытии в 1572 году мухамеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1895. – Вып. VII. – С. 38-42.
27. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1896. – Вып. 5. – С. 1-13.
28. Катанов Н.Ф. Материалы к изучению Казанско-татарского наречия: Ч. I. – Казань: Тип. ун-та, 1898. – 178 с.
29. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман // Деятель. – 1898. – № 1. – С. 21-22.
30. Катанов Н.Ф. Татарские предания об озере Кабан и городе Казани // Деятель. – 1898. – № 1. – С. 25-26.

31. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман // Деятель. – 1898. – № 2. – С. 57-60.
32. Катанов Н.Ф. Татарское предание о слободах Старотатарской и Новотатарской в городе Казани // Деятель. – 1898. – № 2. – С. 64-67.
33. Катанов Н.Ф. Предания русских инородцев о том, как русские захватили их земли // Деятель. – 1898. – № 3. – С. 100-103.
34. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман // Деятель. – 1898. – № 3. – С. 132-135.
35. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман // Деятель. – 1898. – № 4. – С. 177-185.
36. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман // Деятель. – 1898. – № 6/7. – С. 298-299.
37. Катанов Н.Ф. Народные приметы и верования мещеряков и башкир // Деятель. – 1898. – № 8/9. – С. 373-374.
38. Катанов Н.Ф. Погребальные обряды тобольских татар // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. IX. – 1898. – С. 48-49.
39. Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. IX. – 1898. – С. 50-52.
40. Катанов Н.Ф. Из области народных примет татар-мусульман: Октябрьские приметы // Казанский телеграф. – 1899. – № 2092.
41. Катанов Н.Ф. Из области народных примет татар-мусульман: Ноябрьские приметы // Казанский телеграф. – 1899. – № 2106.
42. Катанов Н.Ф. Татарские рассказы о старой Казани // Известия ОАИЭ. – 1920. – Т. III, вып. 3.
43. Китанина Т.А. Указатели сюжетов и мотивов // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kitanina1.htm> (дата обращения 12.02.2024).
44. Коблов Я.Д. Мифология казанских татар // Известия ОАИЭ. – 1910. – Т. 16, вып. 5. – С. 415-470.

45. Коблов Я.Д. Мифология казанских татар. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. – 49 с.
46. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – 347 с.
47. Ковалевский О.М. Поездка из Иркутска в Ургу // Казанский Вестник. – 1829. – Ч. 26, кн. 5. – С. 7-8.
48. Криничная Н.А. Когда гранит и летопись безмолвны... // Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.А. Криничной. – М.: Современник, 1989. – С. 5-22.
49. Криничная Н.А. Предания Русского Севера: реальность и традиции / Предания Русского Севера; изд. подгот. Н.А. Криничная; отв. ред. Ю.И. Юдин. – СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1991. – 325 с.
50. Лепехин И.И. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук: в 5 т. – СПб., 1822. – Т. 4. – С. 36-64.
51. Лоссиевский М.В. Пугачевский бригадир Салават и Фариза // Волжско-Камское слово. – 1882. – С. 221.
52. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.
53. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с., вкл.
54. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина; предисл. и введ. И.В. Кормушина; примеч. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова; Институт востоковедения РАН, Институт языкознания РАН. — М.: Восточная литература, 2010. — Т. 1. — 464 с.
55. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / перевод, предисл. и комментарии З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.

56. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. — СПб.: Императорская Академия наук, 1787. — 368 с.
57. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 1. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 607 с.
58. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 2. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 637 с.
59. Мухаметзянов Р.М. Обрядовая поэзия приикских татар Башкортостана / сост.: И.И. Ямалтдинов, И.К. Фазлутдинов. — Казань: ИЯЛИ, 2021. — 228 с.
60. Насыров К. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. — СПб., 1880. — Т. 6. — С. 247-270.
61. Нефедов Ф.Д. Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом; Салават — башкирский батыр // Русское богатство. — 1890. — № 10. — С. 83-100.
62. Обзор деятельности научного Общества татароведения (1923-1929) // Вестник научного Общества татароведения. — 1930. — № 9-10. — С. 201-208.
63. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Ч. 2, кн. 1. — СПб.: Императорская Академия наук. 1770. — С. 7-12.
64. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: в 3 частях. Ч. 2, кн. 1 / пер. с немецкого. — СПб., 1786. — 614 с.
65. Полный путеводитель по Казани и окрестностям: справ. книжка для приезжающих в Казань / сост. Н.О. Прокофьев. — Казань: Тип. ун-та, 1910. — 212 с.
66. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. — СПб., 2003. — С. 41.

67. Потанин Г.Н. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории при Казанском университете. – 1884. – Т. III. – С. 192.
68. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / вступ. статья В.И. Ереминой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
69. Пусть нам лешие попляшут, попоют... Татарские народные легенды и мифы / составление, подготовка текста и частичный перевод С.М. Гилязутдинова. – Казань: Панорама. Библиотека журнала «Казань», 1992. – № 3-4. – 48 с.
70. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / пер. с арабского, вступ. статья и примеч. О.Г. Большакова, историч. коммент. А.Л. Монгайта. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. – 137 с.
71. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. — СПб., 1872. – 411 с.
72. Рафаева А.В. Электронные указатели // Живая старина. – 2002. – № 2. – С. 14-15.
73. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского. 1830-1831 гг. / подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментариев и указатели Р.М. Валеев, И.В. Кульганек; отв. ред. А.Д. Цендина. – Казань: Изд-во «Таглитмат» Института экономики, управления и права, 2006. – 104 с.
74. Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. – 1895. – № 7. – С. 274.
75. Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. – 1895. – № 8. – С. 294-309.
76. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 годы. — СПб.: Императорская Академия наук, 1770. – 190 с.

77. Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Императорская Академия наук, 1767. – 196 с.
78. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – Т. 1. – 406 с.
79. Сказание о царстве Казанском / под ред. проф. Водовозова. – М.: Гослитиздат, 1959. – 526 с.
80. Сказания о Казани. Легенды и предания / составление, подготовка текста и частичный перевод С.М. Гилязутдинова. – Казань: Панорама. Библиотека журнала «Казань». – 1992. – № 2. – 48 с.
81. Соколова В.К. Русские исторические предания / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1970. – 288 с.
82. Спутник по Казани: Ил. указ. достопримечательностей и справ. книжка города / под ред. проф. Н.П. Загоскина. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. – 691 с.
83. Тарзиманов В.Ф., Рахим А. Хузялар тавы // Вестник научного Общества татароведения. – 1928. – № 8. – С. 174-179, 215-231.
84. Татарское народное творчество: в 15 т. Предания и легенды. Т. 5. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 383 с.
85. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечение из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
86. Фукс К.Ф. Краткая история г. Казани. – Казань: Университетская типография, 1817-1822. – 60 с.
87. Халиков А.Х. Маклашевская всадница // Советская археология. – 1971. – № 1. – С. 115-117.
88. Хальфин И.Й. Жизнь Джингиз-хана и аксак-Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту, в пользу воспитанников Императорского Казанского университета составленная лектором онаго

университета Ибрагимом Хальфином. – Казань: Университетская типография, 1822. – 165 с.

89. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии / соч. С.М. Шпилевского. – Казань: Университетская типография, 1877. – 585 с. // URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/68321#mode/inspect/page/44/zoom/8> (дата обращения: 12.02.2024).

90. Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). Серия Kunstkamera Petropolitana. – СПб.: Наука, 2012. – С. 48.

91. Юматов В.С. О названиях башкирцев // Оренбургские губернские ведомости. – 1874. – № 4. – С. 297-298.

92. Юматов В.С. Древние предания башкирцев Чубиминской волости // Оренбургские губернские ведомости. – 1848. – № 7. – С. 45-48.

б) на татарском языке

93. Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 312 б.

94. Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 296 б.

95. Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И.К. Фазлетдинов. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 304 б.

96. Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. – Уфа: Китап, 2018. – 344 б.

97. Бөрбаш Сәрдегәне авылы тарихы // Бөрбаш. URL: https://borbash.life.tatar/2011/07/blog-post_8399.html (дата обращения: 20.01.2024).

98. Васильев М.А., Рәхим Г. Фольклор һәм халык әдәбияты жыю өчен кулланма // Әлифба тәртибе, имла кагыйдәсе, атамалар мәсьәләсе, халык әдәбиятын жыю турында инструкцияләр жыентыгы. – Казан: Татарстан Мәгариф Халык Комиссариаты басмасы, 1926. – 55 б.

99. Вахиди С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного Общества татароведения. – 1926. – № 4. С. 58-63.

100. Гали М. Пугачев хәрәкәте турында кайбер материаллар // Совет әдәбияты. – 1948. – № 9. – Б. 98-107.

101. Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Т. I. / Ф.Г. Гарипова. – Казан: Матбугат йорты, 2001. – 720 б.

102. Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Т. II. / Ф.Г. Гарипова. – Казан: Матбугат йорты, 2003. – 719 б.

103. Гарипова Ф.Г. Авыл – милләтнең терәге. Милли-мәдәни мирасыбыз = Национально-культурное наследие. (Фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән. 1 нче китап). Актаныш. – Казан, 2010. – 415 б.

104. Гарипова Ф.Г. Исемнәрдә – ил тарихы. Югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 264 б.

105. Гомәров И.Г. Мәгърифәт жырчысы: Гали Чокрыйның тормыш һәм иҗат сәхифәләре. – Казан: Школа, 2006. – 144 б.

106. Гыйләҗетдинов С.М. Риваятьләр, легендалар һәм мифологик хикәятләр турында // Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – Б. 5-18.

107. Дәүләтшин Г.М. Борынгы Болгар тарихи риваятьләре // Казан утлары. – 1978. – № 9. – Б. 128-135.

108. Жән-пәриләр бар диләр... Татар халык легендалары һәм мифлары / төзүчесе һәм текстларны әзерләүче С.М. Гыйләҗетдинов. – Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе, 1992. № 3-4. 64 б.

109. Закирова И.Г. Иркутск өлкәсе татар фольклоры // Милли мәдәни мирасыбыз: Иркутск өлкәсе татарлары. – Казан, 2021. – Б. 221-222.
110. Закирова И.Г. Болгар чоры халык ижаты. – Казан: Фикер, 2003. – Б. 15-41.
111. Ибраһимов Н. Алып батыр кем ул? // Сердәш. – Казан, 1971. – Б. 22-23.
112. Исә Болгар жылләре... Риваятьләр, легендалар, бәетләр һәм тарихи ядкарьләр / төзүчесе һәм текстларны әзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. – Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе, 1992. – № 11-12. – 64 б.
113. Казан тарихы турында (Халык сөйләве буенча) Тәварих Казан. – Бәет шәһре Казан. – Аксак Каратун, Пугачау һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр / жыючы К. Насыйри // Моңарчы басылмаган әсәрләр һәм 100 еллык бәйрәм материаллары. – Казан: Татар. дөү. нәшр., 1926. – Б. 19-30.
114. Каюм Насыйринның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзъеллык бәйрәм материаллары / төз. Г. Рәхим. – Казан: Татар. дөү. нәшр., 1926. – 135 б.
115. Кормаши Сабиржан. Изгеләр чишмәсе // Шура. – 1915. – № 9. – Б. 286-287.
116. Кормаши Сабиржан. Сәхиб әби әүлия булган // Шура. – 1915. – № 12. – Б. 2-3.
117. Кормаши Сабиржан. Жылау көе // Шура. – 1915. – № 12. – Б. 283.
118. Мәржани Шиһабетдин. Мөстәфадел әхбар фи әхвале Казан вә Болгар. – Казан, 1897. – I кисәк. – Б. 57; 1900. – II кисәк. – Б. 220, 243.
119. Милли-мәдәни мирасыбыз: Башкортстан татарлары. Стәрлебаш. 1 нче кисәк. – 2 нче басма. – Казан, 2021. – Б. 58-59. (Авыллар тарихыннан).
120. Миңнуллин К.М. Сүз – халык хәтере. – Казан: Алма-Лит, 2007. – 175 с.
121. Мөхәммәтжанов Р.М. Башкортстан Ык буе татарларының йола ижаты / төз.: И.И. Ямалтдинов, И.К. Фазлетдинов. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 228 б.

122. Мөхәммәтжанов Р.М. Башкортстан Ык бусе татарларының йола ижаты (Туй поэзиясе). – Уфа, 1977. – 70 б.
123. Насыйри К. Кабан күле хакында риваять // Казан календаре: 1881 ел өчен. – Казан, 1880. – Б. 38.
124. Насыйри К. Казан бәетендә мәзкүр Үлмәс вә Әбүл-халык хакында риваять // Казан календаре: 1881 ел өчен. – Казан, 1880. – Б. 39.
125. Насыйри К. Казанның кадимге ихатасы хакында риваятьләр // Казан календаре: 1881 ел өчен. – Казан, 1880. – Б. 39.
126. Насыйри К. Казан шәһәре хакында риваятьләр // Казан календаре: 1881 ел өчен. – Казан, 1880. – Б. 39.
127. Насыйри К. Әмәт тавы хакында риваять // Казан календаре: 1882 ел өчен. – Казан, 1881. – Б. 37-38.
128. Насыйри К. Алып адәмнәр // Казан календаре: 1883 ел өчен. – Казан, 1883. – Б. 30-31.
129. Насыйри К. Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр. – Алып адәмнәр // Насыйри К. Сайланма әсәрләр. – Казан, 1974. – Т. 1. – Б. 71-83.
130. Рәхим Гали. Сайланма әсәрләр [Текст] = Избранные труды / Гали Рәхим; Татарстан Республикасы Мәдәният министрлыгы, Республика традицион мәдәниятне үстерү үзәге. – Казан: Ихлас, 2018 – Т. 2. – 2018. – 559 б.
131. Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропонимнары: Татарстан авыллары исемнәре. – Казан, 1973. – 270 б.
132. Татар халык ижаты: 25 томда. 5 т.: Әкиятләр (Тылсымлы әкиятләр) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. И.Г. Закирова. – Казан, 2023. – 374 б.
133. Татар халык ижаты: 25 томда. 9 т.: Дастаннар / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл., кереш сүз авторы И.Г. Закирова. – Казан, 2023. – 482 б.

134. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәrmәләрне язучы С.М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х.Ш. Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – 368 б.
135. Татар халык риваятьләре һәм легендалары / төзүче, кереш мәкалә һәм искәrmәләр язучы С.М. Гыйләжетдинов. – Казан: Раннур, 2000. – 315 б.
136. Татар хорафаты // Аң. 1913. № 13. Б. 230-232; № 14. Б. 245-248; № 15. Б. 259-261; № 16. Б. 282-283.
137. Тәнреколов Г. – Хөтбә хакында риваять (гарәпчә) // Мәгълүмат. – 1908. – № 14. – Б. 298.
138. Телләрдән төшмәс Казан... Риваятьләр, бәетләр һәм тарихи ядкарьләр / төзүчесе һәм текстларны әзерләүче С.М. Гыйләжетдинов. – Казан: Офык. «Казан» журналы китапханәсе, 1992. – № 2. – 48 б.
139. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: өч томда. – Т. II. – Казан: Мәгариф, 2009. – Б. 287-288.
140. Урманче Ф.И. Татар халык ижаты / фәнни мөхәррире Х.Ш. Мәхмүтов. – Казан: Мәгариф, 2005. – Б. 173-174.
141. Фазлетдинов И.К. Ришат Төхвәтуллин белән Газинур Морат авылдашлармы? // Кызыл таң. – 2022. – 21 октябрь.
142. Фазлетдинов И.К. Сөйләдем сөйләк... // Тулпар. – 1998. – № 2. – Б. 30.
143. Фәтхи А. Мәгърифәт төбәкләре һәм әдәби багланышлар // Казан утлары. – 1968. – № 2. – Б. 103-122.
144. Фәхреддин Ризәэддин. Асар. 1 том. – Казан: Рухият, 2006. – 360 б.
145. Фәхреддин Ризәэддин. Асар. 3 һәм 4 томнар. – Казан: Рухият, 2010. – 648 б.
146. Халиков А.Х. Беренче дәүләт: Болгар иле. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1991. – 216 б.
147. Илиял сөбути хакында хәдис вә риваятьләр // Мәгълүмат. – 1908. – № 16. – Б. 339.

в) на иностранных языках

148. Balint G. Kazani-tatar nuelvtanulmanyok. I. Fuzet. Kazani-tatar szovegek. – Budapest, 1875. – 170 s.
149. Кошгарый Махмуд. Турки сузлар девони (Диван лугат ат-тюрк) / ред. С.М. Муталлибов. – Тошкент, 1 том – 1960; 2 том – 1961; 3 том – 1963.
150. Moller S. Erinnerung und Gedächtnis. Version: 1.0. Docupedia-Zeitgeschichte, 12.04.2010. // URL: https://docupedia.de/zg/Erinnerung_und_Gedächtnis (дата обращения: 08.02.2024).

Неопубликованные

151. ПМА – полевые материалы автора, собранные на территории Республики Башкортостан и в регионах Российской Федерации с 2021 по 2025 г.
152. Татар халык ижаты: 25 томда. – Т. ...: Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, текстларны, искәrmә һәм аңлатмаларны әзерләүче, кереш мәкалә авторы И.К. Фазлетдинов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2025. *В печати.*
153. ФА КТФИК УУНиТ – фольклорный архив при кафедре татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий.
154. ФФ ИЯЛИ АН РТ – фольклорный фонд Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

II. Научная литература

а) на русском языке

155. Азбелев С.Н. Летописание и фольклор // Русский фольклор: народная поэзия славян. Т. 8. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 3-28.
156. Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 11-18.

157. Азбелев С.Н. О международной классификации преданий и легенд (авторское изложение доклада) // Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор. – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 178-179.
158. Азбелев С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Вып. 10. Специфика фольклорных жанров / отв. ред. В.Е. Гусев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1966. – С. 176-195.
159. Айвазян С.Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975. – С. 162-191.
160. Ахмеров Г.Н. Тептяри и их происхождение // Избранные труды. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998 – 240 с.
161. Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала / науч. ред. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Китап, 2001. – С. 14-21.
162. Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого ун-та. – 2012. – Вып. 1 (13). – С. 78-84.
163. Березкин Ю.Е., Дуванкин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 01.02.2024).
164. Булатова М.Р. Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект / М.Р. Булатова. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 136 с.
165. Ведерникова Н.М. Мотив и сюжет волшебной сказки // Филологические науки. – 1970. – № 2. – С. 57-65.
166. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. статья, прим. В.М. Жирмунского. Институт литературы АН СССР. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 648 с.
167. Гашпарикова В.О. О проблематике каталогов фольклорной прозы славян // Фольклор: проблемы тезауруса. – М., 1994. – С. 145-154.

168. Гилязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Казань, 2000. – С. 6-15.
169. Гольдциэр И. Культ святых в исламе. – М.: ОГИЗ-ГАИЗ, 1938. – 180 с.
170. Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978-1984) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. – Иркутск, 1991. – С. 14-27. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm> (дата обращения: 01.11.2024).
171. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967. – 317 с.
172. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
173. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. – 355 с.
174. Завгарова Ф.Х. Структурные особенности легенд, связанных с мусульманским культом святых у татар // Актуальные проблемы современной фольклористики. Республиканский центр развития традиционной культуры. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2018. – Т. 3. – С. 84-92.
175. Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: Мифологические и исторические основы. – Казань, 2011. – С. 139-243.
176. Закирова И.Г., Фазлутдинов И.И. Легендарные предания о святых в татарском фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 4 (74). – С. 132-140.
177. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 62-76.
178. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин. Словарь языка описания // Мифологические рассказы русского

населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1987. – С. 305-320.

179. Ибрагимов Н.Ф. Об исторических преданиях татарского народа // Тезисы докладов научной конференции за 1970 год. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. – Казань, 1971. – С. 57-59.

180. Ибрагимов Н.Ф. Отражение и изменение древних верований в генеалогических легендах // Тезисы докладов научной сессии за 1972 год. – Казань, 1973. – С. 91-93.

181. Ибрагимов Н.Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1976. – С. 98-100.

182. История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 469 с.

183. Касумова А.М.К. Древние корни образа «благородного разбойника» в гачагских дастанах // Philological Sciences / «Colloquium-journal». – 2021. – № 21 (108). – С. 78-84 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-korni-obraza-blagorodnogo-razboynika-v-gachagskih-dastanah> (дата обращения: 27.02.2024).

184. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири (30-е гг. XVIII - 90-е гг. XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Омск: Омский государственный педагогический университет – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. – 605 с.

185. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: XVIII-XIX вв.: монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. Е.И. Соловьевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. – 372 с.

186. Кербелите Б.П. Принципы систематизации сказок и произведений несказочной прозы в Каталоге литовского повествовательного фольклора // Труды АН Литовской ССР. Сер. А. – 1983. – Т. 1 (83). – С. 99-105.
187. Кербелите Б.П. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. – СПб.: Европейский Дом, 2001. – 607 с.
188. Китанина Т.А. Обзор указателей фольклорных сюжетов и мотивов // Живая старина. – 2002. – № 2. – С. 4-6.
189. Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Наследие, 1997. – 464 с.
190. Козлова Н.К. Общие мотивы и их интерпретация в преданиях и быличках русских и татар // Народная культура Сибири. Материалы VIII науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузов. центра по фольклору. – Омск, 1999. – С. 173-176.
191. Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты / под ред. Ю.И. Смирнова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 261 с.
192. Козлова Н.К. Лесной хозяин. Указатель сюжетов и тексты // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». Ежегодник. Вып. 7: Сб. науч. тр. – Омск, 2004. – С. 57-84.
193. Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Указатели сюжетов и мотивов. Систематика. Исследование. Тексты: монография / науч. ред. В.М. Гацак. – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – 460 с.
194. Козлова Н.К., Назырова Ф.Н. Указатель сюжетов о лешем и тексты ФА ОмГПУ // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm> (дата обращения: 01.11.2024).

195. Козлова Н.К., Степахина А.С. Сюжеты восточнославянских мифологических рассказов о колдовстве на свадьбе // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova5.htm> (дата обращения: 01.11.2024).
196. Котляр Е.С. Указатель африканских мифологических сюжетов и мотивов. – М.: Восточная литература, 2009. – 302 с.
197. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. – Л.: Наука, 1987. – 232 с.
198. Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. – Л., 1988. – С. 97.
199. Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий / Карел. науч. центр АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карел. науч. центр АН СССР, 1990. – 28 с.
200. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Ин-т русской лит-ры. – Петрозаводск, 1991. – С. 11.
201. Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы / заслуженный деятель науки, проф. П.И. Куркин. – М.: В/О «Союзоргучет». Ред.-изд. упр., 1938 (5 тип. Трансжелдориздата). – 88 с.
202. Левкиевская Е.Е. Электронный способ классификации мифологических персонажей // Живая старина. – 2002. – № 2. – С. 12-14.
203. Лурье М.Л., Разумова И.А. Анализ структуры устных демонологических рассказов // Живая старина. – 2002. – № 2. – С. 10-12.
204. Лурье М.Л., Разумова И.А. Анализ структуры устных демонологических рассказов как этап систематизации их сюжетов // доклад на семинаре «Сюжет-мотив-текст: Проблемы структурно-семантического указателя» // URL: <https://ruthenia.ru/folklore/Mast4.htm> (дата обращения: 01.02.2024).
205. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные

науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243-356. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/21845> (дата обращения: 21.01.2024).

206. Материалы по татарской диалектологии: сборник статей. Вып. 4. – Казань, 1978. – 162 с.

207. Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семантического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1983. – Вып. 16. – С. 115-125.

208. Миргалеев И.М., Аксанов А.В. Введение // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – С. 6-14.

209. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 792-816.

210. Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока / сост. Е.С. Новик // URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/novik/Komm105-115.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

211. Мухаматнуров С.З. Изображение исторических личностей в преданиях // Поэтика татарского фольклора. Сборник статей / сост. и отв. редактор Х.Ш. Махмутов. – Казань. 1991. – С. 93-100.

212. Мухаметзянов Р.М. Специфика татарских фольклорных жанров: учебное пособие по спецкурсу. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1989. – 82 с.

213. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 221-229.

214. Неклюдов С.Ю. О системе указателей фольклорных сюжетов и мотивов // Живая старина. – 2002. – № 2. – С. 2-3.

215. Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // Сборник к 60-летию А.К. Байбурина / ред.: Н.Б. Вахтин и Г.А. Левинтон

при участии В.Б. Колосовой и А.М. Пиир (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 77-86.

216. Проблемы структурно-семантического указателя фольклорных сюжетов и мотивов: Тезисы для обсуждения на семинаре 6-8 апр. 2001 г. в РГГУ // URL: www.ruthenia.ru/folklore/semindex.htm (дата обращения: 12.02.2024).

217. Пропп В.Я. Легенда // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 378-386.

218. Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. – 1964. – № 4. – С. 147-154.

219. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа. – М., 1975. – С. 141-155.

220. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 239 с.

221. Рафаева А.В. Исследование семантических структур традиционных сюжетов и мотивов: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 320 с.

222. Рафаева А.В. Теория и практика составления фольклорных указателей // URL: www.ruthenia.ru/folklore/rafaeva3.htm (дата обращения: 12.02.2024).

223. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. – М: Дрофа, 2004. – 288 с.

224. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии: препринт WP6/2008/06. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 32 с.

225. Рыженко Л.И. Великий Сибирский тракт: справочник. 2-е изд. испр. и доп. / под ред. док. ист. наук В.Г. Рыженко. – Омск: Ассоциация «Сибирский тракт», 2022. – 391 с., схемы.

226. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть I. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1762. – 331 с.

227. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии / сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть II. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1762. – 262 с.

228. Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / Академия наук СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории; изд. подгот. Н.А. Криничная. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 255 с.

229. Симонсуури Лаури. Указатель мотивов финской мифологической прозы. – Петрозаводск, 1991. – 210 с.

230. Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М.: Наука, 1968. – С. 248-273.

231. Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1979. – 438 с.

232. Стеблин-Каменский И.М. Lang «хромой» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1972. – С. 210-213.

233. Татищев В.Н. История Российская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. IV. – 555 с.

234. Татищев В.Н. История Российская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1968. – Т. VII. – 479 с.

235. Тихонова Е.Л. Отражение общественно-исторической реальности в народных преданиях русских старожилов Забайкалья // Россия и АТР. – 2019. – № 4. – С. 8-21.
236. Толстова Л.С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов // Фольклор и историческая этнография. – М., 1983. – С. 6-21.
237. Тюкина Л.А. Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-i-kollektivnye-vozpominaniya-kak-osnova-formirovaniya-kultury> (дата обращения: 08.02.2024).
238. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // Предания Русского Севера / изд. подг. Н.А. Криничной. – СПб., 1991 // URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/index.htm> (дата обращения: 12.02.2024).
239. Уразманова Р.К., Габдрахманова Г.Ф., Завгарова Ф.Х., Мухаметзянова А.Р. Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы / под ред. Р.К. Уразмановой, Г.Ф. Габдрахмановой. – Казань: ЯЗ, 2014. – 168 с.
240. Урманчеев Ф.И. Эпические сказания татарского народа: сравнительно-исторические очерки. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 120 с.
241. Урманчеев Ф.И. По следам Белого волка: ранние этнокультурные связи тюрко-татарских племен. – Казань: ИЯЛИ, 1994. – 125 с.
242. Фазлутдинов И.И. Предание: особенности жанра // Modern Humanities Success. – 2023. – № 1. – С. 86-91.
243. Фазлутдинов И.И. К вопросу о составлении сюжетно-мотивного указателя татарских исторических преданий // Актуальные проблемы современной татарской филологии: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 237-241.

244. Фазлутдинов И.И. Варианты татарского эпоса «Идегей» (Сибирский ареал) // Золотоордынское обозрение. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 766-781.

245. Фазлутдинов И.К. Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Уфа, 2005. – 263 с.

246. Фазлутдинов И.К. Синтез исторических и мифологических воззрений в преданиях населения северо-западного Башкортостана // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Леонида Михайловича Васильева (г. Уфа, 23 сентября 2021 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимов, Л.А. Киселева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 303-307.

247. Фазлутдинов И.К., Фазлутдинов И.И. Сакральные культы в преданиях об историях сел северо-западного Башкортостана // Эпосоведение. – 2023. – № 2 (30). – С. 43-55.

248. Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа: монография. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. – 415 с.

249. Хабутдинов А.Ю., Хабутдинова М.М., Машакова А.К. Образ Шакур-Карака в русской и татарской литературах // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 4 (74). – С. 193-203.

250. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар (сб. ст.) / ред. А.Х. Халиков. – Казань, 1981. – С. 5-20.

251. Хисамов О.Р., Закирова И.Г. Топонимическое пространство фольклора сибирских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13, вып. 9. – С. 159-163.

252. Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. – М.: Наука, 1964. – 9 с. (Доклады VII Междунар. конгресса антропол. и этногр. наук. Москва, авг. 1964 г.; 303 с.).

253. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. – М.: Наука, 1967. – 341 с.

254. Чистов К.В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов: доклады советской делегации. – М.: Наука, 1968. – С. 318-335.

255. Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. Доклад на VII Междунар. конгрессе антропол. и этногр. наук. (Москва, авг. 1964 г.) // Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.

256. Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II: Народные предания. – Улан-Уде, 1960. – 480 с.

257. Юрчук Л.А. Предания о разбойниках (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2014. – № 5. – С. 62-69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predaniya-o-razboynikah-po-materialam-folklornogo-arhiva-pskovgu> (дата обращения: 27.02.2024).

258. Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20-60-х гг. XX века. Собрание, публикация и научное изучение фольклора. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – 184 с.

б) на татарском языке

259. Бакиров М.Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2008. – 358 б.

260. Гыйләжәтдинов С.М. Крестьян чыгышлары турында татар тарихи риваятьләре (XVI йөзгә икенче яртысы – XVIII йөзгә) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. – Казан, 1984. – Б. 77-92.

261. Дәүләтшина Л.Х. Башкортстанда яшәүче татарларның фольклор мирасын өйрәнүдә Риф Мөхәммәтжанов эшчәнлегә // Фәнни Татарстан. – Казан: ТӘһСИ, 2021. – № 2 (30). – Б. 75-81.
262. Дәүләтшин Г.М. Идел буе болгарларының риваятьләре (Монгол яуларына хәтле чор) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. – Казан, 1984. – Б. 3-17.
263. Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 512 б.
264. Закирова И.Г. Болгар чоры халык иҗаты. – Казан: Фикер, 2003. – 143 б.
265. Закирова И.Г. Истәлекләрдә – сугыш кайтавазы // Историческая этнология. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 151-170.
266. Ибраһимов Г.Г. Әдәбият кануннары. – Казан, 1918. – Б. 60-63.
267. Ибраһимов Н.Ф. Топонимик риваятьләр һәм легендалар // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых Института языка литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. – Казан. – 1971. – Б. 45-46.
268. Ибраһимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның жанр үзенчәлекләре // Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых Института языка, литературы и истории КФ АН СССР. – Казан, 1974. – Б. 28-30.
269. Ибраһимов Н.Ф. Риваять һәм легендаларның кайбер үзенчәлекләре // Татар теле һәм әдәбияты. – Казан, 1976. – 5 китап. – Б. 214-220.
270. Мөхәммәтжанова Л.Х. Россия төбәкләрендә татар фольклоры (И.К. Фазлетдиновның «Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр» (Уфа: Китап, 2018. 344 б.) китабына мөнәсәбәттә) // Фәнни Татарстан. – 2019. – № 1. – Б. 160-170.
271. Сабиржанов Г.С. Гыйльми үзәк // Татар энциклопедия сүзлегә. – Казан: Татар энциклопедиясе институты, 2002. – Б. 206.

272. Урманчиев Ф.И. Идегэй. Нурсолтан. Сөембикә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 174 б.

273. Фазлетдинов И.И. Риваятьләре һәм легендаларны структур-морфологик ясылыкта тикшерү мәсьәләсе // Актуальные проблемы современной татарской филологии: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции (9 декабря 2022 г.) / отв. ред. И.Ф.Зарипова; И.К. Фазлутдинов. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. – С. 271-274.

274. Фазлетдинов И.И. Башкортстандагы татар авылларына нигез салыну турындагы риваятьләр: тарихи аспект // Фәнни Татарстан (Научный Татарстан). – 2023. – № 1. – С. 83-92.

275. Фазлетдинов И.И. Революциягә кадәрге вакытлы матбугат битләрендә татар тарихи риваятьләре // Агзамовские чтения – 2023: сборник материалов и научных статей Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. – С. 387-394.

276. Фазлетдинов И.К. Риваятьтә халык тарихы. Авыл тарихларын тасвирлаган риваятьләрдә XVI-XIX гасырлардагы миграция процессларының чагылышы: уку кулланмасы / фәнни редактор Ә.М. Сөләйманов. – Уфа: БДУ нәшрияты, 2003. – 201 б.

277. Фазлетдинов И.К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI–XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы / җаваплы мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. – Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. – 111 б.

278. Фазлетдинов И.К. Башкортстан татарларының авыл тарихларын тасвирлаган риваятьләрдә мифологик мотивлар // Фәнни Татарстан. – 2021. – № 4. – С. 84-97.

279. Фазлетдинов И.К. Башкортстан татарларының качкыннар һәм караклар турындагы риваятьләрендә тарих һәм мифология синтезы // Фәнни Татарстан. – 2022. – № 3. – Б. 88-89.

280. Ярми Хәмит. Татар халкының поэтик иҗаты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. – 308 б.

в) на башкирском языке

281. Нәзершина Ф.А. Халык хәтерә (башкорт халык риүәйәт, легендаларының тарихи ерлегә, жанр үзенсәлектәре). Тулыландырылған икенсе басма. – Өфө: Ғилем, 2006. – 320 б.

г) на иностранных языках

282. Aarne A. Variantenverzeichnis der finnischen Deutungen von Tierstimmen und anderen Naturlauten (FFC 9). – Hamina, 1912.

283. Aarne A. Estnische märchen- und sagenvarianten; verzeichnis der zu den Hurt'schen handschriftsammlungen gehörenden aufzeichnungen. – Hamina, Suomalaisen tiedeakatemia kustantama, 1918.

284. Aarne A. Finnische Märchenvarianten. Ergänzungsheft I. Verzeichnis der in den Jahren 1908-1918 gesammelten Aufzeichnungen (FFC 33). – Hamina, 1920.

285. Christiansen R.Th. The Migratory Legends. FFC, № 175. – Helsinki, 1958.

286. Hans-Jörg Uther. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I-III. – Helsinki, 2004.

287. Jason H. Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing. – Helsinki, 2000. FF Communications № 273.

288. Krzyzanowcki J. Słownik folkloru polskiego. – Warszawa, 1965. – S. 199-200.

289. Romanska Z. Die bulgarischen Volkssagen und Legenden Zustand ihrer Erforschung: Típe und Motive // Tagung der Sagenkommission der Internationale Society for Folk – Narrative Research... – Budapest, 1964.

290. Simonsuuri L. Typen und Motivverzeichnis der finnischen Sagen. FFC, № 182. – Helsinki, 1961.

291. Sinninghe R.W. Katalog der niederlandischen Marchen – Ursprungssagen – Sagen und Legendenvarianten. FFC, № 132. – Helsinki, 1943.

292. Tillhagen C.-H.: Was ist eine Sage? Eine Definition und ein Vorschlag für ein europäisches Sagensystem // *Acta ethnographica Academia scientiarum Hungaricae*. – 1964. – V. 13. – S. 11.